Николай Кожевников
Георгий Глушко

Мемуары Остарбайтера

Воспоминания Глушко о детстве, юности, угоне в Польшу остербайтером, освобождении и службе в Красной Армии, строительстве ГЭС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Г. В. Глушко. родился в 1926 г. в украинской селе. 14 лет стал сиротой и воспитывался колхозом. В 1941 г. село оккупировано Германией, в 1942 г. был угнан на принудительные работы в в польский лагерь для военнопленных, работал остарбайтером, заболел и был продан польскому бауеру. В начале 1945 освобожден Советской армией и прзван. Участвовал в штурме г. Познани и Берлина. По демобилизации с 1950 г. работал на строительстве многих ГЭС. Почетный энергетик СССР.

- Мемуары Остарбайтера
  - ○
  - ○
  - ○ Введение
  - ○ К читателю
  - ○ Моя малая родина и родители
    - ■ Мое рождение
    - ■ О родителях
    - ■ Голодомор
    - ■ Возлюби ближнего
    - ■ Отрочество
    - ■ Смерть мамы
    - ■ Юность и мытарства
    - ■ Хатор Лозовой
    - ■ Баба Евдоха
  - ○ Годы войны
    - ■ ■
    - ■ Война
    - ■ Немецкая оккупация
    - ■ Угон в рабство
    - ■ Случай в Киеве
    - ■ Маршрут по Польше
    - ■ Въезд в ад
    - ■ Адский труд
    - ■ На стройке
    - ■ Перевод на ферму
    - ■ Работа на пана
    - ■ Побег товарища
  - ○ У бауэра
    - ■ Жизнь у бауэра
    - ■ Последствия травмы
    - ■ Попытка бегства

- Концерт цыган
- Эвакуация
- Побег
- Предложение бауэра

- Освобождение
  - В контрзазведке
- В советской армии
  - Зачисление в армию
  - На фронте
  - Штурм «Цидатели»
  - В комендатуре
  - Снова фронт
  - Взятие Берлина
  - Капитуляция Германии
  - После победы
- Служба в армии
  - Курсы сержантов
  - Новые профессии
  - Боевые учения
  - Малый отпук
  - Дальнейшая служба
  - Радость солдату
  - Вербовка в Калининград
  - Набор в офицеры
  - Моральное воспитание
  - Болезнь и госпиталь
  - Последние дни в разведроте
  - Демобилизация
- Моя трудовая деятельность в тресте «Гидромеханизация»
  - Российская Федерация
  - Казахстан
  - Грузия — Абхазия
  - Армения
  - Азербайджан
  - Россия
  - Абхазия
  - Республика Коми
  - Литва

Мемуары Остарбайтера

Николай Кожевников
Георгий Глушко

«Жизнь моя — иль ты приснилась мне…» Есенин

Редактор Николай Николаевич Кожевников

© Николай Кожевников, 2017
© Георгий Глушко, 2017

ISBN 978-5-4485-4250-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глушко Георгий Васильевич

Введение

Сел за стол с пером и бумагой и не знаю, что писать и с чего начинать. И это уже не первый раз, потому что поздно получил эту книгу. Дело в том, что мне внучка Таня прислала ко дню Пасхи 2010 г. книжку, которая меня согрела так, что перевернула в моей памяти всю мою прошедшую жизнь детства и юности.

Книжечка эта о моём селе, в котором я родился и рос до 16 лет и называется:

СОКЫРЫНЦИ — КОБЗАРЬСКИЙ КРАЙ.

Выпущена она на украинском языке и посвящена 900 — летию моего села — Сокырынци. Внучка моя Танечка там родилась и проживала с бабушкой, моей сестрой Варей и её родителями, моим племянником Василием и мамой Еленой, братиком Дениской моим внуком. Таня закончила Сокырынский лицей, а Дениска учился в средней Сокырынской школе, фамилия их Жидко. Эта книжица всколыхнула мою душу на воспоминания о моём детстве, ребятах, с которыми я дружил, ходил в школу, играл в разные игры, особенно в футбол. Память возвращает меня к грусти нежной и печальной, так как многие мои друзья ушли в мир иной по разным причинам. Царствие им небесное и вечная память, а кто живой, то дай им Бог здоровья и благополучия. Мне мама мало рассказывала про свою жизнь и про наше село, но говорила, что наше село Сокырынци, находится на Украине в Сребнянском районе, Черниговской обл. Село очень старое и люди, которые создали это село, назывались Казаки, они служили у царя Петра первого. За хорошую службу он присваивал им звания и титулы, наделял землей. Одним из таких служивых был Галаган и ему царь Пётр выделил землю, на которой выросло село Сокырынци.

Галаганы были помещики-дворяне. По рассказам старожилов, говорила мама, что род Галаганов был добрый к своим крепостным крестьянам, не обижали их, давал им работу и построил великий дом-дворец, которому больше 200 лет. После смерти последнего из рода Галаганов казацкий род Забилы-Квиты, с которыми моя мама дружила, сберегали дворец и усадьбу от разграбления. Это всё, что я узнал о своём селе, да ещё то, что название оно получило от основателя его — Ивана Сокыры в начале второго тысячилетия, который организовал здесь поселение казаков.

К читателю

В своих воспоминаниях я хочу отразить судьбу моей жизни, которая ярко отпечаталась в моей памяти.

Я думаю, что жизнь моя подобна миллионам жизней людей бывшего Советского Союза, дедов и бабушек, отцов и матерей, братьев и сестёр в нескольких поколениях всего своего рода. К моему большому сожалению, поздно пришла мне в голову мысль написать эти воспоминания, уже тогда, когда мне исполнилось 85 лет. Память уже немного притупилась, но разум не лишил её полностью, а душа помнит всё, ничего не забывает и чистотою возвышается над моими воспоминаниями. Когда я лежу с закрытыми глазами, то душа, как на экране телевизора, показывает те далекие события моей жизни, которые я стараюсь не забыть и отразить их на бумаге.

С детства, с Украины, с места моего рождения в казацком селе Сокырынцях Серебнянского района Черниговской области. Я рассказываю о своей детской, без отцовской жизни с болью. Предлагаю читателю очерк моих личных воспоминаний. Я почти не пользовался архивными историческими данными и периодической литературной печатью, а описываю наиболее яркие эпизоды своей жизни, которые встают перед глазами в картинах видимого и пережитого лично самим собой событиях.

Описываю, начиная с мамы, а после её смерти, уже свою сиротскую жизнь. Не прошло мимо меня и лихолетье войны, немецкая оккупация, с последующим угоном вместе с другими подростками нашего села, юношей и девочек в фашистскую Германию. Работа на немцев в адских условиях с физическим угнетением. Освобождение нас Красной Армией из фашистского плена. Призыв меня в Красную Армию и дальнейшее участие в освободительной войне против немецких войск. **Крах Вермахта** и прорыв сильно укрепленного оборонительного рубежа **Берлина — Зееловских высот**. Последний удар. **Падение и капитуляция Берлина 2 мая 1945 года. Капитуляция Германии 9 мая 1945 года**. Мирное время. Служба в рядах Красной Армии на территории Германии с мая 1945 года по декабрь 1950 года. Годы мирных лет. С уважением к читателю. Каунас 2011

Моя малая родина и родители

Мое рождение

В Мире ничего из ничего не образуется и до сих пор не появилось, в том числе и дети. Для этого необходимо двое любящих людей разного пола, чтобы появился от них ребёнок. Такими оказались мои родители:

ОТЕЦ — Глушко Василий Демьянович,

МАТЬ — Глушко Анна Михайловна.

От их любви я и появился на свет 3 мая 1926 года в селе Сокырынци.

О родителях

Мама

Моя мама была из дворянского рода из города Прилуки, но она скрывала это от Советской власти, от меня и от селян. Мама мне о себе ничего не говорила, а если что и говорила, то очень мало и скупо. Во-первых, я был ещё мал, чтобы знать, кто есть кто. Во-вторых, ей было больно затрагивать эту тему, потому что жизнь у неё была тяжёлой, да и некогда было ей поговорить со мной.

Моя мама Глушко Анна Михайловна

Она была всё время в работе от утра до ночи. У неё беспрерывно цокотала швейная машинка «Зингер» и она обшивала почти всё село Сокырынци. Да и из других сёл ей привозили заказы: из Калюженец, родственники и другие крестьяне. Она была хорошая и опытная модистка и шила добросовестно, качественно и дёшево. Денег за работу мама почти не брала с крестьян, а только с интеллигенции, а так, кто что принесёт из продуктов, тем и рассчитывались. На этом мы

и жили, так как своей не было ни хаты, ни огорода. Мама снимала постоянно хатыну у бабушки Серых — бывшей дворянке, прямо в центре села. Рядом в 100—150 метрах находилась усадьба тёти Елизоветы Забила, а за ней бабушки Соловьихи Евдокии. Про них пойдёт речь позже.

В первую очередь мама обшивала большое семейство и родню тёти Забилы-Квиты, так как мама с ними дружила. Потом односельчанам.

Село наше было большое, по переписи 1926 г. в нём было 1083 подворья, где проживало 4801 человек. Это было удобное село, стоящее около центральной дороги, соединяющей две области, Черниговскую и Сумскую, через города Прилуки и Ромны. Помню, ещё до войны с немцами, у нас в селе было две начальные школы до 5-го класса и одна семилетка, которую я закончил в 1941 году перед войной, и Сельскохозяйственный техникум республиканского значения, куда я поступил сразу после окончания семилетки.

Была своя МТС (машинотракторная станция), обеспечивающая работу колхозов. А колхозов в селе было три: имени Дмитрова, Т. Шевченко и Чапаева и два хутора: Щорса и Лозовое, дворов по 20—30. В Лозовом было две бригады, в одной из которых я пас летом колхозное стадо коров.

В селе было много молодых семей, жёны по разным причинам не работали в колхозах, а желание имели чему-то научиться, моя мама учила их кройке и шитью на дому.

У кого была во дворе пристройка, то по договору, хозяин приезжал и забирал нас и перевозил к себе. А у кого был большой дом и только муж и жена, и был ещё и малый ребёнок или дочь, способная к шитью, то хозяин разделял хату и выделял нам место для житья, а стол и швейная машинка стояла так, чтобы свободно было работать.

Мы жили одной семьёй и питались вместе. По воскресеньям не работали. Церкви уже были закрыты, и мама сама долго молилась перед образами, а потом доставала из сундука толстые книжки и долго читала, потом ещё помолится и положит их обратно в сундук, почему-то прятала. Меня мама научила молитвам «Отче наш», «Матерь Божия, Спаси нас» и «Господи помилуй». После обеда часто собирались все вместе, приходили соседи и пели хорошие церковные и мирские песни. Я, с соседскими детьми, слушал эти песни с раскрытыми ртами. У мамы был хороший голос.

Мама рассказывала, как она была в Киеве и училась в каком-то лицее «благородных девиц», которая в то время была только в Петербурге и в Киеве. Там были и курсы разные, в том числе

кройки и шитья, которые она успешно закончила и получила диплом модистки широкого профиля. Она его доставала из сундука и показывала нам. Он был вишнёвого цвета, красивый с втиснутым двуглавым орлом, я сам держал его в руках.

Одну песню я запомнил на всю жизнь: «Ой у лузи та щей пры дорози, червона калина». Я её и сейчас пою со слезами на глазах, один про себя, так как будто она и написана про меня.

Это были в основном казацкие семьи, которые хорошо работали и хорошо жили до 1929—1931 года, до раскулачивания, хотя в селе кулаков не было, а были крепкие хозяева, которые умно руководили своим хозяйством и других крестьян не обижали.

Отец

Могу сказать, что я про батю мало что знал, да и сейчас тоже мало. Знаю то, что он мой отец, это подтверждено в Серебнянском районном ЗАГСе и в свидетельстве о моём рождении записано:

ОТЕЦ — Глушко Василий Демьянович;

МАТЬ — Глушко Анна Михайловна;

Как познакомились они с мамой, где и когда и сколько прожили они вместе, мне мама об этом не говорила, да я и сам её об этом не расспрашивал. Помню, что батя к нам приходил, особенно когда мы жили в центре села у бабы Серых, брал меня на руки, угощал конфетами и пряниками, и подолгу с мамой разговаривал, и иногда мама плакала. А однажды, он пришёл и принёс мне новые красивые сапожки, он их сам пошил, т.к. был сапожником. Я в них долго щеголял. Когда батя уходил, то я его не отпускал и плакал, и спрашивал у мамы: «Чего батька с нами не живёт?». Мама говорила, что у него есть другая молодая жена, а я уже старая и у тебя есть братик и сестрички в Калюженцях. Я маме говорил, что ты у меня самая красивая и не старая, а вот баба Серых, та старая.

Мой папа Глушко Василий Демьянович

Действительно мама была красивая женщина с длинной косой ниже пояса и с красивыми голубыми и ясными глазами. Я маме говорил, чтобы она познакомила меня с братиком и сестричкой, и мы будем вместе играть. Мама отказывала мне в этом, а я, не зная почему, закатывал ей истерику и получал от неё за это по полной программе. Но о том, что есть у меня где-то в Колюжинцях братик и сетричка, я запомнил. По уличному у них было прозвище «Синицы».

А в Калюжинцах у нас были родственники. Там жила старшая мамина сестра Варя, по фамилии Савченко, их прозывали по уличному «Лисицы». У тёти Вари был сын Сергей и жена Мария, и было у них трое детей: дочь Катя — 1924 г.р., сын Павел 1926 г. р. и дочь Галя 1928 г. р. Галя была самая бойкая

и шустрая среди них.

Мы приходили с мамой к ним в гости. Тогда ещё не было никакого общественного транспорта и из села в село ходили пешком, а тут расстояние через Галагани в парк было 3 км. После обеда взрослые занимались разговором, а мы в саду играли. И однажды мне пришло в голову то, что до сих пор себе не прощаю. Я спросил у Павлика: «Ты Мыколу «Сыниченого» знаешь?». Он ответил, что знает. Я говорю ему: «Познакомь меня с ним». Павлик говорит: «Пошли, тут недалеко, на горе». За нами увязалась Галя. Было лето, жарко. Мы пришли, хата кирпичная из белого кирпича. Вокруг чисто. Во дворе за забором играл хлопец, худенький, росту как Павлик, оба ниже меня. Он вышел к нам, и Павлик говорит ему: «Мыколо, познакомься, це твой брат, Юрко». Микола на меня посмотрел и говорит: «Який вин мени брат, це «Байстрюк».

Я это слово первый раз услышал, но понял, что оно плохое, не хорошее и как дал Мыколи в нос. Он, упав, закричал. Выскочила мать Мыколына, да и он уже встал и кинулся в драку. Мать нас увидела и закричала: «Сына убивают «Лисыци». Из хаты выскочил батя с ремнём, протянул по моей спине, потом по мыколеной и хотел меня поймать, но не тут-то было, мы драпанули. Галя впереди, мы за ней, благо, что с горки. В сад убежали, упали на траву и еле перевели дух. И всё бы было нормально и никто бы из наших не узнал, но Галка же — звоночек. Маме на ушко назвонила. Нас позвали в хату, а мать долго не слушала, мне по затылку, да ещё и на колени меня поставила.

Сергей схватился, кричит: «Сейчас я пиду этому „Сыници“ пирья пообщепаю». Он с батьком примерно одного года, но его не пустили. Он хотел пойти и узнать, кто научил сына таким словам нехорошим.

Когда все успокоились, то мы с мамой пошли домой. По дороге нас «Бабаки» звали в гости, они тоже наши родственники по маме, но мы не зашли, а пошли через «Бабакову» гору домой. Дорогою мама шла и плакала, а я её всё время спрашивал, что это за слово «Байстрюк»? Она долго не отвечала, потом сказала, что вырастишь, узнаешь сам, но оно тебя не касается. Есть злые люди и они разжигают между нами с батькой ссору. Знают, что батько тебя любит и к нам ходит, но теперь я его больше в хату не впущу. Такое у нас было первое знакомство с братом Мыколою Глушко.

Прошло лето, и у нас как-то так получилось, что мы с братьком ни разу нигде не встречались. Да ещё потому, что мы переехали в другой куток села до бабы Домахи учить её дочь

Дусю пошивочному мастерству. Батя нашёл нас там и пришёл с гостинцами, и с извинением. Но я к нему не подошёл, а выскочил из хатыны, как зверёныш. О чём они говорили, я не слышал, но мама всё время плакала, но видно, конечно, что они помирились, и мама его провожала.

Каждый год осенью в нашем селе бывала ярмарка и крестьяне везли со всех прилегающих сёл всё, что имели, кто продать, кто купить, а кто поменять.

Был хороший осенний день, пошли и мы всей семьёй, я с мамой и баба Домаха с Дусей, и между народом затерялись.

Многие, кто что продавал, знали мою маму и давали ей всё, кто-что мог из разных продуктов. Столько, что некуда было принимать, мама тогда стала заносить подарки к своим друзьям Горбенькив, которые жили около базара и там их оставляла.

Когда мы в очередной раз от них вышли, то о Боже! Навстречу нам идёт батько со всей его семьёй. Но что было для меня удивительно, то это то, что батя подошёл ко мне, взял меня поднял, поцеловал и поздоровался с мамой, а мама с тётей Настей трижды расцеловались, и мама поцеловала Варю на руках у Насти, и Колю.

Батько подвёл ко мне Колю и сказал: «А теперь миритесь и знакомьтесь». Мы нехотя подали друг другу руки. Батя дал нам по рублю и сказал, идите, купите себе конфет, а сами сели на лавочке втроём и долго разговаривали. Мы обходили весь базар, накупили разных конфет и вернулись, угостили их конфетами. Я первый раз увидел Варю, такую беленькую красивенькую детиночку в цветчатой косыночке на головке. Дал ей большую длинную, в разукрашенной бумаге, конфету. Дитё засмеялось.

Потом подъехал к нам дядько Горбач. Они сели на воз и поехали в Калюженцы.

Мама и Дуся

Мы с мамой сели на скамейку и мама, что-то рассказывала, потом вышла тётя Горбенко и позвала нас в дом. Зашли, стол уже был накрыт на обед. Пообедали все вместе. Побыли какое-то время у них. Потом мы собрались, и их дети помогли нам донести домой всякие гостинцы. Это была уже осень 1932 года. Мы жили

тогда на Лисовий у бабы Домахи. Мама обучала её дочь Дусю, шуструю и красивую девушку, шитью. ***На фото: мама (слева) и тётя Дуся Горбенко.***

Голодомор

Наступила холодная зима 1932—1933 года, а с нею не заставил ждать себя и голод. И кто бы мог подумать, что в таком зажиточном, благополучном селе Сокырынци могло произойти страшное — **голодомор.** Но, к сожалению, это было так. Образован он искусственно и насильно, беспределом районных и местных органов власти, слепо выполняющих указания вышестоящих органов власти и Постановления ЦК партии большевиков, Правительства СССР и Украины о принудительной коллективизации и уничтожении кулаков в 1929 году.

Активисты района и свои крестьяне из бедного слоя населения, сразу вступили в колхозы, так как им терять было нечего, а при вступлении в колхоз нужно было отдать всё, что имеешь: скот, лошадь, с/х инвентарь.

Зажиточные крестьяне не спешили отдавать своё нажитое «горбом», их тогда обложили непосильными налогами. Кто его не выполнял, отбирали у них часть урожая 1931 года, и поэтому у единоличников часть полей весной 1932 года осталось не засеянной, а в колхозах оказался низкий урожай, так как были плохо обработаны поля.

Поэтому население в зиму и весну 1932—33 гг. осталось не обеспеченным продовольственным, посевным и фуражным зерном. Это было не только в Сокырынцах, но и по всей Украине.

В Сокырынцах, так называемых «кулаков», не было. Крепких селян приравнивали к кулакам, милиция врывалась в хату, арестовывали хозяина и отбирали у них всё: лошадь, скотину, птицу, зерно, корма, инвентарь. Оставляли голые стены, селян выгоняли силой из дома, а мужа увозили в район и там судили под лозунгом: «Уничтожим кулака, как класс».

В 1929 году к кулакам были приравнены и безвинно осужденные, крепкие хозяива: Бережный Т. И., Бакуменко, А. Д. Беленко И. И.-1881 года рождения, Беленко И. И.-1906 года рождения, Бойченко И. А., Вовченко И. П., Гоман Г. Е., Еременко С. Д., Квито С. Т., Кислый М. И. Лисовый И. Г. Лисовый А. М., Назаренко А. М. и другие. Не стало тех людей, которые кормили свои семьи и половину сельской бедноты.

Помню, однажды мама пришла в слезах, и рассказывает бабе Домахи, случаи, которые видела она, идя домой, о которых я написал выше. Пишу, и страшно становится вспоминать и писать сейчас.

Шла зима, люди умирали с голода и холода. Умирали по одному и семьями. Не было кому хоронить и в чём хоронить. Не знаю, какими усилиями мы с мамой перезимовали.

Я так исхудал, что еле передвигался, а на маму было страшно смотреть. Куда делась её женская краса, у неё была длинная черная коса, которая к весне стала белою, а голубые глаза залезли в ямы глазниц и стали серые. Мама без конца молилась. и Боженька помогал. Баба Домна была не старая и крепкая женщина. Она нам помогала, хотя мама уже не шила, так как уже было никому ничего не нужно, кроме куска хлеба.

Однажды я занемог с голоду и слёг, помню, всё было безразлично и неинтересно. Вижу, солнышко светит, скворцы поют и соловьи в саду заливаются, а мне есть хочется, а нечего. Баба Домаха заглянула к нам в хатыну. Мама сидела около меня. Она говорит маме: «Возьми Юрка и пройдись по кутку, может кто, что-нибудь даст». Мама каже: «Никуда я не пиду, да вин уже и ходить не может. Умре Юрко, умру и я, мне не для кого жить». Я уже тогда начинал понимать, что в Сокырынцах у нас никого из родственников нет, и кроме меня у мамы никого нет. Вижу, мама стала на колени и со слезами начала молиться Всевышнему Богу. Баба Домаха видит такое дело (она нам помогала, пока было чем) вышла и забила тревогу. Сразу послала свою дочь к Елизавете Федоровне Забиле сказать, что Юрко и его мать Анюта помирают с голоду. Дочь быстренько побежала. Я сразу уснул и проснулся, когда тётя Лиза трепала меня по щекам. Пришла она и ещё две женщины с ней, сейчас не помню кто, кто-то из Квитив. Быстренько вскипятили молоко и напоили меня и маму. Меня заставили выпить 1 или 2 куриных сырых яиц. Молоко было с мёдом вкусное. А маму ругали за то, что она к ним не обратилась, как-нибудь помогли бы.

На другой день приехали на возу, (забыл, кто из мужчин) перенёс меня на возок или бричку, забрала мама все наши вещи и швейную машину «Зингер» и перевезли опять в хатыну бабы Серой.

Тётя Забила организовала дежурство из своей родни и наших близких знакомых с их кормёжкой. Так они нас выходили.

Весна входила в свои права и пошли в лес, и на поле росли трава и съедобные цветы: пшёнка, яглыця, крапива, в огородах лебеда, на лугах щавель, березовый сок на бересту (так называемая берестовая кашица), а главное это белая и жёлтая акация. Люди переходили на подножный корм и оживали. Начали обрабатывать огороды, кто остался жив. А умерло много, 1/3 села. Я многих не досчитался из своих сверстников, с которыми гулял, рождения 1925—26—27 годов.

Я сдружился с Обеиваемы хлопцами, которые жили на этом берегу Обеиваего ставка. Они — два брата, один старше меня, другой — мой ровесник. Они уже рыбачили во всю, а отец и их дядько были рыбаки. Они научили меня ловить карасей. Они их в одном месте прикармливали и, там улов был больше. А когда ничего не поймаю, то они давали несколько рыбёшек из своего улова. Я их надену на «кукан» и бегу домой. Меня спрашивали: «Юра, что поймал? Говорю: «Каласиков». За что и получил прозвище «Юрась — калась».

Так мы с мамой выжили благодаря добрым людям, особенно Забиле Елизавете Федоровне и другим: Квитам и бабе Домне Лесовой с её дочкой, кажется точно, Настей и другим селянам, которые любили мою маму. Велыкое им спасибо!

Говорят, у голода любви нет. А я скажу: Есть! Только надо любить друг-друга, как сказано в Священном Писании.

Возлюби ближнего

Я знаю, мама любила людей и никогда никого не осуждала, всегда говорила: «Бог им судья». Но зато, она любила Бога Иисуса Христа, больше всего на свете и всегда молилась Ему с любовью и смирением, а иногда она молилась в слезах, и просила у Него спасения, а не у людей.

Бог Иисус Христос, Спаситель наш, услышал слёзную молитву мамину, и Он послал спасение нам через добрых людей, которых я описал.

Урожай в 1933 году выдался не плохой, кто мог, что посеять свое и колхозное, все выросло. Мы с хлопцами лазили на поля, рвали и мяли колосья, воровали горох. Драли гнезда в лесу, собирали грибы все подряд, а дома родители сортировали их и больше половины, а то и всё мама выкидывала. Пошли орехи на лещине, сейчас их называют «фундук», дали свой плод сады.

Селяне стали оживать и крепнуть физически, но морально были пусты. С души горе не выкинешь. И оно подавляло ту радость, у тех, кто остался жив, и живы остались их дети. Улыбки не увидишь ни у кого на лице.

Сейчас прошло почти 80 лет после той трагедии, которая произошла в 1933 году на Украине. Камнем отдаётся на сердце тот ужас, и горе людское которое происходило у меня на детских моих глазах. Плач и крик пострадавших людей при похоронах, я вижу и слышу и сейчас, когда лежу с закрытыми глазами, и в памяти встают те голодные незабываемые дни. Потом уже мы на кладбище с мамой не ходили, так как не было сил.

Чудно Бог создал человека, не только положил в голову мозги для жизнедеятельности, но нашёл в них местечко для памяти. А это великое дело в жизни помнить прошлое, какое бы оно не было, но почему-то больше вспоминается хорошее, чем плохое.

Не помню, кто из великих мыслителей сказал, что без прошлого нет будущего. И поэтому в воспоминаниях стараешься, в будущем, вычеркнуть плохое, а хорошее само остаётся.

Мама меня всегда учила, чтобы я никогда ни на кого не злился, а если меня и побили старшие ребята, значит, ты заработал и должен их простить. Что я и делал, каждого ловил по отдельности и «ласкал» их кулаками, и провожал копняком, и прощал.

Грех удаляет нас от Бога и лишает Его благоволения. Церкви порушили, где Он обитает и люди лишились Его Небесной милости, страдали без Божьего покровительства.

Отрочество

Прошёл год. Горе людское немного улеглось. Мама моя поправилась, и приобрела внешний приятный вид, я ею любовался. Люди стали приходить делать заказы на шитьё. У мамы появилась работа и заработок. Наступила зима и мама начала усердно со мной заниматься и готовить меня к школе. Купила букварь и другие книги с картинками, хотя их у меня уже было полно, но это другие с подписями внизу и надо самому их разукрасить. К весне я уже выучил весь букварь и слагал слова, а по матматике считать до ста, добавлять и отнимать числа.

Летом мама мне купила форму, обувь, ранец, книги и всё необходимое: тетради, пенал, карандаши и ручки с пером, помню №86. Я не мог дождаться, когда пойду в школу. Наступил тот долгожданный день — 1 сентября 1934 года, я шёл с мамой, со страхом, но радость преодолевала страх, побеждала.

Нас первоклашек, построили на плацу перед школой по росту. Впереди девочек, сзади мальчиков. Я оказался самый высокий среди учеников, которых было 25—30 детей. Выступали перед нами директор школы и учителя, что-то говорили и поздравляли нас. Школа располагалась на Пашкивцы, в жилом доме, перестроенном под классы. Было 4-е класса. Потом завели нас в класс. Маленьких учеников посадили на передние парты, а высоких на последние, по два ученика, мальчика и девочку. Сначала все стеснялись друг друга, а потом привыкли. Меня посадили с Галей Харченко, она была девочка рослая и красивая.

А годы летят, наши годы
летят, как птицы.
И некогда нам,
Обернуться назад.

А годы вначале летели действительно быстро. Учился я хорошо, мама проверяла мои домашние задания. и я нормально переходил из класса в класс. Торжественный был приём нас в пионеры. В летние каникулы мама определяла мен я в пионерские лагеря, однажды в один сезон она определила меня на два срока подряд, после чего эту принудиловку я больше не хотел терпеть.

Я любил свободу: лес, ставки, рыбалку. Я любил по долгу купаться, т.к я хорошо плавал. Панский ставок (пруд) был длинный, от Красного моста до насыпи и гребли, наверное, было около 1 км. Я с хлопцами Олыксием Фесенко и Лёней Колисниченко проплывали это расстояние без отдыха.

На берегу Панского ставка рос толстый и высокий явир, такое

крепкое дерево, как дуб, ему было более 100 лет, под ним когда-то сидел Тарас Григорьевич Шевченко и писал стихи, в том числе и про явир — зелененький.

У этого явора росла, прямо над живописным прудом, толстая ветвь, а потом ствол поднимался вверх, образуя целое дерево, создавая красивый вид над водой. Мы залазили на дерево и прыгали с него, пока я не ударился головой о корни, так как залез ещё на ствол явора и глубоко с него нырнул. Потом запретили всем с него прыгать, даже прибили дощечку с надписью.

Бывало летом, в период каникул, дядя Ваня Бугай приезжал к нам и забирал маму с машинкой, меня и увозил в хутор Лозовое, и мы у них жили вхатыне, и мама обшивала их, и других хуторян. Я с хлопцами сразу дрался, а потом подружились. Они такие там дикие — драчуны всегда, как приезжали в село на базар, всегда дрались с нашими ребятами. Мы не успели отдохнуть, как быстро подходил сентябрь (вересень) и опять в школу. Я быстро делал уроки и потом болтался, хотя мама заставляла читать книжки. Зимой я их ещё читал, а весной и летом они меня меньше интересовали, чем природа.

Вначале занятия в 5-ом классе, мы перешли в новую школу, которая была построена на выгоне при выезде в сторону села Калюженцы и Осынника. В школе работали несколько кружков самодеятельности. Чтобы я не болтался без дела, мама повела меня в школу и хотела определить в какой — нибудь кружок.

Учитель Иван Пылынович посмотрел мои руки и сказал, что они у меня музыкальные, пальцы длинные, мне можно поступить в музыкальный кружок играть на гитаре или на скрипке. Гитара для меня еще большая, а скрипка будет как раз. На этом, и порешили.

Я стал ходить в музыкальный кружок. Пока изучал ноты, мама выбрала время, поехала в Прилуки, была там два дня. Ночевала у тети Дуси. Проведала там ещё знакомых, приехала и привезла мне скрипку. Я был очень рад. Побежал с ней до Ивана Пылыновича, он настроил её и сыграл на ней несколько песен и танцев. Определили меня к учителю. Им стал дядько Грыцко или Петро, сейчас не помню, но у них вся семья — музыканты. Два брата Иван Пылынович и Грыцко мой учитель, и два сына Обеевы, скрипачи. Они хорошо играли в селе и на свадьбах, и на похоронах. Я уже тоже, что-то «играл» смычком по струнам и вроде получалось, хоть и надоело это чирик-чирик, но ещё успевал и в футбол поиграть.

Однажды у нас была ответственная игра куток на куток. Меня заменить было некому, т.к. я играл центрального защитника,

но игра у нас получилась 2:2 (ничья), а мы хотели выиграть, и я удручённый пришёл к своему учителю музыки, а урок не выучил. Он мне показывает жестом — давай играй. Я достал скрипку стал играть чирик-чирик. Он выхватил скрипку с моих рук и отчитал меня со злостью, что я глухой, потом сыграл сам. Затем дёрнул меня за руку и кивком спрашивает, понял. А я возьми, да и скажи: «Ты, дурак глухой. Пошёл ты…!». Он на меня так удивлённо посмотрел, потом как врежет по голове смычком, смычок пополам, струнами повис у меня на ушах. Я вырвался, смычок бросил, а сам тикать, а он меня ещё успел по спине скрипкой огреть. Я с хаты выскочил, через забор перескочил, он выскочил мне в след и запустил скрипкой, которая об забор ударилась и разбилась. Драпал без оглядки. Домой пришёл и маме соврал, что с ребятами после футбола подрались, и она ещё подзатыльника добавила, и без ужина лег спать. Но драма разыгралась на второй день, когда я пришёл из школы и увидел на столе разбитую скрипку и сломанный смычок.

Это неописуемо, но наука в музыкальном направление не продолжилась и второй Паганини не получился. Но у меня был хороший голос и приняли меня в хоровой кружок, а то, что у меня плохой слух, никто не обратил внимания.

Ко дню рождения Ленина готовили концерт и изучали кантату «Ленин всегда живой», её исполняли последней в клубе. Слова я уже забыл, но последнюю ноту, как затянул, то все притихли в хоре, а я тяну. А дирижёр каже: «Юрко! Уже все приехали, а ты куда идёшь?». Я рот закрыл, все как захлопают и кричат: «Юра! Бис!». Я со сцены соскочил и дёру с клуба домой. За мною пришла мама и хочет меня ругать, но не получается и давай вдвоем смеяться.

Так что день рождения Вождя Пролетариата я запомнил на всю жизнь 21 квитня (апреля) 1870 года.

После этого я занимался в кружке ГТО, где дела у меня пошли хорошо, я завоевал твёрдое первое место в классе и 3-е по школе, получил грамоту и значок ОСАВИАХИМА. Вот так!

После 6-го класса никуда не поехал, а нанялся подпасычем пасти частный скот колхозников, так как мама уже болела. Голодовка дала о себе знать. Врач сказала, что у неё гастрит перешёл в язву желудка, а она не лечится.

Утром я получил торбу, то есть сумку с продуктами, бежал домой и отдавал фляжку молока и ещё что-нибудь из сумки, а сам гнал коров на пастбище. В обед женщины приходили доить коров, мы их подгоняли поближе к селу, бывало, кто даст, а кто нет, кружку молока, а если нет, то горбушку грыз с водичкой. Так что цену хлеба и воды я познал с детства, о том, что ХЛЕБ ВСЕМУ

ГОЛОВА, помню всегда.

Смерть мамы

К концу лета маме стало совсем плохо, но к школе она приготовила мне всё новое с иголочки, сама раньше пошила и туфли новые купила, ведь я пошёл уже в 7-й выпускной класс.

После середины вересня (сентября) мама слегла. Доктор придёт, укол сделает, даст микстуры. Мама ещё вставала, а с 20 на 21 сентября я уснул и снится мне, что из печи вылазят бандиты с ножами, а мама зовёт меня: «Юра, Юра!». Я просыпаюсь, она говорит: «Сбегай в Каложенци до Лисицив и Бабыкив, скажи чоб воны пришли, а то я сегодни умру, а мени треба им щось сказать».

Я не хотел, посмотрел на будильник 2 часа ночи, а бежать надо через Панский лес и я говорю: «Мама, я боюсь». Она говорит: «Не бойся, нагнись ко мне». Я нагнулся. Она поцеловала меня в лоб, перекрестила и говорит: «Ну, бежи и скажи, нехай поторапливаются».

У меня сразу слезы брызнули из глаз и закапали на неё. Одного боялся, что не застану её живую ещё. Вона каже: «Не плачь сынок, я ещё не умру, мени сийчас лучше и ничого не болит».

Я вышел из хаты, слёзы заливают глаза, и я ничего не вижу. Сейчас не помню, светила луна или нет, но я бежал, спотыкался, падал и опять бежал через парк. Дорогу знал хорошо, а на поле от леса уже стёжка блестела от луны.

Спустился с Бабаковой горы прямо к ним во двор. Шарик (собака) сразу загавкал, потом меня узнал, заскулил. Я побарабанил в окно. Кто — то подошёл к окну, узнал меня, я крыкнув: «Мама умирает и Вас зовёт, хочет щось сказать». Сам побежал до Лысыцив в метрах 300 от них. Поднял всех на ноги. Всё сказал, как мама просила, и мы дети, первые побежали до нас. На все сборы и дорогу у меня ушло часа 2,5—3.

Прибежали, я первым вскочил в хату. На столе горела лампа. Мама спала, левая рука весела, как плеть. Я взял, чтоб её поправить, но она была холодна. Мама была мертва. Сразу после моего ухода она скончалась.

Я в истерике упал на неё и ничего не помню. Только уже днём проснулся в хате у бабы Серой. Народу полный двор. Меня в хату не пускали. Маму обмывали и укладывали в труну (в гроб).

МАМА УМЕРЛА УТРОМ 21 СЕНТЯБРЯ 1940 ГОДА, В 52 ГОДА СВОЕЙ МУЧЕНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Я сидел в хате за столом плакал, падал в обморок, дрожал. Мне сестра делала уколы и давала нюхать ватку с нашатырем. Я нюхал и выкидывал её, а у меня, помню, дрожь не проходила, как и сейчас, пишу — слёзы текут, и какая-то дрожь по коже проходит, да и в квартире не жарко +17°С и время уже второй час ночи, а спать не хочется. Воспоминания так и лезут из затылка в мозги, и голова разболелась, а я пишу, спешу, чтобы опять ничего не забыть.

Предлагали еду, а я не хотел. Меня позвали в хатыну. Мама лежала уже в гробу, он стоял в цветах на скамейке. Было полно людей. В сенях баба Евдоха — Соловьиха читала молитвы. Было много людей. Я помню, подошёл, заголосил и опять упал на маму и второй раз потерял сознание.

Очнулся опять в хате, около меня сидела уже знакомая мне доктор. Говорит: «Проснулся, ну и Слава Богу. Успокойся, попей горячего молока с мёдом и больше не плачь». Уговорила меня.

Я послушал её, ушёл с хаты и вошёл в хатыну. Там были уже родственники из Калюженец и здешние близкие мамины друзья и подруги. Елизавета Федоровна самая близкая мамина подруга и другие Забилы-Квиты, Горбенки, Фесенки, всех сейчас не помню. Все стояли и плакали.

Баба Сира отдала свою хату — залу в распоряжение Калюженских родственников Лысицив и Бабакив: Сергей Лаврентьевич, его жены Марии и т. Евдоха там находились. Вечерело, народ разошёлся, но одноклассники оставались до последнего, подбадривали меня.

Я уже не помню, как прошёл второй день. Я просидел около мамы всю ночь, плакать, не было слёз. Окна были завешаны, в углу горела лампадка, которую мама всегда зажигала, когда молилась, у изголовья ясно горели три толстые свечи.

Какая-то женщина бормотала что-то из толстой книги (теперь я знаю, что это был Псалтирь), я слушал, ничего не понимая, и думал, зачем маме её сказки, если она не слышит и спросил: «Тётя, моя мама, что не умерла?». Она ответила, что мама умерла. Я спрашиваю: «А зачем ей сказки эти?». Она ответила, что это не сказки, а молитвы Богу. Чтобы Он взял её душу в Царство Небесное на небо. Туда на небо, думал я и хотел что-то у неё ещё спросить, как вошла баба Соловьиха и с ней другая женщина. Баба Евдоха Соловьиха с ними переговорила, и та женщина стала продолжать читать, а первая попрощалась со мной и с бабой, ушла. Баба Евдоха что-то поправила около мамы и подошла ко мне, спросила что-то, я ответил, и просила, чтобы я хоть что-то покушал и уснул, хоть пару часов. Я от всего отказался, она ушла, и мы опять остались вдвоём.

Я слушал непонятные чтения, а сам думал, как жить дальше и с чего её начинать, ту одинокую жизнь. Додумался до того, что испугался той будущей моей жизни и впал в истерику начал плакать и кричать, что я жить без мамы не хочу, и похороните меня с ней.

Прибежал Сергей Лаврентьевич и другие и не смогли меня отодрать от гроба. Говорили, что я упал на маму и не отпускал её, они сделали мне укол и сонного меня отнесли в другую комнату. Не знаю, сколько было время и сколько я спал, но когда проснулся, то голова болела и я увидел, что было много народу во дворе, особенно из школы одноклассников и других учеников и учителей, и впереди стоял директор школы Журавель Федор Семёнович.

Меня завели под руки в хатыну. Там стояли женщины и человека два пожилых мужщин и читали молитвы и пели тихо песни. Как сейчас помню, меня отвели в сторону и двое старшеклассников меня придерживали под руки, а мужчины взяли гроб и стали выносить из хаты. Во дворе гроб поставили на воз и тихо повезли. Я не знаю, как я себя вёл и через слёзы ничего не видел. Меня ребята вели под руки, а я еле переставлял ноги.

Кладбище было рядом 250—300 м. Гроб поставили на табуретки, я на него упал. Кто-то, что-то говорил, я не слышал и плакал. Люди подходили около меня прощались с мамой и меня успокаивали. И женщины пели унылые песни. Когда забивали гроб и опускали его в яму, то потом говорили, что я так голосил, и сами не знают, откуда я такие слова брал, но главное запомнилось мне, что я говорил: «Мамочка, на кого ты меня оставляешь, и зачем ты меня покидаешь, возьми меня с собой». И рвался прыгнуть в яму и меня взрослые еле удерживали, и почти все плакали. Не помню, как они, и кто перетащил меня домой.

На умывальнике висели мамины полотенца и рядом моё. Меня подвели, я умылся, слёз уже не было. Умывшись, зашёл в хатыну. Всё было убрано, на столе стояли цветы и мамина фотография, а в углу заправлена кровать. Всё было так, как мама любила.

Во дворе поставлены уже были столы. День был солнечный и тёплый. Сели поминать. Голова сельсовета и директор школы сказали, что — то, потом выпили, налили и мне вина, я выпил, они все выпили, и я отключился, сказав всем спасибо. Меня отвели в хату, и я уснул.

После похорон мамы у меня в 14 лет началась новая сиротская, самостоятельная жизнь.

Юность и мытарства

Не буду описывать первые дни после смерти мамы, а я их и не помню, только я знал, что кончилась моя беззаботная жизнь, а с чего начинать новую я не знал, и как прошли они, не помню.

Сергей Лаврентьевич забрал меня в Калюженцы и несколько дней я жил у них. Павлик тоже ходил в 7-й класс, и я с ним вместе делал уроки. Сергей Лаврентьевич работал учителем в школе, преподавал географию и историю, и по вечерам, ещё при живой моей маме, рассказывал много интересного о мире. Однажды, он приходит из школы и говорит: «Тебе, Юра, надо вернуться в Сокырынци и продолжить учёбу. На первые дни мы дадим тебе продуктов и немного грошей, а там тебя поставят на „патронат“ и будут обеспечивать продуктами». Думаю, какое-то слово сказал — непонятное. Я знал патронташ, в котором охотники хранили патроны, но не стал его переспрашивать.

Помню в воскресенье нас с Павликом загрузили продуктами, Галя что — то взяла, и мы пошли через Бабаковый двор. К нам присоединились Ольга и Галя Бабаковы, тоже с продуктами. Я вернулся в Сокырынцы в хатыну до бабы Серой, так как там остались все вещи мамы и мои. Как зашли, то Оля, она была старше нас, говорит: «О, как было всё при крестной, так и всё стоит».

Зашла баба Сера, так её звали, а имя её я не знал, говорит: «Я зробыла так, як вона любыла». Посидели, вспоминали маму, а их тётю и крёстную я за ворота проводил, а сам вернулся, сел на ее стул и не плакал. Уже сердце окаменело, осталась только глубокая рана в нём. Я думал, как жить дальше.

На второй день с утра за мной пришёл посыльный и повёл в сельсовет, где предлагали мне определиться в детский дом. Я отказался.

Несколько раз было таких предложений, но я отказывался, приходил домой и запирался, так как со школы приходили и дети, и учителя, но я никого не впускал.

Однажды я вспомнил, что в Прилуках есть двоюродная сестра по батьку, и мама с ней очень хорошо дружила, и часто у них была. Я решил, что пойду к ним, поступлю в ФЗО или найду какую-нибудь работу по найму, в ученики. Думал, всё-таки город и там легче куда-нибудь устроиться.

На второй день встал пораньше, потому что по утрам в ворота ученики тарабанят и зовут меня в школу, и чтобы с ними не встречаться, я побежал через выгон, и панским лесом, мимо ставка, прошёл на Осычник 3—4 км. Вышел на перекрёсток дорог

Ромны-Прилуки и Сокырынци — Дейманивка.

Стал голосовать, но никто не останавливался, так как машины были гружёные, а в кабине места не было. Я пошёл в Охиньки. С горки бегом, а по селу до моста пешком-шагом. На мосту, через реку Удай, машины шли тихо, и я на одну подцепился, смотрю с зерном, я влез и благополучно доехал до Прилук, около 30 км.

Прилуках, на повороте соскочил с машины, не доезжая почты, на ул. Ленина, где жила Дуся. Дома у них никого не было, все на работе.

Я Прилуки немного знал, особенно базар, и пошёл туда и пока болтался, там меня «шпана» приметила и повели меня в подвал, а там был их штаб, и они меня всё расспросили и сказали, что будешь у нас работать. А один из старших сказал, что у него пальцы длинные и будет карманником, мы научим, как таскать кошельки. Я сказал, что подумаю. Они мне дали два дня на раздумье. Отпустили.

Меня вывели, и я знал, что за мной следят, и пошёл по магазинам, и там затерялся в толпе. Когда я пришёл, Дуся была дома. Она уже знала о смерти мамы и, когда я зашёл, то она со слезами кинулась обнимать меня и жалеть. Когда она успокоилась, я рассказал ей о своих делах и о том, что меня «шпана» хочет завербовать к себе. Она спросила, сказал ли я откуда приехал, как меня звать и фамилию. Она испугалась их. Я им сказал, что звать меня Виктор, а фамилию сейчас не помню, что приехал до родственников, которые живут за табачной фабрикой, а сам из Васкивцыв. Я их обманул. У Дуси отлегло.

Муж у неё работал на ж/дорожной станции по сопровождению вагонов с ценными грузами и был в отъезде.

Уходя на работу, Дуся сказала, чтобы я не выходил на улицу, а играл во дворе. В их доме жили две еврейские очень хорошие и добрые семьи, и дети их были ровесники мне, и я с ними дружил уже раньше. Родители их знали хорошо мою маму, ещё по жизни её в Прилуках и знали, с какого она роду. Знала об этом и Дуся, но мне не приходило в голову расспросить их о маме.

Через два дня приехал дядя Миша. После наших разговоров, и выслушав моё желание, он резко мне сказал: «Нечего тебе в Прилуках делать, шпаны здесь своей хватает, возвращайся в Сокырынци и заканчивай 7-й класс. В детдом не иди, там тебе будет трудно, а иди в сельсовет, и они обязаны поставить тебя на патронат, тем более такое большое село. В колхозном Уставе сказаны льготы на содержание детей-сирот».

На второй день мы с Дусей попрощались, а дядя Миша вывел меня до школы механизации, там остановил машину, он был

в форме ж/дорожной милиции, а машина шла как раз в Васьковци через Сокырынци и довезли меня прямо до сельмага, домой.

Дуся собрала мне большую торбу (сумку) с продуктами, а дядя Миша дал ещё и 20 рублей (2 червонца). На второй день я в школу не пошёл, а пошёл в корчму. Как порядочный поел, деньгами рассчитался и пошёл домой.

Бабушка Сера была очень рада, что я вернулся, а то ей некому было принести ведро воды. Она была на несколько лет старше мамы, но была очень толстая, глухая и много лежала.

В школу я не пошёл, а хотел, но было очень стыдно, т.к. прогулял больше месяца.

Ко мне прибежали школьники и сказали, что меня зовёт директор школы. Я его очень уважал, но боялся. Пошёл.

В директорской Федор Семёнович встретил меня добродушно и предложил сесть. Разговор начался на воспитательную тему, а там сидело еще два учителя, которые ему поддакивали. Я слушал и у меня невольно стали течь слезы. В конце я сказал Федору Семёновичу, всё правильно, но в школу я не пойду, пока меня не поставят на патронат. Голодный я в школу ходить не буду, а поеду в Прилуки, там меня берут на Реммаше учеником токаря. Я не врал. Это мне сказал Михаил Соломонович, сосед Дуси, что такая возможность у него есть.

Директор встал и говорит: «Никуда ты Юра не поедешь, тебе надо закончить семь классов и потом поступишь в техникум. Ты учишься хорошо и догонишь отставание. Подошёл, положил мне руку на плечо, как никто мне не делал. «Иди, узнай уроки, и завтра приходи в школу, а я пойду сегодня в Сельраду и твой вопрос решим». Пожал мне руку, как отец и проводил меня до дверей.

Этим 10—15 минутным разговором Федор Семёнович убедил меня, что надо учиться и вернул меня к жизни.

А сам он закончил жизнь трагической и нечеловеческой смертью, всей семьей вместе с другими односельчанами казненый фашистами и их приспешниками, отобравших сотни человеческих жизней, ни в чём не повинных людей. В Срибном в школе 23.02.1943 г. фашисты сожгли живьём более 400 человек и из Сокырынец было 125 человек.

Пишу, а слёзы заливают мои старческие глаза, так как память вернула меня почти в восьмидесятилетнюю давность и жалость, к преждевременно и безвинно погибших близких друзей, знакомых и не знакомых людей, сломила мою силу воли, и я перестал писать, разволновался, и дал волю слезам. Жена моя, дорогая Галина, увидела моё волнение, подошла с боку обняла и говорит вопросительно: «Что это ты там такое жалкое пишешь,

что аж до слёз сам себя довёл? Успокойся». Дала мне салфетки. Говорю: «Да так, вспомнил детство и односельчан». Я ей не даю читать и пишу больше всего ночами, полусидя на диване, на коленях при ночной лампе, сначала в черновом варианте, а потом в тетрадь. За столом сидеть не могу, так как отекают ноги.

Галина говорит: «Это хорошо, что ты их помнишь, но сейчас, которых нет, их уже не вернёшь своими слезами, береги свои нервы, которые пригодятся для живых». Так и стараюсь, отвечаю ей.

Тогда зачем ты это всё пишешь и для кого, спрашивает она? Говорю: «Для тебя, для детей, которые не знали моего детства, которых мне родила моя первая жена Вера Васильевна, с которой мы прожили 30 лет вместе.

Николая в 1953 году, Евгения в 1955 году и Александра в 1964 году».

Ну, и как они это узнают, спрашивает она? Говорю: «Как умру, то ты им сразу сообщишь об этом. На похороны они сразу не успеют, потому что долгая процедура будет по оформлению ВИЗ в России. А Коле в Абхазии или в Москве, но всё равно приедут. Наследства правда нету, так как богатством в Литве мы с тобой не обзавелись, но книги и фото, может, кое какие возьмут, да и могилу посмотрят».

Один Бог знает кто, когда умрёт, ответила мне моя жена Галина. Вот такой короткий диалог у меня с ней произошёл, и я немного успокоил свои, уже слабые нервы, и продолжу переписывать воспоминания дальше, как успокоюсь.

Я стал ходить в школу. Одноклассники приняли меня с радостью и стали уважительно ко мне относиться, и я стал посолидней себя вести и догонять отставание.

После школы питался в корчме, да и деньги у меня появились, т.к. продал мамину швейную машину, «Зингер», за 300 руб. отдал мамины долги, кому она была должна, а по вечерам ходил на бригаду и помогал конюхам управляться на ночь с лошадьми.

Хатор Лозовой

Через несколько дней меня позвали в Сельраду, и когда я пришёл, то увидел много народу, даже был из хутора председатель колхоза дядя Ваня.

Меня спросил председатель с/совета: «Ну, что Юрко, в деддом поедешь?».

Говорю: «Нет. Я тут родился, тут и умру». Председатель говорит, что мы тебя определили в колхоз «Червоный Степ», в хутор **Лозовое.** Я спросил его: «А что в селе места не нашлось? Это же далеко, как продукты я буду получать». Вижу, все председатели колхозов головы нагнули. Встал Иван Владимирович и говорит: «Да Юрко, не нашлось, поедем до меня. Подожди меня на улице».

Я вышел. Через какое-то время вышел он и с ним один из его работников. Они зашли в сельмаг, там купили гостинцев домашним членам семьи, спросил меня: «Есть ли у меня срочные дела и могу ли я ехать сейчас с ними?».

Сказал дел нет, уроки поделал и могу ехать с ними. Сели в бричку. Мужчина сел на «козлы», а мывместе сели сзади.

Жеребец понёсся по селу, взбивая столб пыли. Иван Владимирович угостил меня печеньем, мы ехали, и он начал разговор, и спрашивал меня кое о чём. Главное, заканчивай 7 классов и поступай в наш техникум, и у нас будешь агрономом, мы тебя сумеем содержать, если в селе бедные колхозы. Я с ним согласился и сказал, что хочу быть механиком. Он сказал, что это тоже хорошо.

Мы приехали. Меня встретили хорошо. Сели за стол, дядя Ваня налил себе и тёте Марии по чарке. Он встал и все встали, а меня за плечо придержал, чтобы я сидел и помянули маму.

Тихо пообедали. Домашний борщ и тушёна картошка были очень вкусны. Спал я в той хатыне, где год назад с мамой.

На второй день дядя Ваня собрал собрание. Дядя Ваня сказал, что в селе Сельска Рада Сокырынець постановила поставить напатронат в наш колхоз Глушко Юрка. Що Вы скажете? Выступило несколько человек и сказали, знают мою мать и батько Василя, и взяли меня, напатронат, как **СИРОТУ.**

На следующий день выписали мне продукты. Главный агроном ехал по делам в Сокырынци и завёз меня к бабушке Евдокии Соловьихи, которая забрала меня к себе, так как жила одна.

Бабушка Евдоха встретила нас радостно и поблагодарила извозчика за доставку меня с продуктами и сварила ужин из моих

продуктов.

На второй день в школе я зашёл к директору и поблагодарил его за заботу. Федор Семёнович в душе был доволен и сказал, что ничего не стоит, так как это мои обязанности, а ты учись хорошо. Что я и сделал, догнал быстро класс. В дальнейшем доставлять продукты, стало для меня проблемой.

В первой декаде месяца, я должен явиться туда, выписать в бухгалтерии продукты и в амбаре их получить, а доставить домой, как придётся. Картошку 10кг., бурячки я оставлял до случая кто поедет, а сам брал: муку 2—3кг, крупу 2кг, масло подсолнечное 1л, фасольку, перловку, и др., всего 5—7 кг.

В этот раз я поехал на лыжах, ветер сопутствовал. Я быстренько всё оформил и получил. Кладовщик предложил мне чашку чая с хлебом и с куском сала на дорожку, я согласился. Он помог мне увязать торбу за спину попрощались, и я тронулся, а ветер оказался мне в лицо. Выехал за хутор, невозможно идти. Метёт позёмка, где сдувало снег с дороги, а где наметало буграми. Темнело рано и я сбился с дороги, кругом поле. Провиант за спиной все тяжелел и тяжелел и, наконец, отвис на одну строну. Пальцы задубели и рукавички перестали греть, но я шёл, еле передвигая ноги и боялся остановиться. Декабрьский мороз делал своё дело, а идти около 10 км.

Потом попал на Тростянецкую дорогу и пошёл вправо, знал, что она выведет меня на Сокырынци. Добрёл до Ясеневой аллеи и успокоился немного. Снял торбу, лыжи, приставил под дерево, чтоб можно было сесть не на снег, сел упёрся спиной в дерево и мне стало так тепло, уютно и я уснул. Сколько спал, не знаю, но видел, как на яву маму.

Вижу, она идёт такая красивая и веселая, коса обвитая на голове, так она носила её до голодовки (как Юля Тимошенко) в белом платье.

А я ей кричу: «Мама, мама, мама, зачем ты меня покинула?». А она улыбается и так манит меня пальцем и говорит: «Иди за мной! Иди!».

Я что-то ещё кричал и вдруг чувствую, что кто-то меня толкает и бьёт по лицу. Я открыл глаза и вижу людей, а встать не могу.

Они под руки меня подняли. Я весь в снегу. Снег с меня стряхнули и узнали, спрашивают: «Юрко, це ты!». Кажу: «Я». А стоять не могу. Спрашиваю: «А Вы кто?». «А це я, Борис Порывай». Второго не помню. Они заставили меня прыгать, а потом бежать по дороге впереди. Я бежал, падал, до села оставалось 1—1,5км. Я уже не мог бежать, разогрелся и стал на лыжи, тот парень на себе вёз мою сумку. Въехали в село уже

стемнело.

Дом бабы был за усадьбой Забилы, сразу за углом по дороге на Бугаивку, перед кладбищем. Баба вышла, встретила нас, позвала всех в хату и расспрашивает. Я кажу: «Бабо, да всё нормально». А Борис каже: «Да не всё бабо Юрко чуть не замёрз в снегу. Оце ж мы с Павлом катались на лыжах за селом, слышим хтось нас зове, а не видим. Пидьехали ближе бачим людына в снегу и щось бормоче, снег стряхнули, а це Юрко».

Баба запричитала. Давай креститься да Бога благодарить, что послал детей на помощь. Дала хлопцам гостинцев, а меня давай отогревать, кормить, поить и растирать с молитвами перед лампадкой. Потом загнала меня на печь, и я уснул, после нескольких глотков ее крепкой настойки.

В школу на второй день не пошел и после обеда пришел сам директор Федор Семенович с классным руководителем Михаилом Юрьевичем и несколькими школьниками. Поругали меня и пожалели, уроки какие были, и какие на завтра задали, мне сказали, а директор сказал, чтобы я в школу не ходил без разрешения врача.

На второй день пришла врач, выслушала меня и еще оставила меня дома на три дня и оставила рецепты. Меня спрашивали, как случилось. Говорю, не знаю. Через пару дней приехал из Хутора Иван Владимирович и говорит: «Ну что живой? Говорю — «Да»! Ну, мне за тебя влетело и от председателя. И от парторга, а як бы замерз, то меня посадили бы в тюрьму. «Почему ты не зашел ко мне?». Говорю, что спешил и не хотел беспокоить Вас.

Баба Евдоха говорит, что не пущу больше его к вам за этими крохами. Он говорит правильно, сейчас я Вам привез все до конца месяца, а с нового года привезут все до весны на три месяца. А это от нас! Вытащил каравай хлеба, сливочного масла, шматок сала, банку меда и бутыль молока и самогона бутылку бабе на растирку.

Я поблагодарил его за все и сказал: «Дядя Ваня, я виноват, больше не повторится». Он сказал: «Главное, что жив остался».

В понедельник пошел в школу, выздоровил, и опять ко мне все внимание, а мне стыдно за мою слабость, хоть провались. Если бы не хлопцы, то мама меня бы «забрала», и я бы не испытывал в дальнейшем тех мучений и страданий которые я переношу по сегодняшний день. Имею ввиду болезни, унижения и т. д.

Зима выдалась холодная. Я с бабушкой, после уроков ходил в лес с саночками по дрова. Где, что сломаем то и везем домой. Я еще помогал на конюшне чистить навоз, и конюхи давали мешок соломы.

Началась весна 1941 года. Стало теплей и светлей. Топить печь стало легче и уроки выполнять тоже, не потребовался каганец и керосин.

Я готовился к экзаменам до темна, хоть и учился я хорошо. Математика, физика, химия и другие предметы все было отлично и хорошо, а вот грамматика как украинского, так и русского, и немецкого хромали, но все сдал хорошо и поступил в Сельхозтехникум и выполнил наказ, как директора школы, так и председателя колхоза.

Уже летом после экзаменов я пошел в Лозовое. Зашел в бухгалтерию, чтобы выписать накладные, а главный бухгалтер говорит: «Ни Юрко, в колгоспи треба робыть, отрабатывать те, за що тебе кормылы». Послали меня до председателя.

Зашел к Ивану Владимировичу, он мне и говорит: «Мы, Юра решили тебя послать во вторую бригаду, где ты будешь жить у бабы Приськи. Она одна, будет тебя кормить, а ты будешь ей помогать по хозяйству в свободное время. Носить воду, колоть дрова и т. д. Днем будешь пасти колхозное стадо с пастухами. Там познакомишься. Завтра отдыхаешь, а со второго дня приступай». Мне выписали провиант, погрузили дрова (чурками) и повезли во вторую бригаду.

Вторая бригада была 1—1,5 км. от 1-й, дворов 20 больше первой или мне так показалось, т.к. дома раскиданы по всем углам.

Встретила нас баба Приська. Бабушка говорит сама с собой, сама спрашивает, и сама отвечает. Слышу, что она туговата на оба уха. Я ей говорю, она молчит на меня смотрит и спрашивает: «Чого? Ты шось мени казав?». Кажу: «Эге, казав».

Я во второй бригаде никого не знал. После обеда решил пройтись по улице. Кого вижу, со всеми здороваюсь кивком головы, а мне в недоумении тоже так отвечают и непонятно на меня смотрят оглядываясь. Чувствуется, что люди здесь живут богаче Сокиренчан, хаты покрепче и заборы получше. Зашел на бригаду, в конторе представился, кто я и зачем здесь.

Вернулся, нашел у бабы в сарае старый и ржавый топор. Закрепил его и начал колоть дрова, а сам с нетерпением ждал, когда пригонят стадо. Часов в 8—9 раздался рев коров по всему хутору. Гнали стадо домой.

Я нашел пастуха, познакомился с ним. Николаем звали его, а помощника Петром. Николаю было лет за 40, он был ранен в первую мировую войну и немного прихрамывал, а Петро был старше меня года на 2—3 и дразнили его «Перожок», так как голова у него вверху была сплюснута.

Я пастуха сразу начал называть дядя Коля. Он мне сказал,

чтобы я завтра в 4 часа был в загоне. Пришел домой, попросил бабу Приську, чтобы она собрала мне торбу с вечера. Утром с интересом прибежал на базу, выгнали стадо. По дороге нам еще несколько частных коров пригнали.

Я конечно был одет не по постушьи, а попански, как меня раньше дразнили в селе Панычь. Я был в сандалиях и в коротких штанах, и в белой безрукавке. Пионером меня прозвали. Хотя уже имел титул — «Подпасыч». Когда я ходил по траве в росу, то к обеду мои сандалии разлезлись. С утра комары меня всего искусали, и я сам себя всего исцарапал. Белая рубаха разорвалась, стала красной. Скот, ему что, он лезет в поля кукурузы и подсолнухов, а его бежишь выгонять, обрываешься и царапаешься.

К обеду погнали коров ближе к хутору на дойку. Женщины увидели меня и ахнули, смеются аж сквозь слезы. Кто с жалостью смотрит на меня, а кто с интересом. Домой вернулся босый с сандалиями в руках и весь обшарпаный.

Баба меня увидела и говорит: «О, Боже! Да цеж я виновата, що хлопца не одела». Пошла в сенцы, нашла там одежду и обувь от внука, в которой он ходил на рыбалку и дала мне. На следующий день, я уже был как настоящий пастух, да и женщины принесли мне сапоги, пиджаки, рубашки, фуражку прямо на базу. Жалко им меня стало, а я не любил, когда меня жалели, а дядя Мыкола принес мне длинный кнут.

Шли дни, и я в хуторе прижился. Из «Пионера пастушка» я превратился в обшарпанного «Босяка». И действительно, я привык ходить босиком и утром уже босым выгонял стадо, и пас так, до вечера. Ноги уже не отмывались, все в «цыпках», пятки потрескались.

Кроме коров в нашем стаде паслись молодые жеребята от 1 до 4-х лет, табун из 10—12 голов. Их пас отдельно Степан, но мы все их купали и объезжали без уздечек. Стоило мне только схватить его за гриву, как я уже на нем. Нас за это ругали. Я очень уставал, да и другие тоже. Часто днем засыпали, а скот разбредался по яру и конечно в посевы. Объезчик, тут, как тут и погонял нас кнутом, а больше всех доставалось мне, так как я был «чужак».

Однажды дали мне два дня отгула. Как раз в Сокиренцы на базар собирались ехать. Хуторяне и бригадир разрешили мне ехать вместе с ними.

На утро я проспал и сказал бабе, езжайте без меня. Она дала мне задание, что як высплюсь, то в печи возьмешь борщ и гречневая каша, а молоко скипячено. Остальное найдешь. Я привезу тебе гостинцев. Еще баба сказала, чтоб прополол грядки.

Я отоспался, смотрю на настенные часы — 3 часа, быстренько встал, пообедал и пошел в огород. О, Бог ты мой! Грядок не видно, трава выше всего. Пошел в сарай, там висела ржавая коса, нашел оселок, наточил косу и пошел полоть, начал косить всё подгяд, с краю. Хорошо, что повыше брал. Появились и моркушка, и цыбуля, и бурячки, и картопля. Взял вилы, все сгреб в кучу. Огород стал чистый. Я устал, лег в саду на лавку и уснул. Сквозь сон слышу бабка голосит. «О Боже що вин наробыв». Я схватился спрашиваю: «Что случилось, бабушка?» Она ходила с цепком, ничего не говоря, она меня вдоль спины этим грушевым сучковатым цепком, как протянет и еще хотела, но я отскочил. Убирайся, кричит с моей хаты, чтоб я тебя бильше не бачила. Я схватил картуз и кнут через забор перескочил, т.к. калитка была уже закрыта и побежал на скотный двор, зашел в клуню и залез в сено. Сховался там.

Пригнали скот. Отделили дойных коров, и слышу, доярки балакают: «Ты чула, що „Чужак“ у бабы Прыськи огород весь скосыв». «Да ты що?, а де вин теперь?» пытае. «Не знаю, наверно утик в Сокиринци». «Це таке, а кто ж теперь мою корову буде пасти?». Вин пас мою и Катырыныну.

Они подоили и пошли цедить и сливать молоко в бидоны. Дойных коров было штук 20, а доярок было всего 4 женщины, и дойка всегда затягивалась. Я уснул. Бабын гостинец чувствовался на спине. На утро доярки были рады, что я нашелся. Суют мне торбы с обедом, Дядько Мыкола заставил меня позавтракать, пока доярки доили, и принес мне кружку молока.

Днем я пас скот, а ночью спал в клуни. Так прошло три дня. Я уже думал убежать в село, но что я там буду робыть и что кушать, т.к. паек на месяц я получил сюда.

Я не голодовал т.к. пас три коровы хуторян, и они давали торбу и молоко пил в обед, когда доили коров утром и вечером. На четвертый день без горячей пищи, заскучал по бабкину борщу.

А в это время женщины уговаривали бабу Приську на милость ко мне, и на четвертый день она смиловалась и пришла за мной и с доярками стали уговаривать меня. А я боюсь и не иду, а доярки говорят: «Иди Юрко, а то баба передумае».

Я спрыгнул с сеновала, она подошла, обняла меня и каже: «Пишлы, Юра, тыж мени напоминаешь внука. Я и борщ сварила, який ты любишь». Пришли баба, вытянула борщ из печи, налила в глиняны миски, а запах разнесся по хате, а борщ такой вкусный, да мясо с чесночком наложила, я наевся, що и картопли не схотив.

Тогда, она позвала меня в огород. Иду и думаю, сейчас опять будет палкой по мне ходить, аж нет.

Кажу баби: «Бачите, какой чистый огород став и грядки видны и все росте».

«Оце ж така прополка у меня первый раз в жизни получилась». Смеется.

«За тебя пришли доярки просить и грядки мени выпололи, главне що ничого не порубыв, а косу высоко держав». Смеется.

Вечером наносил воды и лег спать, утром, как всегда в 4 часа побежал на скотоферму.

Иногда поля объезжал сам хозяин на вороном жеребце и заглядывал к нам на пастбище, интересовался и про войну говорил, что скоро погоним немцев от Киева, а то он косяком танками прорвался, и грозится Киев взять. К нам пришло тоже горе.

Через какое — то время, у нас забрали Петра в армию и еще нескольких человек. Люди плачут, хоть в хутор не возвращайся.

Самолеты над нами летят в глубину страны, репродуктор на базе говорит, что немцев наши бьют, а мы знаем, что отступают.

Остались мы вдвоем с дядей Мыколою да Степан, он нам тоже помогал, т.к. стадо было почти 60 штук коров и тёлоек.

Когда стадо отдыхало, дядько Мыкола рассказывал нам про 1-ю Мировую войну, и мы жалели, что нам со Степаном мало лет, только по 15 и на войну нас не берут. Дядя Мыкола казав: не жалейте хлопци, в жизни всё может быть и эта война затянется и вам еще достанется.

Однажды над нами пролетело три ястребка и один развернулся и обстрелял нас, стадо разбежалось, лошади тоже, все в поле, но мы согнали и ничего не было убито, но объезчик приехал и поругал нас, что скот запустили на посевы. Днями я очень уставал, да и не высыпался. Как то, день выдался дождливый, и нудная была погода. Скот тоже плохо пасся в долине, и мы нагнали его на «пар» где земля отдыхала от урожая. Скот начал пастись, и мы разбились на три части, каждый охранял свою сторону. Мне досталось поле с овсом.

Я не успел присесть, как опять те три ястребка летят и нас обстреляли второй раз, и скот весь ринулся прямо в овес.

Мы стали выгонять, и объезчик, откуда не возьмись, на меня прямо жеребцом «летит», я отскочил, он меня плеткой перетянул поспине хорошо, что на мне мешок был с головой накрытый.

Он развернул коня и опять на меня направил, я деру в яр, а там ручей я через него прыгнул да поскользнулся и в ручей — бух, и резко встал, прямо перед конем.

Жеребец на полном ходу, как «затормозил», всеми ногами, объезчик через голову коня около меня — хлеп! Прямо в грязь. Он

стал подниматься, я на него свой грязный мешок на голову кинул. Он меня хотел схватить, но не тут-то было, так как он по колена влетел в грязь и ног не вытянет. Дождь кончился и небо прояснилось. Я, выскочив из грязи и деру.

Он кричит: «Юрко! Як я тебе впиймаю, то убью, «Красивыми» словами меня обложил, что даже дядя Мыкола таких не знал, хоть и пастух.

Я показал ему кукишь, побежал на другую сторону ставка, искупался, простирнул одежду и за огородами добрался до хаты.

Переоделся, собрал книжки. Пообедал и сказал бабе, на ее удивление, что мне объезчик сказал, что меня вызывают в Сельраду, а як спытае де я, то скажете, що пошел в контору.

С бабушкой попрощался. Она меня обняла, три раза поцеловала, перекрестила и сказала: «Ну, с Богом! Ангела хранителя тебе в дорогу!» Я пошел в Калюженцы, так как знал, что за мной объезчик погонится на Сокиринцы. Где шел, где бежал через поля и лесом дошел в Калюженцы. Там еще полсела надо было пройти, чтобы попасть до Лысицив. Пришел, те удивились. А я с торбой, в которую баба Приська наложила продуктов и с учебниками.

Там подумали, что я пришел к ним жить, дети обрадовались, а старшие испугались. Я говорю, что иду из дальнего хутора домой и зашел к ним и побуду у них 2—3 дня, а потом рассказал правду. Поужинали, поговорили про войну и что немец обложил Киев и форсировал Днепр.

А я сказал, что мне надо идти, т.к. поступил в техникум.

Какой техникум? говорит Сергей, скоро до нас фронт приблизится, а ты и Павло зарядили — техникум-техникум. Тут хотя бы живыми остаться при прохождении фронта!

Баба Евдоха

Жил я тогда у бабы Евдохи Соловьихи. Женщина она была не молодая, но еще очень шустрая и подвижная. От моей мамы она была старше лет на 5—6, но они тесно дружили.

Я видел, как баба с ранней весны до поздней осени ходила в лес и на луга и собирала цветы, листья, почки и кору понемногу срезала. Все это сушила, а осенью копала корни лопуха и других растений и делала настойку на самогоне и на олии и этим всем лечила односельчан и заговаривала зубы. Еще ее называли бабкой повитухой, так как она по всему селу принимала у женщин роды.

По вечерам мы натопим печь, и в зимнюю стужу залезали на печь и при коганце сидели и щелкали семечки и она рассказывала мне о многом.

Однажды я ее попросил рассказать хоть немного о моей маме. Она говорит, что же я могу тебе за нее рассказать. Я ее знаю 30 лет, вернее знала, царство ей небесное и перекрестилась.

Я прошу ее, рассказать хоть главное, что меня касается. Но если только, что тебя касается. То дело было так: «В дни Светлой Пасхи сидели мы на скамейке пид забором у Серой Ульяны: Анюта — будущая твоя мама, Ульяна и я. Анюта и говорит, я с вами что-то устала, пойду, прилягу. Она была на сносе. Я ей говорю, иди, я тоже пойду, но если что, то сразу зовите. Живем то рядом. Я по наказу церковного батюшки присматривала и вечером приходила и ночь проводили вместе, т.к. мама боялась тебя рожать, так как была уже в возросте, 37 лет ей было, и был перерыв большой 10 лет.

Пришла домой и через каких-то 1—2 часа, бежит соседки дочка и кричит: «Бабо, титка Анюта рожает». Я бегом прибежала, а там уже соседки хлопочут. Роды у мамы были трудными, но ты родился крепким и здоровым малышом.

Когда тебя крестили, и батюшка окунул тебя в Купель, то ты не кричал, а вцепился в батюшкину бороду и он еле оторвал твою рученку от своей бороды, поднял тебя, держит и говорит: «Се, священник будет»! Потом перекрестил и отдал крестному твоему Васылю Савченко-Лысыцину и крестной Лизе (она сказала чья, но я забыл), она с родителями уехала на Донбасс еще до голодовки. О крестном, Василие Лаврентьевиче, будет сказано позже, в другой книге.

Твоя мама тебя родила уже от второго брака, от Васыля Глушко, «Сыници». Я спросил: «А как Вы с мамой познакомились»? Баба говорит: «Первый раз я ее не увидела, а услышала. Я читала „часы“ на малом клиресе, а когда услышала

с Большого Клироса „Господи помилуй“, то сразу определила, голос не наших певчих. Так что первое знакомство было в Церкве Петра и Павла» (это я сейчас пишу, зная церковную службу), а тогда для меня это было темная ночь, как за окном сейчас, когда пишу.

Говорю: «Бабушка, а дальше?» « А дальше, пытаешь?“ Бабушка уселась поудобней, подумав и говорит: „Мама твоя родом из Прилук дворянского роду и училась в Киеве в Лицее «Благородных девиц». А из нашего села там учился Андрей Юрченкив в музыкальном училище. Вот в Киеве они и познакомились.

Прошло время, Андрей организовал свою музыкальную капеллу. Они ездили по селам и давали концерты, а в Прилуках они вновь встретились, и через некоторое время поженились.

Свадьба была в Прилуках неделю. Потом, целым свадебным поездом на тройках влетели в наше село, только снег летел из-под копыт коней. Ехали мимо нашего двора на Бугаивку. Дня 3—4 гудели на «широкую ногу» в Сокиринцях.

Женились они в Святки, сразу после Рождества и гуляли до крещения. На тройках с бубенцами катали по селу детей и девчат, а потом укатили в Прилуки. И на Крещение в Церкве мы с Анютой, твоей мамой познакомились **19 января 1908 года.**

Молодая чета жила дружно, любяще друг друга. Мама привезла богатое приданное и все Клымовычи (так их прозывали) были невестой довольны.

Потом, в апреле 1910 года Анюта родила сына Колю в Прилуках, а крестили здесь. Девочек обоих уже рожала здесь в Сокиринцях, т.к. уже началась война с немцами и у отца, маминого много взяли лошадей в армию.

Дед твой был богатым дворянином. Он содержал каретный двор, трактир со спальными комнатами, почтовых лошадей и табуны лошадей с конюшнями под Прилуками.

Много бабушка рассказывала про маму, и про ее жизнь с первым мужем Андреем, которая в последние годы для нее была безрадостной. Во время ее беременности, он гулял со своими артистками, кутил и месяцами не приезжал домой. Мама подала на развод. Их развели. Коля остался с отцом, а девочек Соню и Любу оставили маме.

Андрей уехал в Парафиевку, там организовал театр, а мама осталась в Сокиренцах, от Клымовычив она ушла, т.к. ей ехать было некуда, потому что во время революции дом ее отца и хозяйство разграбили бандиты. Она перешла к Ульяне Серых. У них было два дома на усадьбе, в одном из них она жила и начала портняжить. В 1920 году по селу «ходила» чума,

брюшной тиф и старшенькая, где то подхватила болезнь, заболела и младшая. Мама не смогла их уберечь и вылечить и обе умерли, Похоронены рядом, напротив нашего двора, где растут кусты сирени, и рядом похоронили твою маму.

Так вечерами понемногу, я узнавал от бабули Евдохи о своей маме и сейчас кое-что вспоминаю по вечерам, а то и ночью, вот так некрасиво с ошибками пишу на бумаге, может пригодится для детей, внуков, внучек и правнуков.

Народ в Сокиренцах в основном оставался еще глубоко верующий в Бога и по воскресеньям, а то и по вечерам, собирались у нас, в основном старушки. Баба Дуся доставала из сундука толстые книги в бархатных переплетах и перед тем, как читать, долго молились стоя и на коленях и я с ними. Бабушка плохо видела, читала тетя Ульяна, а иногда и я, но, не правильно и бабушка меня подправляла, так как знала наизусть все читаемое. Раньше она с мамой пели в хоре, а бабушка читала Псалтирь.

Примечание. Так, как я стал сейчас сам глубоко верующим в Бога, то читали тогда Послание Апостолов, Св. Евангелие и Псалтирь. За все время, что произошло со мной в моей жизни, то нельзя не верить в **Божье Проведение.**

Запрещены были тайные чтения Св. Книг Библии, чем мы тайком занимались и строго наказывались, но мы были под покровом Св. Ангелов и нас никто ни разу не «накрывал».

Но когда нас оккупировали немцы, то с этим мероприятием у нас была свобода и к нам по воскресеньям «набивалась» полная хата людей. Какой-то мужчина служил проповеди, читали книги и было несколько певчих женщин.

Не подумай читатель, что это была секта бабтистов — евангелистов, нет, это были чисто православные — верующие. Бабушка из сундука выставляла несколько больших икон и крест.

Сейчас, когда пишу, то вспоминаю, что он начинал службу как сейчас в церкве при открытых вратах, священник начинал словами: **Благословен Господь Бог наш Иисус Христос, во Славу Отца и Сына и Святого Духа и ныне и присно, и во веки веков.**

Женщины, которые пели хором, отвечали: Аминь.

Мужчина приезжал на велосипеде и ставил его в сарае и говорил мне, чтобы я его не трогал, а то можешь поломать, а мне далеко ехать. Он приезжал раза 3—4 в хорошую погоду и долго разговаривал с бабой и еще с несколькими женщинами после молитвы. Пообедают и он уезжал. Бабушка потом все убирала опять в сундук и замыкала его на большой замок.

Как его звали и откуда он, я у бабы не спрашивал. Он был

еще не старый лет 40—50 с поседевшей головой и бородой. Думаю, что это был чудом уцелевший диакон из какого-то села или из г. Прилуки. Но зимой, он не приезжал и я его больше не видел.

Годы войны

ЕХАВ КОЗАК НА ВОЙНОНЬКУ
СКАЗАВ, ПРОЩАЙ ДИВЧЫНОНЬКО
ПРОЩАЙ МЫЛЕНЬКА, ЧОРНО-БРОВЕНЬКА
ЕДУ В ЧУЖУ СТОРОНЕНЬКУ

Война

22 июня 1941 года, ровно в 4-е часа Киев бомбили и нам объявили, что началась война. Кто не знает этой даты, тот просто не хочет ее знать, а кто знает, то он ее помнит, а кто ее испытал, тот ее никогда не забудет, и вспоминает ее с ужасом, как сон и с мурашками под кожей.

А в этот ужасный день фашистская Германия внезапно напала на Советский Союз.

Сейчас нет тех, которые мужественно встретили немецкие полчища солдат Фюрера подкрепляемых танками и артиллерией, и героически сражались с ними и первыми положили свои головы в неравном бою.

Уже мало осталось тех, кто был малолетками, и которым досталось вдоволь понюхать пороху на фронтах Великой Отечественной войны, зачищая свою Родину от фашистских захватчиков, и изгоняли их с нашей земли-матушки, и добивать врага в его собственном логове в Берлине и водрузить Советское Знамя Победы над Рейхстагом.

Сейчас много написано книг и статей на эту военную тему, как фронтовиками, так и историками — писателями и нашим Сокырынским патриотом генерал — есаулом Украинского казачества Николаем Савченко с соавторами.

И мне жизнь уготовила тоже такую нелегкую судьбу, о которой я хочу поведать вам части моей жизни, которую удается вспомнить.

Оставшись сиротой в 14 лет, я отрабатывал свой паек, который получал как сирота, в колхозе «Красная степь». Там я стоял на патронате и пас колхозное стадо коров, будучи подпаском пастуха в хуторе Лозовой, еще его называли Дальним т. к. находился он от села Сокырынец, где я родился и рос, примерно в 10-и километрах от него.

Однажды мы пригнали стадо в бригаду вечером как всегда в 8—9 часов, когда там кроме доярок никогда никого не было, а то вдруг полная бригада народу, хуторян и диктор что-то говорил из черного репродуктора, прибитого на столбе. Когда мы спросили стоящих: «Что случилось?». Нам ответили, что началась война с Германией».

Это и был тот злополучный день: **22 июня 1941 года. Люди слушали спокойно, разговаривали между собой и спокойно разошлись, как ни в чем не бывало, так как беда была еще далеко.**

И смеялись, что не знает немец, на кого напали. Вот дадут им

наши по заднему месту, вон из нашей земли и станут вновь на границу, как мы пели: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка мы не отдадим», и на этом все и порешится».

Дальше дни текли своим чередом, колхозники работали, мы пасли скот не только колхозный, но и с десяток коров было частных.

Но пришло горе и в хутор. Стали парней до призывного возраста забирать в армию на 1 год раньше. Забрали и нашего Петра, первого помощника пастуха. Вместо его стал я, а вместо меня нам дали другого парня Колю, тоже сирота, но хуторской с 1-й бригады.

Шли дни, никаких вестей о войне, кроме того черного «брехуна», так его прозвали хуторяне, который висел на столбе около конторы, мы не знали.

Радио ни у кого не было, газета «Социалистическая Сребнянщина» приходила одна и та в контору.

Наш главный пастух, дядя Коля на отдыхе в обед достанет газету (где-то ее доставал) читает ее, и мы спрашиваем: «Дядя Коля, а что пишут про войну?». «Пишут, что бьют немца, а сами тикают, так скоро и до нас доберётся».

Як в тому анекдоти: «Ой мы с кумом дали ему, що кум утик, а я сховався». Так и в газетах.

Сам дядя Мыкола воевал с немцами в Первую Мировую войну и был тяжело ранен в бедро ноги и хромал, но бегал за скотом быстрее нас. Он нам много про войну говорил, что немец хитрый, упрямый и настырный. Он так не нападает, чтобы сразу уйти, и война це швыдко не кончится.

А над нами часто стали летать тяжелые самолеты — бомбардировщики на восток Украины, а их сопровождали верткие ястребки. Однажды один развернулся и пролетел над нами, прострочил из пулемета, но ничего не убил, т.к. скот пасся в разброд по всему яру, но от страха разбежался, а особенно молодые жеребята, на которых мы катались и купали их.

Люди в селе жили спокойно, или не подавали вида, чего-то боялись, и на душе у каждого было неспокойно, особенно моя бабка т.к. сын у нее работал где-то на Донбассе, а там бомбили.

Не могу сказать, сколько бы дней я еще пас бы там скотину с утра до ночи, без выходных и отдыха, не знавши ни дня, ни числа месяца, как помог случай из хутора удрать.

Чаще стали летать над нами самолеты. Ястребок пролетел на бреющем полете и обстрелял стадо, которое разбежалось по полям. У меня с объездчиком получился инцидент, который и помог мне распрощаться с хутором Лозовым и о котором я больше ничего не знаю.

Об этом я писал ранее.

Вернулся я в свои родные Сокырынци до бабули моей Евдохи Соловьихи, чему она была очень рада. Поведала мне много новостей про войну, даже о том, что немец уже под Киевом. И о том, кого уже взяли в армию, и на кого пришла похоронка.

Хлопци, с которыми я учился и дружил, были все на месте и готовились в техникум, так как был уже конец августа. Лето было жаркое, и мы пропадали на Панском пруду.

Я любил рыбачить и бабушку снабжал рыбой, по которой она соскучилась за время моего отсутствия.

Перед сентябрем было общее собрание в техникуме, и директор сказал, что война — войной, а занятия и учеба не отменяются. Выступил военрук и сказал, что Красная Армия мобилизовалась, и скоро погонят немцев вспять, то есть назад.

Не помню, сколько дней мы занимались, но пришла директива эвакуации.

Все кинулись сбивать ящики, пилить, стучать. Первокурсники были на «подхвате» у старших, которые разбирали оборудование и паковали в ящики. Немец уже взял Киев и форсировал Днепр и бросил свои полчища на восток.

Надо было думать о своей шкуре и Ярошенкив Мыкола, мы с ним дружили, позвал к себе, и мы яму выкопали в виде бункера, закрыли бревнами, досками, соломой, засыпали землей, и получилось что-то вроде землянки с закрытыми дверями. Руководил и помогал нам его отец и брат.

Числа 12—14 сентября в село понаехало много войска, особенно много машин было с зенитчиками. Мы лазили между ними и говорили, что если нас возьмут в армию, будем пулеметчиками-зенитчиками, а я говорил, что хочу быть летчиком и бомбить их боевой штаб в Берлине, чтоб убить Гитлера.

Числа 15 сентября подошел к нам фронт. Бои были большие, двое суток и 17 сентября утром стало тихо, а мы еще сидели и боялись, чтобы не бомбили или не попал снаряд в наше укрытие.

Через какое-то время застрекотали мотоциклы, это была их разведка, а где-то, через час немецкие войска вошли в село.

Я потихоньку, через кладбище между могилками добрался домой. Хата была не закрыта, и я вошел. Бабуля моя стояла на коленях перед иконой и молилась Богу, не обращая внимания на мое присутствие. Я потрогал ее за плечи, она встала, погасила лампадку, перекрестилась и поцеловала меня в лоб, перекрестила и произнесла: «Ну, Слава Богу, жив!».

Ко мне прибежал Микола Ярошенкив и еще Колисниченкови

хлопци и сказали, что на Омелькивщине разбит обоз Красной Армии. Мы побежали туда, там был страшный ужас. Повозки опрокинуты и в них запряжены побитые лошади, и отдельно лежали уже вздутые. Стояла жара и смрад разносился по яру. Лежали и убитые солдаты.

В повозках, которым не было счету, лазили люди и выбирали, что кому нужно. Повозки были нагружены вооружением, одеждой и продуктами. Разбитый обоз, принадлежал какой-то нашей дивизии.

Мы тоже лазили и не знали, что искали. Нашли у убитого офицера наган. Его взял кто — то из старших ребят. Мы не знали что искали, а я запомнил слова бабы Евдохи, чтобы я ничего не брал и не тащил домой, так как она все равно выкинет.

Я ничего не взял, и мы вовремя ретировались, так как за нами вплотную следом понаехало на мотоциклах много немецких солдат, и они били всех кто попадался им под руку и заставляли все бросать в кучу, а взрослых собирать побитых лошадей и закапывать в ямы и солдат сносить в одно место. Немцы отбирали документы у убитых и всякие бумаги, какие находили.

Наступила осень, а с нею и холода и голод. Кушать у нас было нечего. Если кто-то и принесет бабе, т.к. она лечила людей травами и заговаривала зубы у кого болели, то его хватало не на долго.

Баба все молилась Богу, и Он послал нам помощь, как милостыню.

К нам приехал Иван Владимирович из хутора Лозового и привез много продуктов: — мешок картошки, почти мешок морковки, свеклы, тыквы. А так же почти мешок разной муки, пшена, гречки, капусты и 3 литра масла. Это Юрко все за твои труды. Ты хорошо поработал и Вам с бабой до Нового года хватит.

А это отдельно тебе наперед паек за три месяца вперед, так как с Нового года тебя с Патроната сняли, потому, что сами не знаем, что будет с нами дальше.

А это тебе от меня и от семьи. Занес еще мешок и вытащил каравай, две буханки хлеба, белого и черного, банку меду и шматок килограмм на 5 сала, пару колец колбаски и другое. Так что кушайте на здоровье.

Пожал мне руку и прижал к себе, как сына, поцеловал меня, погладил по голове и сказал: «Ну, прощай, Юрко!».

Я спросил его: «Дядя Иван, а як же теперь мне быть?».

Он сказав: «Я сам не знаю, как мне быть». И со слезами на глазах вышел с хаты, мы его проводили до ворот. Сел в бричку

и сказал: «Ну, прощайте!». Хлопнул ремнями по жеребцу и вихрем покатил по селу в сторону хутора.

Я долго стоял оцепеневши и смотрел в след ему со слезами, так как впервые почувствовал мужскую отцовскую ласку и заботу обо мне, которой не имел я от своего батька. Вспоминая все это, я и сейчас, самопроизвольно плачу и уже ничего не могу писать. Голова идет кругом, так как воспоминания мои о не легкой юношеской жизни еще впереди.

Немецкая оккупация

Немцы быстро адаптировались в нашем селе. Появился немецкий комендант. Над бывшим Сельсоветом вывесили фашистский флаг. Организовали комендатуру, в которую стали набирать добровольцев, куда шли хлопци старшего поколения, и те кто был обижен Советской властью.

Старостою стал отец моих друзей Колисниченко.

Комендант и полицейские сразу взялись за семьи бывших коммунистов и за комсомольцев. Ловили, сажали, отправляли в Срибное, кого хотели, расстреливали принародно. Так был расстрелян первый учитель школы Яровенко.

Мы с бабой на то сборище не ходили и этой казни, без суда и следствия, не видели.

Я вообще боялся ходить гулять и чтобы не шататься, без определенного дела, стал ходить в бригаду, помогать конюхам ухаживать за лошадьми, и волами. Пока еще было тепло, ездил с дядьком Павлом в ночное, косил траву для дневного, а потом и для ночного корма лошадям и волам. Колхозы не были ликвидированы и продолжали существовать.

Самое страшное — холод одолевал нас с бабкой. Мы с саночками ходили в лес по дрова. Что срубим, что спилим мелкое, а иногда находили хворост и ветки после срубленного дерева. В бригаде мне давали соломы. Чтобы не болтаться, я в бригаде делал всю посильную мне работу.

Весной ездил в поле. Научился запрягать лошадей в воз, а на поле в плуг, и меня научили пахать землю и бороновать, а весной даже сеять вручную пшеницу, горох, чечевицу. Рожь сеяли в зиму.

Научился всем сельхозработам, которые мне потом так пригодились в будущем.

А немецкая армия шла непрерывным потоком по шляху Прилуки-Ромны на Восток, и не было ей конца.

В селе местные полицейские Борис Порывай, который меня спас от замерзания, Прядко Бугаенко, да другие под руководством их начальника Василя Шаповаленко, бесчинствовали в селе, а комендант Фриц Гейман их покрывал. Меня не трогали, так как считали, что я работаю в колхозе и сирота.

Сразу еще поддерживал связь с Алексеем Фесенко, Василем Лобзыным, Лешей Колисниченком, Павлом Михайлюченко, но они стали больше пропадать в лесу. Говорили, что рубят лес на делянке, а потом выделят и нам с бабкой. Так как я был слабее

здоровьем, то мне там будет трудно, но летом они приходили в бригаду и помогали ездить на Панский пруд купать лошадей.

Однажды и внезапно, пришла директива на отправку молодежи, кому исполнилось 16 лет в Германию на «легкие хлеба».

Мне только, как месяц исполнилось 16 лет и меня зачислили первого, т.к. я был сирота и в селе был никому не нужен. Брали и тех, у кого были родители.

ПАМЯТЬ — ОНА БЕССМЕРТНА,
ЭТО — ДАР БОЖИЙ,
МЫСЛЬ — ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ
МЫСЛИТЬ, ЗНАЧИТ — ОН ЖИВОЙ.

Угон в рабство

Сейчас сижу с закрытыми глазами, взявшись за голову двумя руками, и заставляю память шевельнуть мозгами, почти на 70 лет назад, чтобы вспомнить хоть частицу того, что проходило тогда в моей жизни в родном селе Сокырынцях.

А мысли — чтобы их сосредоточить на самом главном, и направить, как лучше и правильно выразить все на бумаге. Голова идет кругом и страшно вспоминать.

Итак, после получения официальной директивы сверху, местные оккупационные власти через полицейских, стали строго оповещать тех, которые должны быть вывезены в Германию, чтобы в определенный срок, с харчами на 3 дня, прибыли на место сбора.

Срок установлен 7 июня 1942 года к 8 часам на Вигин, на площадь около Управы.

Мне бабуленька с тетей Ульяной пошили торбу с лямками за спину и положили в нее кое-что из продуктов. Пришла тетя Лиза Забила, мамина подруга, принесла кусок сала и колбаски. Они жили немного зажиточней других селян. Отдала бабе, поцеловала и перекрестила меня, и попрощалась. Сложили в мамин сундучек мой не богатый скарб из одежды. Бабуленька надела на меня крестик на шнурке и положила иконку Божей Матери мне в карман.

Стали перед образами, помолились со слезами и пошли втроем на сборный пункт. Не доходя до поворота, услышали плачь матерей, провожающих своих детей.

В колонну были построены повозки. Конюх, дядько Павло окликнул: «Юрко иди сюда!».

Я подошел, поставил сундучек, похлопал лошадей по шее, за которыми я ухаживал и пас. Они чувствовали прощание, зафыркали и стараются лизнуть меня.

Проверили всех по списку, были все. Команда поступила по возам. Сели по 4—6 человек на повозку. Бабушка с тетей Ульяной крестили меня, стоя на обочине.

Баба Евдоха сказала: «Юра, я тебя дождусь, ты вернешься я знаю, только молись Богу». Я крикнул, что буду молиться. Команда была — «Трогай» и колонна из 7—10 повозок тронулась в сторону Срибного.

За нами шли матери до спуска с горы, а пацаны бежали аж за село, пока пыль из под копыт не застлала дорогу.

Настроение у всех было подавлено, т.к. картина прощанья была жуткая, расставались так, как будто хоронили детей, потому

что никто не знал куда едем и зачем.

Впереди колонны ехал сам шеф. По бокам и сзади шли полицейские, чтобы никто не убежал.

Приехали в Срибное, там собирались из других сел.

На трибуне выступал пузатый староста района и нахваливал Великую Германию, его никто не слушал.

Сгруппировались и колонной тронулись в Прилуки. Туда приехали вечером. Нас распределили в амбарах и сараях на ж/д станции. Парней отдельно, девченок отдельно. Охрана была увеличена.

На второй день нас погрузили в товарные вагоны и отправили поездом в Киев. Утром прибыли в Киев.

Случай в Киеве

На вокзале кроме немцев и гражданских полицаев никого не было. Прибыли эшелоны и из других городов и нас колонною по 8 человек в шеренге повели по городу на пересыльный пункт, огороженный дощатым забором с колючей проволокой в три ряда.

На второй день мы сидели с парнями и обедали. Ко мне подошёл парень, на вид старше меня и поплотнее, и покрепче, и говорит: «Юрко я тебя знаю».

Я спрашиваю: «А, звидкиля?». Каже: «Из Лозового, там жыве моя титка, назвал имя (я ее не знал, но промолчал). Он говорит, что мы еще купались с хлопцами в одном ставку (пруду)».

Я и хлопцев хуторских не всех знал, т.к. целыми днями пас скотину и только к обеду пригонял к пруду поить их, и только тогда с хуторскими купались.

Мы познакомились, звали его Виктором. Он сказал, что здесь рядом из Тростянцив и назвал фамилию, которою я не вспомню.

Я предложил ему пообедать вместе, но ответил, что не хочет, но перекусить можно трошки. Когда обедали, он мне шепотом сказал, что к немцам не поедет. Он с хлопцами наметил путь побега.

«Не хочешь с нами?» спросил он.

Я сказал: «нет».

Тогда прощай. После войны встретимся.

Пожал мне руку и приложил палец к губам: «Циц, никому ни слова». Ушел.

Ночью раздались выстрелы с двух вышек и осветился забор прожекторами. На проволоке над забором висел парень, из головы текла кровь. Я узнал Виктора. Нас всех подняли по тревоге, построили и комендант долго кричал в рупор, что с каждым так будет, кто захочет бежать.

Иван Биликов говорит мне, что это тот парень, который к тебе приходил, а откуда он, спросил Иван. Говорю — що вин из Тростянцив.

Убитый Виктор висел весь день.

На противоположной стороне забора, тоже собирали гражданское население Киева и устрашали народ, чтобы люди боялись нарушать немецкие порядки.

На утро трупа уже не было, но на душе долго оставался тяжелый груз ненависти к немцам. На другой день нас повели обратно на ж/дорожную станцию и погрузили в товарные вагоны по 60 человек.

Мы, Сокиренчане, держались одной группой, к нам

примкнули Калюженчане и из Васкивец, мы заняли один угол около окна. В вагон натолкали 60 человек, и было тесно. Я забился в угол и сидел на своем сундучке и молился, упершись головой в колени.

Среди нас нашелся старший мужчина. Он был авторитетом в вагоне и с ним еще человек 5—6 помощников. У него был нож (финка) и он нашёл ей применение.

На станции в Перемышле эшелон остановился и нас решили покормить горячей пищей первый раз за неделю.

Вагон открыли, вынесли бак, поставили нас в строй по два человека и под большой охраной, отдельно по вагонам, мы подходили каждый со своей посудой.

У меня был котелок, который я прихватил с обоза и ложка. Налили какой-то баланды, и наложили перловой каши. Обед был отвратительный. Если бы не голод, то вряд ли кто кушал.

Наш старший с ребятами нашли пару камней и когда эшелон тронулся, начали долбить в полу дыру в полу одной половины вагона.

Мы испугались. Думали, что они хотят совершить побег. А нас предупредили, что если хоть один человек убежит, то расстреляют 10 человек, за 2-х двадцать, а нас было шестеро.

Наши ребята не знали, что делать. Мы успокоились тогда, когда они пробили дыру, размером ширины доски и справили нужду. Только тогда все успокоились.

Они перешли на нашу сторону и тоже продолбили такую дыру. У них были специальные дощечки, которыми они закрывали дыры.

Этой инициативой они избавили весь вагон от тяжелых запахов, которые увеличивались с появлением дневной жары. Вагон был переполнен, чтобы прилечь и думать не приходилось, в лучшем случае можно было стоять или присесть на корточки.

Маршрут по Польше

Из Перемышля наш поезд двинулся в сторону Люблина. Там были лагеря «Остарбайтеров», но они переполнены. Говорили, что и в районе Кракова и Освенцима все лагеря забиты военнопленными, евреями и другими нациями неугодными фашистам.

Варшаву проехали ночью «сквозняком» на Север. Привезли нас в Данциг, а потом в морской порт Гдыню. Говорили, что хотели нас переправить в Скандинавию, но перед этим англичане потопили в море самоходку и баржу с людьми. В Гдыне нас направили в бараки. Там мы прошли санобработку и баню. Нас постригли и побрили. В газокамерах прожарили одежду. Немцы боялись, чтобы мы не завезли вшей, а с ними и болезни.

На каждого из нас завели личное дело. Мое было под **№001898.**

Сняли с каждого отпечатки пальцев и выдали нам синие знаки, на которых написан белый краской **OST,** что означало **«Остарбайтер»** в переводе на русский язык означает «**Восточный работник».** Эти знаки нам прикрепили на спецодежду, которую мы должны носить не снимая знаков. Кормили нас там горячей пищей три раза в день, какой — то баландой и черным-черным хлебом из каштановой муки, который не резался, а рассыпался. Спали на сплошных нарах в бараках в два этажа. На нарах была постелена солома, которая закрыта брезентом, укрывались тоже брезентом без подушек. Женщины жили отдельно в отгороженных бараках.

Наконец-то собрали нас из Сребрянского района, отобрали 26—30 парней покрепче, куда попал и я, погрузили в вагон, прицепили к какому-то составу. Поезд остановился на станции Бромберг (в прошлом и ныне Быдгощ), пересадили в бортовые автомашины и повезли за город. Останавливались на опушке леса перед шлагбаумом КПП и изгородью. Вышли военные, проверили документы у сопровождающих, пересчитали людей, которых привезли в двух машинах.

Въезд в ад

Проехали где — то метров 200 лесом и опять КПП и проверка. Проехали еще по извилистой дороге между холмов в лесу в правую сторону еще метров 500 и снова проверка на КПП.

Для нас это было загадкой, так как мы ничего не видели секретного. Въехали в третью зону, и мы увидели гигантское строительство, развернутое на площади не измеримой глазом. Вокруг сверкали электросварки, гудели самосвалы и клацали своими пастями экскаваторы. Долбили, как дятлы сваебойные машины.

На уже забитых сваях, лежали окрашенные в зеленую краску трубы, в них стучал гравий и шелестел песок. А мы все ехали в глубину леса.

По одну сторону стоял бетонный завод, от которого отходили небольшие самосвалы с бетоном, за ним с левой стороны асфальтный завод.

Тягачи с телегами на резиновом ходу развозили металлические трубы, около 1м в диаметре. Наши машины шли медленно, и мы увидели, как на озере два земснаряда добывали и качали по трубам с водой песок и гравий.

Адский труд

Наконец, наши автомашины опять уперлись в шлагбаум и остановились на площадке.

Была команда слезать и строиться. Прошла формальность, нас передали из рук в руки. За забором был большой лагерь из бараков, которым невидно счета. Весь лагерь был обнесен забором с колючей проволокой, а внутри еще забор из сетки рабица и колючей проволокой внутри, между двумя рядами растянута кольцами спираль Бруно с железными колючками.

На углах и вдоль забора стояли вышки, в которых находились автоматчики, охранявшие лагерь.

Находясь уже внутри и пройдя общий инструктаж, мы узнали, что это был лагерь военнопленных, которые работали на этой стройке, поэтому и была такая усиленная охрана.

Нас построили на плацу, и перед нами появилось начальство в военной и гражданской одежде и переводчик.

Речи были о великой Германии и ее Фюрере Адольфе Гитлере, о её могуществе, и о близкой победе великой Германии над Советским Союзом.

Гражданский начальник сказал, что на наше «счастье» выпала великая честь работать под флагом Германии и строить гигантский трубопровод, который решило строить немецкое Правительство, для перекачки нефти из Кавказа, Майкопа и Грозного по трубам в Германию, чтобы не возить ее в цистернах.

Разъяснили наши обязанности и предупредили, что за попытку и за побег будем расстреляны, и на вашей Родине будут расстреляны и ваши родители.

Разбили нас на три группы:

В — первую, группу отобрали парней покрепче, куда попал и я, всего 12 человек — **землекопы.** Во — вторую группу отобрали 10 парней — **изолировщики.** В-третью группу попали 8 парней — **подсобными рабочими.**

Накормили нас баландой из капусты, брюквы, бурячков с какой-то крупой. На второе каша перловая синяя, и что-то похоже на компот.

Потом отвели нас по разным баракам, где места для нас, уже были подготовлены.

Внутри барака нары в два яруса и в два ряда. Бараки длинные, рассчитанные на 80 человек и более. Нары, как и на пересыльном пункте. На солому натянутый серый брезент и такое же покрывало.

Пришли рабочие грязные и усталые, притом обувь у них была необыкновенная, какие-то ботинки на деревянной подошве. Назывались они «перуны». При ходьбе они издавали стук или шарканье ногами по полу. Звук непривычный для уха.

В основном это были молодые крепкие мужчины лет по 25—30 на вид. Это были военнопленные. Все они были угрюмы и неразговорчивы, морально подавлены, но чувствовалось с большой силой воли. Без всяких разговоров они умылись и молча, по звону висячего рельса пошли на ужин.

Мы остались без ужина, хотя есть хотелось, так как нас кормили где то в пять-шесть часов. Точного время мы не знали, и не знали ни дня, ни числа месяца.

После ужина они пришли и занялись кто чем, большинство сразу легли спать, хотя был отбой в 23 часа. Все они были одеты в одинаковую черную робу, и трудно было определить кто, есть кто.

К нам подошёл крепкий мужчина лет 30 и представился по имени Василий Степанович-бригадир, и с ним человек помоложе — звеньевой наш Иван Петрович.

Переписал нас в свой блокнот и разъяснил нам наше задание и вид работы. Сказал, что подъём в 6 часов, а в 6.30 завтрак. В 7 часов построение на плацу, на работу. Вы после развода на работу не идёте, а останетесь, получите спецовку и обувь и ознакомят вас с лагерем.

На второй день, по баракам, на плацу был построен весь лагерь и по перекличке выстраивались в колонны по четыре человека, и вышли через проходные. Стук и гул от обуви оглушал. Мы остались стоять на плацу. К нам подошёл человек с белой повязкой на рукаве и повел в барак-склад. На складе нам выдали одежду и обувь — брезентовые ботинки на деревянной подошве, которые и назвались «перуны». Одежда выдавалась нам не по размеру. Особенно на мне она висела, как на чучеле в огороде. Ребята смеялись, что от меня все вороны разлетятся, а их было здесь много, т.к. прилетели с полей на ночлег.

На пиджаках были пришиты с левой стороны знаки **ОСТ.**

Провели с нами инструктаж по технике безопасности под роспись в журнале. Когда я расписывался в журнале, то увидел число — 21 июня 1942 года. Расписываться в журналах надо было за всё. Потом мы зашли в свой барак и положили одежду.

Нас повели знакомить с лагерем. Все бараки были под номерами: первый — служебный; второй — охраны; третий — комендантский, на котором висел фашистский флаг; четвертый — медпункт; 5—6 — столовая—кухня, 7-й — карцер. Эти корпуса, кроме кухни — столовой, были короче и похожи

на одноэтажные домики. 8-й — наш жилой, и ещё с десяток жилых. Карцер стоял отдельно, огорожен проволокой.

Каждый жилой барак имел в конце запасной противопожарный выход. Окна в бараках были расположены в длину, примерно 1 м. х 50 см, через 5—6 м. друг от друга. В конце барака был уголок отдыха, где лежали старые газеты и другая литература, которую никто не читал. На столах стояли: шашки, шахматы и 2-е коробки домино. У нас окна были большие, вертикальные. Как малые, так и большие были защищены сеткой «рабица».

Из разных сторон лагеря и из углов на нас «смотрели» сторожевые вышки охранной зоны с солдатами по два человека с автоматами. На вышках были по два зенитных фонаря направленных в разные стороны на запретную зону.

Лагерь располагался на возвышенности. На краю лагеря был прокопан овраг шириной метров 25 — 30, где была расположена железная дорога в две колеи. Одна шла на Восток, а вторая обратно на Запад.

По железной дороге то и дело проносились скорые поезда. На Восток везли военную силу, а обратно хлебное и товарное зерно, лес, уголь, т.к. немцы давно заняли Данбас, а также санитарные эшелоны с ранеными, и с награбленным разным грузом.

Потом нас завели в «красный уголок» сделали политинформацию и сказали, что Красная Армия отступает и немцы уже на Кавказе, так что нам надо быстрее строить нефтепровод. Сказали, если услышите «гонг», то идите на обед. Для первого приема было вроде нормально, а потом….?.

На стройке

На второй день подъём общий. В 6 часов играет горнист, как в пионерском лагере. Подъём по всей зоне. В 6 часов 30 минут «гонг» на завтрак, кто умылся или нет, все спешили в столовую.

На завтрак — кружка «КАВА» и черный кусок хлеба из каштановой муки, говорят, что очень полезный, грамм 300. Кто садился, кто стоя завтракали.

После завтрака становились в шеренгу в два ряда. Была перекличка, и кого вызывали по фамилии, выходил и становился в колонну по 4-е человека.

После построения дали команду: «Шагом марш». Ворота автоматически открывались и колона двинулась.

За вахтой стояли солдаты пожилого возраста, второго-третьего поколения, которые не пригодны для фронта.

Впереди становился старший по званию с собакой-овчаркой. У нашей колоны было 8 солдат и один унтер-офицер. Оказалось, что кроме центрального въезда было еще 2—3 КПП, по которым пропускали только колоны на работу и обратно.

Мы впервые увидели стройку таких размеров, где все светилось электросварочными искрами, стучало, гремело, ревело моторами и над ними в трубах постукивали камушки и шелестел песок с водой, который поступал на гравийно-сортировочную установку — Г.С.У.

Мне сразу, невольно вспомнился, прочитанный мною, где-то в 5—6 классе роман Ивана Франко «Хата Романа» (кажется так), где, он описывает капиталистический мир. Все это мне запомнилось на всю жизнь.

Пришли на свой объект. На нашей рабочей площадке лежали штабелями трубы большого размера, круглый лес и доски, тоже в штабелях.

Трубы были покрыты изоляцией, то-есть покрашены смолой-битумом.

Нас и 12 человек военных, позвали в контору и произвели инструктаж по технике безопасности, о чём и зафиксировали в журнале.

Выдали нам рукавицы и лопаты, поставили по два человека в звене.

Я попал с Иваном Беликовым в одно звено, он был старше меня на один год и покрепче.

Работа заключалась в рытье траншей для прокладки труб большого диаметра 700мм. Толстостенных. Траншея была шириной в два метра, а глубиной, в зависимости от рельефа

местности, но дно определялось по измерениям геодезического прибора — нивелиром.

Эту траншею, которую нам пришлось осваивать, была примерно 3м. глубины, с расшивкой стен досками, чтобы земля не осыпалась, т.к. грунт был песчаный.

Первый землекоп копал и подавал землю на настил, второй откидывал на бруствер, а мы откидывали дальше с бруствера, чтобы земля не летела обратно, и можно было свободно ходить. Землю кидали в одну сторону, чтобы с другой стороны могли подъезжать краны и трубоукладчики.

Копали внизу два человека, а мастер с геодезистом строго следили, чтобы не перезаглубить, чтобы дно было ровным, на которое выстилалось постель из гравия и укладывались подкладки и сваривались две нитки трубы.

Норма на одного человека 3 м. куб., выкопать и выбросить за бровку. Работали под лозунгом «бери больше, кидай дальше»

Труд был адский. Сначала у нас на руках появились кровяные пузыри, которые стали лопаться и кровоточить. Работать с лопатой было невозможно.

Надсмотрщики над нами были поляки, принявшие немецкое подданство и назывались «Ангедоичь». Они очень не любили русских и выслуживались перед немцами, и били нас с возгласами: «Льеус-Льеус» шнель, шнель русские свиньи. Давай, давай и плеткой по спине, и не только взрослых, но и нас. Работали по 10 часов без отдыха.

Обед нам привозили в 13 часов. Продолжительность обеда с 13до14часов с перекуром и отдыхом.

У меня, да и у Ивана, стали постепенно заживать раны и образовываться болящие мозоли.

Шли месяцы. От большой нагрузки и плохой кормежки, я окончательно выбился из сил.

Внизу копали по очереди, когда однажды пришла моя очередь, то я не смог копать и кидать землю на первый ярус. Работа приостановилась. Надзиратель спустился вниз и начал меня бить, и вытаскивать меня, как щенка за воротник. Я кричу, убей меня здесь и закопай вместе с трубами, а он злился и поддавал мне под ребра, пока не позвали мастера и он перестал издеваться надо мной, и ребята вытащили меня, и я уже до вечера не работал, а лежал около конторы на досках.

Тот поляк подошёл ко мне и давай еще ругаться, говорит: «Псякрев, свинья большевицкая, мы всех вас сховаем до ямы». Поддал мне ногой в бок и ушёл.

Ребята взяли меня под руки и сзади колонны довели меня до барака. На второй день я не встал и на работу не пошёл. После

развода санитары по баракам собирали умерших, которых на повозках вывозили в карьер. Подошли ко мне и видят, что я живой и говорят: «Вставай». Говорю: «Не могу, болею». Меня положили на носилки и унесли в санчасть.

Доктор был украинец с Полтавщины. Он осмотрел меня, сделал укол, что-то сказал санитару. Санитар ушёл и принёс мне кружку горячего молока и кусок белого хлеба. Я съел и уснул.

В обед принесли суп-лапшу, варёную картошку с мясом и стакан молока. Ужин тоже был вкусный.

На второй день меня обследовал врач и сказал, что у меня гастрит и малокровие. Продержал меня три дня, выписал и дал справку на легкий труд и на диетическое питание, которого там не было, но стол был отдельный.

Тяжёлый труд и плохое питание сделали всех ребят не трудоспособными, особенно я, так как я был в лагере самым младшим и самым слабым. Так, как мне дали справку на легкий труд, то меня перевели дежурить по бараку и делать легкую работу по лагерю, особенно на кухне.

Мы чистили картошку, выносили мусор и очистки в мусорный ящик, а я ещё смог иногда приносить в барак очистки картошки, брюквы, свеклы, которые съедобные и отдавал дежурному, который их приводил к употреблению.

Наступила осень, дожди, холод. Меня из землекопов перевели в плотницкую бригаду. Мы строили леса в траншеи, пилили подкладки под трубы, пилили доски под настил. Работа тоже была не из легких, да и надзиратели были пожилые и человечнее.

По вечерам после отбоя, я укрывался с головой и молился Боженьке. Три раза читал Отче наш и Богородице Дево радуйся. Только я долго не мог понять этой молитвы и Господи, помилуй 40 раз.

Выполнял бабушкин «наказ», что мне и помогло в жизни, т..к. Боженька слышал мою молитву, потому что я когда молился, то всегда левой рукой держался за крестик и молился усердно, и со слезами. Молился не только за себя, но и за моих друзей, чтобы Боженька помог нам пережить наступающую зиму, но и за Красную Армию, чтобы Боженька помог ей разбить немцев и освободить нас из плена и своих — красноармейцев, находящихся в плену.

Перевод на ферму

А помощь пришла внезапно.

Не знаю или дошли мои молитвы до Бога, или так написано на моей судьбе, но думаю, что первое — дошли.

Однажды после вечерней проверки, комендант лагеря объявил, чтобы все малолетние рабочие на работу не пошли, а остались на плацу.

Когда остались одни, то комендант перед строем сказал нам пламенную речь, что мы не зря ели хлеб фюрера, а своим трудом помогали великой Германии строить нефтепровод на Кавказ для перекачки нефти из Майкопа и Грозного прямо в Берлин, но и т. д.

После победы над Германией, его назвали нефтепровод «**ДРУЖБА**», так что трудился не зря, только под гнётом немцев.

Нам дали один час для сбора с вещами, без всяких объяснений нас построили в колонну по 3 человека и под охраной повели через стройку.

Так, как мы были все изможднными и бессильны, худые и не способными работать, то думали, что нас ведут в карьер на расстрел, туда, где хоронили умерших военнопленных.

Собственно говоря, мы прощались между собой и с жизнью, но поворот на карьер мы прошли мимо, и осталась надежда на жизнь.

Проходя по зоне, мы видели еще два лагеря поменьше нашего и не с такой сильной охраной, как наш. В них находились вольнонаемные рабочие приехавшие, по найму: поляки, чехи, югославы, болгары и другие национальности.

Это были слесари — монтажники, строившие большую насосно-перекачивающую станцию, электросварщики, шоферы, трактористы — бульдозеристы, экскаваторщики и другие специальности.

Отдельно был лагерь военнопленных французов и англичан.

Я шел с молитвою и крестился, крестился, что прошли мимо злополучного карьера, который только одним своим напоминанием нагонял жуть на человека.

Нас подвели к вахте КПП. Старший из сопровождавших прошёл внутрь с документами. Нас стали по фамилии вызывать и пропускать без всякой проверки. За вахтой нас построили и провели формальную передачу от одной охраны к другой. Потом посадили в две грузовые машины, которые были оборудованы под перевозку людей. В каждую автомашину село по 4-е охранника в зеленой форме. Передние сели лицом к нам

и машины тронулись.

Ехали часов 4—5 по лесу, по полям и по шоссейной дороге, потом опять по просёлочной, и въехали в рабочий поселок.

Потом машины остановились у ограды большого красивого дома на площади, перед дворцом.

Нас построили в две шеренги и старший побежал по ступенькам в дом, и доложил о прибытии.

Через какое-то время вышло начальство. Сам помещик-барон в одежде из материи цвета «хаки» желто-зеленой, с повязкой из красной широкой ленты со свастикой в круге на левой руке. За ним вышел наш комендант в военной форме полковника и два гражданских. Все были в возрасте 45—55 лет, крепкие и здоровые мужики.

Прошлись около нас с переводчиком и спросили старших ребят, могут ли они работать с лошадьми и из каких семей.

Мы ответили, что мы крестьяне и всё умеем делать в сельском хозяйстве. «Гут-гут» говорит немец.

Потом произнёс хвалебную речь Гитлеру и сказал: «Арбайтен-Арбайтен».

После выступил наш комендант, сказал, что это наше подсобное хозяйство, которое нас снабжает всем продовольствием и мы должны здесь хорошо работать, а кто будет не слушать и филонить, того вернут в лагерь.

Усадьба была большая. Со двора были видны фермы-конюшни для лошадей, загоны для скота, ангары и хранилища. Пахло настоящей деревней. Этот запах нас радовал, т.к. навеял воспоминание о своём селе Сокыренцы и Хуторе Лозовое.

Работа на пана

Не далеко от фермы, стоял жилой барак, огражденный сеткой «рабиц» и колючей проволокой с домиком — вахтой и охраной.

Нас поселили в этот барак и дали два дня отдыха. Кормили нас 3 раза в день, давали первое, второе и компот, кто хотел, давали добавку. Пища была натуральной. Конечно, мы сразу объелись, заболели желудком и пану пришлось добавить нам еще один день отдыха, а 4-й день был воскресенье и у рабочих был выходной.

С понедельника нас послали на уборку картофеля. Картофель копали полумеханическим способом. Трактор тащил картофелекопатель по борозде, тот срезал рядок с картошкой, а вертикальный ротор раскидывал ее на 1—2 м от борозды вправо. Мы должны собрать и загрузить автосамосвал картофелем.

Урожай был хороший и поле большое. С утра и до вечера не разгибаясь, убирали картошку с одним часом на обед, который нам привозили на поле. За неделю убрали все поле. В первой декаде октября выпал первый снег.

Пришла очередь убирать свеклу. Мы её вырывали и укладывали в ряды, а поляки шли за нами и обрезали ботву. Наши парни грузили её в самосвал и возили в бурты, которые закрывали соломой и закидывали землей в 20 см толщиной. Руководил сам бригадир.

Первый снег напугал всех, а у нас не было ни зимней одежды, ни обуви. Шёл снег с дождём, а мы в поле замерзали.

Спасибо местным жителям — полякам, которые принесли к вахте, кто что мог. У нас было два старших мужчины, которые значились типа бригадиров, они распределяли одежду и обувь, кому что подойдет.

Дни становились все короче, а у нас еще оставалась в земле морковь, но и с ней мы до заморозков справились и с брюквой тоже.

Поляки работали на уборке капусты и когда проезжали мимо нас, то кидали нам кочаны, которые мы тут же съедали, хотя я никогда не ел сырой капусты. Надзиратели подавали вид, что не видят этих проделок.

Своим трудолюбием, честной работай без лени, мы понравились местным жителям.

Когда поля были убраны, нас заставили возить навоз из ферм на поля и расстилать его по полю. Поля сразу перепахивали тракторами с подвесными на них плугами. Готовили почву для

весенних посевов. Работа шла в спешке независимо от дождя и снега. В грязи «перуны» мои разлезлись. Я обмотал их тряпками, но на них налипал навоз и грязь, так что к вечеру еле таскал ноги. Да и у других парней, было тоже самое.

В казарме топили «буржуйками». Печь была изготовлена из большой трубы. Топили её брикетированным углем, который больше дымил, чем горел. Около неё мы грелись и сушились, и некогда было спать, да и не спалось в мокрой одежде.

Все простыли, кашляли и никто на нас не обращал внимания, только от надзирателей было слышно: «Льоус, Льоус» «шнель», «шнель», давай, давай. А если не «даёшь» и что-то не ладится, то сразу пускали в ход плетку.

Когда все полевые работы были закончены, нас распределили по фермам. Я попросился с Иваном Белековым на конюшню, то есть попал в свою стихию.

Наступил декабрь, выпал снег и у нас были работы уже внутри помещений. Это облегчило нашу жизнь, но не на долго.

Оказалось, что при уборке летнего урожая: ржи, пшеницы, ячменя, льна их не молотили комбайнами, как у нас, или молотилкой прямо в поле на токах, а связывали в снопы и возили в ангары и складывали их там.

Зимой, когда народ высвобождался от летних и осенних работ, начиналась горячая пора молотьбы. Эта работа не из легких. Подавать снопы в молотилку с перекидкой из дальних углов ангара, было не легко, да ещё и пыль от молотилок стояла столбом, дышать нечем, а тут все кричат, русс давай, давай. Мешками занимались взрослые, а мы подставляли мешки под лотки, да так, чтобы зерно не просыпалось мимо.

На Рождество Христово у католиков было 2 дня праздника 25—26 декабря и 1-го января 1943 г.

Мы тоже отдыхали, стирали и зашивали дыры в одежде.

Я не переставал молиться на ночь, и благодарить Боженьку за всю помощь, которую Он оказывает.

Зимой кроме молотьбы мы откидывали снег, возили корм и фураж скоту, чистили навоз. Работу нам находили на все 12 часов.

Прошла зима 1942 года и наступила весна 1943г.

У пана был большой сад, в котором запели птицы. Стало тепло, солнце пригревает, день увеличился. На душе появилась радость и воспоминания о своем селе. Мы с Ивано, было, сядем на скамейку и вспоминаем панский лес, Галаганов ставок, красный мост, с которого прыгали в воду, играя в догонялки, Шевченковский Явир и сам дом Галаганов.

Весной мы отсеялись и посадили овощные культуры. В воскресенье был праздник у католиков — Пасха. Нам жители принесли к вахте разных угощений. Надзиратели внутри двора поставили стол и на него положили все яства. Мы подходили по одному, нас угощали. Обед у нас тоже был праздничный и вкусный. После обеда хлопцы собрались и стали петь украинские песни. Слушать пришло много народу — жителей поселка.

В воскресенье поляки, после прихода из церкви, приносили на вахту продукты, а надзиратели опять раздавали нам и говорили, что люди просят, чтобы мы пели. И мы пели украинские песни. Даже нам аплодировали.

Мы смотрели, и видели красивых паночек, которые на наших старших засматривались.

Однажды даже сам пан прогуливался с женой и двумя детьми, наверно внуками, подошли к нам и слушали наши украинские песни.

Побег товарища

Подошло время сенокоса. Счастливая детская пора подростков, да и всех крестьян. У пана угодья были большие. Под пастбище скоту были ограждены участки, а для сенокоса были луга около Вислы. Обширная площадь. Выехали механизаторы на тракторах с подвесными косилками, а также конные косилки.

Погода стояла жаркая, и уже через день покосы надо было переворачивать и раскидывать, чтобы быстрее сохло сено, а которое просохло, его укладывали в копны. Работа была жаркая, но и приятная, т.к. работали вместе с поляками.

И тут случилось несчастье. Вечером одного из наших ребят не досчитались. Нас оставили без ужина и не давали спать до 12 часов ночи. Вели допросы, но мы ничего не знали. На второй день нас на работу не вывели, объявили карантин и держали голодными.

На второй день привезли беглеца всего избитого и посадили в подвал на ферме. Им оказался Сашка, всегда веселый и резвый парень. С какого села не знаю, но точно с нашего района. Он был старше меня, но я его близко не знал. На второй день приехали каратели и судья.

Нас построили в две шеренги, и поляков тоже отдельно. Был суд. Переводчик переводил, но я не слушал и не знал, о чем думать, стоял, и держался за Ивана. Сашка стоял впереди в 10 метрах с завязанными назад руками. Держался гордо.

Была команда: «Расстрелять». Сашку отвели на возвышенность, развязали руки. Он успел крикнуть: «**Гитлер капут!».** Раздался выстрел, он упал от пуль карателей. Его погрузили в кузов автомашины, и все уехали. Остался пан, переводчик и надзиратели. Пан долго читал нам мораль и в конце сказал, что будет так с каждым, кто захочет совершить побег. Все равно поймают. После этого случая над нами усилили надзор. Мы работали уже вяло и, конечно, перестали петь.

Сеноуборку мы закончили, до жатвы еще далеко, тем более, что мы видели, как хозяйство пополнилось несколькими комбайнами и другими сельхозмашинами.

Однако нам сказали, что на работу больше ходить не будем, чтобы привели себя в порядок, так как завтра отвезут нас в другое место, а куда не сказали.

Мы боялись, чтобы нас опять не отправили в лагерь.

У бауэра

Жизнь у бауэра

Из панского поместья — господарства (типа наших больших совхозов), нас посадили на те же машины и с той же охраной повезли прямо в город Быдгощь (Бромберг).

Высадили и выстроили на площади перед Ратушей.

После короткой речи бургомистра, к нам стали подходить «покупатели» и выбирать нас по одному, по два, а то и по три человека.

Ко мне подошёл на вид старше среднего возраста мужчина и спросил: «с конями можешь». Я сказал: «Могем». Он говорит: «Хоть тут». Я последовал за ним к столу, за которым сидел мужчина и две женщины разбирали бумаги и подавали ему. Спросили у меня фамилию, имя. Я сказал. Нашли мое «досье». Он передал моему хозяину папку и заставил нас обоих расписаться в тетради. Я попрощался с товарищами, и мы пошли к коновязи, где на привязи стояли в упряжках лошади.

Мы подошли к фаэтону, в котором был впряжен гнедой жеребец, около которого стоял кучер. Познакомился, назвался — Бернат, я сказал Юрий, но хозяин подправил — «Юрек», так мы будем тебя называть.

Часа 2—3 ехали по шоссе и под цокот копыт, я вспомнил, как мы ехали до хутора Лозового из Сокиринец в таком же фаэтоне и вороным жеребцом в упряжке, и Иван Владимирович вел разговор со мной, как с сыном, и давал мне дельные советы на жизнь, не предполагая, что она может так резко, через год, у всех людей измениться.

С шоссе мы резко повернули вправо и переехав через железнодорожный переезд, поехали по проселочной заасфальтированной дороге и минут через 15—20 вкатили во двор усадьбы.

Нас встретила целая группа людей. Ими оказались: жена с тремя детьми, две дочери, хлопец, ее сестра с мужем и домработница. В полисаднике был стол и скамейки. Там все уселись, и хозяин начал все восторженно говорить. Он был среднего роста, плотно сложенный, не военной, а крестьянской выправки, немного сутуловат.

Потом очередь дошла до меня.

У Бернота отец был белорус, и в первую Мировую войну попал в плен, а потом бежал из плена и его прятали поляки, и он женился на полячке, так в Белоруссию не вернулся. Он понимал побелоруски, и мы смогли общаться.

С первого дня у нас получился конфликт. Пацан вскочил

и полез щупать у меня рога на голове, а я его боднул, и он перелетел через скамейку.

Ему было лет 9—10, и мы не возлюбили друг друга. Хозяйка накинулась на меня с кулаками, но хозяин успокоил и сказал, что Ганс сам виноват. На этом инцидент закончился, но я потом узнал от поляка, что немецким детям в школе говорят, что у русских на лбу, где начинаются волосы, растут рожки, вот он и решил узнать. Хозяйка тоже меня не возлюбила и всё время меня притесняла.

Потом поляк Бернат отвел меня в пристройку, где стояло две кровати, стол и два стула. Одна кровать принадлежала ему. На другой кровати ранее спал другой поляк, постарше Берната, но его за что-то осудили и эта кровать досталась мне. Матрац был из соломы, подушка набита сеном, но и какое-то одеяло.

Ужинали поздно. Я с Бернатом сразу пошёл помогать на ночь давать корм лошадям, их четыре лошади, две кобылицы и два мерина. Скотина была в загоне.

Девушка Стася кормила свиней и птиц. А на ночь, так как она жили не далеко, то ушла домой, а я остался один, чему был очень рад, так как смог свободно молиться, Господу Богу моему на коленях со слезами благодарности за спасение от смерти в лагере. Я достал икону Божией Матери и ей молился словами благодарности за мое спасение. Уснул я в Божьем благословении спокойно.

Титул — Бауэр, это тот же помещик, только с меньшими объемами работ, в сельском крестьянском хозяйстве, как у нас хутор. Здесь тоже хутора, так хозяйства раскиданы отдельно стоящими строениями.

Я попал к пану Вилли Клейсту в разгаре лета, когда начались уборочно-полевые работы. Июль 1943 года.

За мной закрепили пару лошадей, кобылица Лотта и мерин Шмель. Сперва хозяин работал со мной, и я ему все более нравился в работе. Он разрешил мне работать самостоятельно, с чем я успешно справлялся.

Убрали зерновые, втроем косили, где косилками, а где и косами. Снопы вязали все женщины и дети. Две девочки были у них, старшую звали Эрика — 16—ти лет, Эдита — 14 лет. Сестра хозяйки помогала по хозяйству — Марта.

Убрали все корнеплоды, картошку, свеклу, морковь, все в помещение и в подвал. По воскресеньям не работали. Хозяева ездили в церковь, а работники отдыхали дома и ходили в Костел.

Но Стася приходила доить коров с мамой, они всегда приносили мне что-то домашнее вкусное. Кормили нас хозяева отдельно и готовили нам пищу тоже отдельно, за вкус хвалиться

нечем, и всегда было маловато.

Я ухитрялся спрятать варёной картошки, когда варили для свиней в демпфере — такой большой бак герметично закрытый. При высыпании из него картошку, очистки брюквы, и свеклы я помогал толочь, и тут брат не зевай, чтобы хозяйка не видела, как я прятал. Она очень за нами следила, чтобы ничего не воровали, особенно поляки когда уходили домой.

Когда шла дойка коров, хозяйка сама участвовала в дойке и ее сестра тоже. Дойных коров было немного 12—15, а всего стада было штук тридцать с молодняком.

Молоко в бидонах все отправлялось утром на молокозавод в г. Солец-Куявски, а оттуда привозили для свиней сыворотку, которую мы с Бернатом пили.

Наступила осень, дожди, холода. Весь урожай был убран в помещения, скот загнан в стойла.

Мясозаготовки выполнялись сдачей живым скотом. Туда скотину, а оттуда рога и копыта. Свиней и птицу тоже сдавали живыми. Все было на учете в Мерии, и себе забивать и резать не разрешалось.

На мне вся одежда истрепалась, и поляки давали мне кто что может, да и хозяин тоже. В нашей комнате висела одежда Анджея, и я ее одевал.

Начались внутренние работы в помещении. Летом все колосовые в снопах завозились в ангар и складывались. Как и в том былом хозяйстве.

Хозяин организовал молотьбу зерновых молотилкой с конным приводом в две пары лошадей.

В первые месяцы работы у бауэра из органов надзора приезжал полицейский из района Солец-Куявска и с ним 1—2 гражданских чиновника. Они спрашивали у хозяина о моем поведении и контактах с поляками, и задавали мне вопросы по отношению с хозяевами.

Я говорил, что хозяева держатся со мной строго, более 100 м. от дома ходить никуда не разрешают, но не обижают.

Со временем стал приезжать один полицейский, делал отметку в журнале, я расписывался и, побеседовав с хозяином, он уезжал. А у меня дружба с поляками росла.

Бернат жил в так называемой «Экономии», совхоз по нашему, где жили рабочие механизаторы и лесозаготовители-пролетарии. Я познакомился с отцом Берната, Пицкой Семеном. Общались с ним на общих языках. Бернат черпал у них сведения о войне, так как там были подпольные группы, и они следили за ходом войны, и он сказал, что Красные наступают. Освободили Харьков и Донецк.

Однажды, когда шла у нас молотьба зерновых, Бернат сбрасывал снопы со стога, а Стася развязывала их и подавала мне, а я их подавал в барабан молотилки. Стася мне тихо сказала: «Юрек! Русские освободили Киев». Меня как током пронзило, думаю там два моих брата старший и младший воюют, кровь проливают, а я туту молочу хлеб для немецких солдат, фашистов.

Чем помочь им из немецкого тыла? И недолго думая, подавая сноп в барабан, сунул большой палец левой руки в шестерни барабана. Только услышал треск, кони стали, у меня в глазах заискрилось, брызнула кровь, и я упал.

Последствия травмы

Очнулся я лежа на полу, на соломе. Стася перевязывала мне руку. Палец был завязан и через бинты виднелась кровь. Я терял сознание и меня приводили в чувство, давая нюхать нашатырный спирт.

Хозяйка, Фрау-Эльзе, бегала вокруг меня, била по лицу и кричала: «Саботаж, форфюте, большевик, швайн» и т. д. Хозяин был на каких-то сборах по гражданской обороне в г. Быдгоще.

Через какое-то время прискакал на лошади верхом полицейский, схватил меня за шиворот и погнал впереди лошади в район. Я где бежал, где шёл, а когда идти не мог, то садился на обочину, но он опять сгонял меня и вперёд, подгоняя меня плеткой. До района было где-то 8—9 км. В полиции спросили, почему это получилось. Сказал, что закружилась голова и я не помню. Тот же полицейский отвел меня в больницу.

Доктор родом из Львова хорошо говорил на украинском. Сестрички обработали мне рану и полицейскому сказали, чтобы через три дня привели меня на перевязку.

Полицейский привел меня в участок и посадил в подвал, где я сидел наравне с арестантами.

На третий день приехал хозяин и забрал меня. Поехали в больницу. Хозяин говорил с доктором. Доктор сказал, что у меня малокровие и мне надо улучшить питание, так как у меня был упадок сил.

Когда сестра делала перевязку, то увидели, что фаланга оторвана и кость пальца раздроблена. Доктор сказал мне, когда заполнял дело, что в лагере на ж/дороге работают мои землячки, девушки из Сокиринец. Я попросил хозяина, чтобы туда заехать. Он согласился, и мы подъехали к лагерю. К нам подошёл дежурный и хозяин попросил дежурного, чтобы он организовал встречу с начальником лагеря.

Через несколько минут мы были у начальника лагеря, куда пригласили Настю Гузь. Когда она зашла, то радости не было предела. Меня впустили в казарму, девчёнки подбежали и целовали меня, т.к. были рады, что увидели земляка и притом одноклассника.

Говорили мне новости о войне, я им показал забинтованную руку и сказал, что это за освобождение Киева.

После этого я еще пару раз смог посетить их и увидел, какой непосильный труд выполняют эти хрупкие милые девчёнки. Просто каторжный.

Палец постепенно зажил. Все зерновые были обмолочены,

и работы большой не было, только уход за скотом. Лошади отдохнули и томились в стойле. Хозяин нашел работу нам с лошадьми. Я с Бернатом, ездили в лес на вырубку деревьев на строительные материалы и прямо целыми хлыстами длиной 10—12 метров возили в город Бромберг за 25—30 км на станцию.

За мной надзор совсем ослаб, и я вошел в доверие, как к хозяину, так и полиции.

Попытка бегства

Я на станции присмотрелся, как ходят поезда, и на второй день собрал дома чистую одежду и спрятал ее в сено для лошадей, положил в мешке на воз, а выезжали утром рано, было еще темно. Когда приехали в город разгрузились, стали на отдых и на кормёжку лошадей, я переоделся, Бернат удивился, но я его успокоил. Я сказал Бернату, что завтра выходной, а я сегодня съезжу в город Торун на родину Коперника, я знаю, что там есть музей Коперника. Посмотрю и завтра вернусь. А ты лошадей за свою повозку привяжи и доедешь домой. А если дома спросят, где Юрек, то ты скажи, что отпросился у хозяина и сказал, что завтра к вечеру вернётся.

А сам думаю, мне бы только через Вислу переехать, а там в лес, к польским партизанам.

Я пошёл на вокзал, купил билет, нашёл поезд на Львов, при входе билеты не проверяют, а уже в вагоне, оказалось, что я сел не в тот вагон, но ничего. Перевели меня в свой вагон, но не успел я сесть и осмотреться, как около меня очутился полицейский. Потребовал у меня документы, которых у меня не оказалось, т.к. их вообще не было, а когда расстегнул куртку, на пиджаке был пришит знак OST.

На меня сразу надели наручники, и повели в дежурный вагон, в котором возят арестантов.

На вокзале в Торуне меня ждали два полицая. Наручники с меня сняли и видимо тот полицейский, который меня допрашивал в вагоне, отдал им акт допроса, переспросили — куда ты ехал? Я повторил, что ехал посмотреть музей Коперника, т.к изучал астрономию. И не успел я договорить, как другой, как врежет меня в ухо, что аж искры в глазах засветились и спрашивает: «Видишь?». Говорю: «Да». Завели в дежурку, там добавили и бросили на скамейку.

Через какое-то время шёл пригородный поезд и меня в наручниках посадили в вагон с охраной, с одним немцем-пожилым солдатом и поляком.

Привезли меня в воскресенье в Солец-Куявский. На вокзале встретил меня мой знакомый полицейский, наш участковый. Привел в полицию, где спустили меня носом по ступенькам в подвал, которых оказалось 17, где я и просидел до понедельника, пока не приехал мой хозяин.

Хозяин был очень зол и отстегал меня плеткой, но в дороге сказал, что вынужден был это сделать при всех. Его вызывал начальник полиции и сказал, что он меня покрывает, а то

передали бы меня в суд и присудили бы меня расстрелять показным судом, как за побег. Так что это учти.

Когда меня привёз домой хозяин, там все собрались и ругали меня, а хозяйка спросила, где я взял денег на билет. Я сказал, что Вы же мне даёте деньги на сигареты и я их накопил. Я курил.

Только Стася знала, мне их дал ее кавалер, бывший поручик польской армии. Когда он к Стасе приходил, то мы с ним общались, и он был кем то в партизанском отряде, а сам тоже работал у бауэра по соседству и рассказывал мне новости о войне, а они были не в пользу немцев.

За мной усилили надзор, но пришла беда и в дом Кляйста, его забрали в армию.

Посевную мы закончили без него, и фазенда наша опустела. А попал он, чего они и боялись, на Восточный фронт. А через некоторое время пришла похоронка. В доме был жуткий плач и крик.

Хозяйка на меня накинулась с кулаками, а пацан с палкой, как будто я виноват в его смерти, а я тоже плакал не от того, что они меня били, а от того что мне его было жалко, как человека не похожего на фашиста.

После того, как я что нагрублю, хозяйка вызывала полицейского, особенно в субботу, он приезжал и гнал меня впереди лошади в участок, где я в воскресенье рубил дрова, убирал навоз в конюшне и чистил лошадей, а вечером таким же способом возвращал меня на фазенду.

Однажды вечером, позвала меня Стася в сад, где сидел ее жених Бронеслав. Он сказал, хорошо, что я в Торуне не нашел его друзей по адресу, который он мне дал (я его порвал и выбросил в поезде), а то у них восстание в Варшаве не получилось и многих поляков арестовали, а им чудом удалось скрыться.

Бонеслав сказал, что русские успешно наступают и немцы уже их не остановят и это чувствовалось и у нас.

Жизнь наша ухудшилась, нам урезали паёк. Почти половину скота и свиней забрали на мясопоставки, птицу оставили, и я еще смог воровать яички по одной штуке, особенно в воскресенье, когда хозяева все уезжали в церковь, а Стася оставалась на хозяйстве и угощала меня молоком, хотя я и сам, когда рано убирал в стойле доил корову, то пил молоко. Так выживал. Я, конечно, шкодничил, но подругому нельзя было.

Стася давно заметила, что я молюсь, и предложила мне одну свою молитву. Я согласился. Слова такие: **Езус Христос, Пане милый, Баранку барзо терпливый. Хто Тя знайде, сченстье ма, Тому Бог забовленье да.** Я и сейчас каждое утро, как встаю, то ею молюсь.

Находясь в костёле, она упросила ксёндза, чтобы он принял меня на исповедь, а с хозяйкой, чтобы она отпустила нас в костёл. Стася договорилась, и она разрешила. До города 9 километров.

Рано утром летом 1944 года мы пошли пешком в Солец-Куявски. Мне к этому было не привыкать. Как сейчас помню, было воскресенье. День выдался чудесный. Мы идем по проселочной дороге. По обе стороны поля, из пшеницы вылетают жаворонки и поют, заслушаешься. Как в Лозовом.

Стася меня инструктирует, как поступать в костёле и что говорить ксёндзу.

Пришли в костёл, стали на исповедь. Подошла наша очередь. Стася исповедалась первой. Ксёндз сидел в будочке. Подошел и я с трепетом, стал на колени, мурашки по шкуре бегают, не знаю, что он спросит.

Ксёнз спросил: «Ты веришь в Бога?»

Я вспылил: «Ей Богу верю». И перекрестился понашему, по православному. Мне казалось, что на меня смотрят все прихожане.

Он спрашивает: «А кто тебя научил?»

Отвечаю: «Мама и бабушка».

Ксёндз спрашивает: «А что ты знаешь из молитв?»

Говорю: «Отче наш», «Господи помилуй» и Стася научила: «Езус Христос, Пане милый».

Говорит: «Добже, добже». «Как тебя зовут?» Отвечаю: «Юрко».

Ксёндз положил мне руку на голову, что-то прошептал и сказал — иди и слушай Стасю.

Мы сели за парты (как в школе) и прослушали службу. Я молился как все. Где сидели, где стояли. Причастились таких кругленьких белых хлебцев.

После службы, я уговорил Стасю, зайти и посетить землячек в лагере.

Запустили нас на территорию лагеря и в барак. Девочки были рады снова видеть меня. Все обнимают, целуют, расспрашивают. Я сказал, что был в костёле. Они говорят, что тоже ходим под присмотром надзирателя. В комнате отдыха посидели, поговорили про войну, а в основном говорили про наши любимые Сокиренцы, что все соскучились по дому и родным.

Очень жалко было расставаться, но мы уже привыкли к этому, распрощались, и это была последняя встреча, т.к. началась уборочная страда, так называлось у нас в колхозе, и работали без выходных.

Стася была довольна, что я посетил, церковь и наших девчёнок, которые ей очень понравились. Она видела впервые настоящих украинок-красавиц, а тяжелый труд, только укрепил

их силу воли. Они повзрослели. Но мне их было очень жалко.

Возвращались мы домой пешком. Дорогой разговаривали сразу о девчёнках, а потом, когда по шоссе проходили, то с левой стороны был лагерь военнопленных французов. Не знаю, какую работу они выполняли, но лагерь был не сильно охраняемый, как русских пленных. Они свободно без охраны ходили и на нашем сенокосе, который был около Вислы, и ловили в сумки зеленых лягушек. В лагере играла музыка и пели.

А когда свернули на просёлочную сельскую дорогу, то сразу за ж./дорожным переездом была усадьба крепкого бауера, с работником, с которым мы возили лес. Звать его Янек. Он возился во дворе, увидел нас, вышел, поздоровались и минут 5—10 поболтали.

Когда подходили ближе к дому, то с возвышенности, с правой стороны увидели наши поля, где золотисто серебрилась рожь, а за ней и пшеница, а за ними виднелся сад и наша фазенда.

Слева, напротив нашей фазенды, выделялся дом в 3 этажа. Это была мельница и электростанция, приводимая в действие падением воды на лопасти турбины, подсоединённой к генератору через систему валов и шестерён.

Генератор вырабатывал ток, которого хватало для потребления своих нужд и освещения нескольких усадьб, в т. ч. и нашей, так как село не было электрифицировано. Резерв воды накапливался в трех прудах из ручья, вытекающего из лесного массива, этого же хозяина — бауера.

Наше село Сокиренци, да и Калюженци были не электрифицировано, а воды у нас в прудах было предостаточно, и я думал после войны, когда вернусь, то обязательно предложу этот вариант электрификации села. Так как я понял, что электричество — это большая сила, а так-же помощь человеку огромная.

Шли дни, все корневые мы убрали и Стася отпросилась у хозяйки в костёл. Барнас остался на хозяйстве, а мы оделись потеплей и пошли пешком.

Шли бодренько. Ветер восточный. Я говорю, что ветер дует с России и подгоняет наших солдат, чтобы нас быстрее освободили.

В костёле, что-то долго ксёндз спрашивал Стасю, а меня спросил только, откуда я?

Я сказал, что из Черниговщины. Он сказал, что знает Чернигов и ваши девушки приходят в костёл, а он со Львова. Положил руку на мою голову, благословил меня и сказал — иди с Богом.

После церкви, мы пошли опять в лагерь. Стася попольски

говорила с охраной, а они меня уже знали и пропустили в барак.

Девушки опять меня обцеловали с двух сторон. Стася с радостью смотрела на это. Но девушки были взволнованы не на шутку. Боялись, что Красная Армия уже ведёт бои за освобождение Украины и Белоруссии, дойдет до границы с Польшей и остановится под лозунгом «Чужой земли мы не хотим и пяди, и своей вершка не отдадим», дальше не пойдут.

Еще они боялись, что могут их эвакуировать дальше в тыл. Я их успокаивал, что не остановится Красная Армия, а будет добивать немцев на их земле и нас освободят.

По мере приближения фронта на Запад, хозяйка наша, как с ума сошла. Стала ко всему придираться. Поляков не стала отпускать домой, устроила им казарменное положение.

Еще когда хозяин был дома, то отпускал меня с Бернатом к ним домой, где я познакомился с его отцом белорусом, который забыл свою речь, но кое-что вспоминал, и мы общались. Но он вспоминал свой Гомель и говорил, что хотя бы хоть раз перед смертью, посмотреть на свою землю, где родился и услышать свою чистую речь.

Слушая его, я вспомнил свои Сокырынци и бабулю Соловьиху.

Сейчас, находясь в Литве, я ему верю, что такая участь ждёт и меня здесь.

Концерт цыган

Однажды вечером к нашим воротам подъехали две кибитки. Бернат вышел, посмотрел и позвал хозяйку.

Старший — главный показал ей документ, она прочла, лицо её перекосилось, но приказала их впустить. Когда телеги въехали, из шатров вывалилась ватага цыган с музыкой и плясками.

То были венгерские цыгане, которые возвращались в Венгрию со своего путешествия по Украине, Белоруссии и Польше. Они боялись русских, так как Венгрия была сатилитом Германии, как и Чехословакия, и много венгров воевали против Советского Союза.

Они организовали танцы, песни, гаданье всем и своими забавами растопили черствое сердце хозяйке.

Кроме песен и плясок в документе было указано, чтобы им оказывали помощь в питании и фураже. Фуража у хозяйки было много, так как половину скота у нас забрали. Хозяйка приказала Стасе сварить демпфер картошки. Детишек с матерями напоили молоком. Спать уложили на сеновале в ангаре. На второй день их накормили. Они дали нам концерт и уехали, но после их не досчитались десяток курей.

Эвакуация

В один из вечеров, заявился из Бромберга муж сестры хозяйки Фриц, с чемоданом и рюкзаком. Жена его Марта жила на фазенде.

Вечером после ужина они закрылись в квартире, а мы ужинали отдельно на кухне, но Стасе удалось подслушать их разговор, где он говорил, что русские бомбили станцию и прилегающие дома и много жертв. Их служащих распустили на время, когда понадобятся позовут.

Через несколько дней поступила директива об эвакуации на территорию Германии, а если русские и подойдут, то на границе их остановят, т.к. граница сильно укреплена.

Во дворе закипела работа по изготовлению будки-шалаша на двух телегах, под руководством Фрица. А в доме перевернули всё вверх ногами по сбору шмоток для себя и их детей.

Было начало зимы — декабрь месяц и погода не предвещала теплых дней. На первой повозке был кучером Фриц, а на второй определили меня.

Чувствуя приближение Красной Армии и освобождение своё из неволи, мне не хотелось ехать, но Бернат сказал, чтобы я не упрямился, а то полицаи расстреляют на месте.

У меня не было теплой одежды и мне дали что-то из хозяйской, а ноги я замотал мешковиной. На первой телеге разместились все люди, 6 человек, на моей сумки с продуктами, сено и фураж для лошадей, запасные резиновые колеса, разный инструмент и т. д.

В установленный день и время, повозки выстроились на шоссе и под надзором полиции, по сигналу зеленой ракеты вся колонна Солец-Куявицкого района, тронулась на запад. Впереди играл духовой оркестр какой-то марш.

Ехали гуськом телега к телеге и днём, и ночью. Только останавливались на отдых лошадям и для естественных нужд в снегу, на правой обочине дороги. По левой стороне дороги, отступали немецкие части на свою законную землю.

Я был в телеге с пацаном, который потерял свой бравый вид и периодически плакал, и мне кажется молился, т.к. я слышал слова «Маин Гот» мой Бог. Я тоже всё время молился Богу и крестился, и просил Бога, чтобы Красная Армия не допустила переехать немецкую границу.

Счёт дням был потерян, и колонна разорвалась. Начальство на машине уехало вперёд и крупные бауеры тоже.

По пути встречались покинутые фермы, в которых хозяевами

оставались только прислуги — поляки.

На одну из таких ферм, мы с соседями заехали на отдых. Фриц говорит: «А будь, что будет, а всем нам надо отдохнуть».

На моё счастье в этой компании, оказался и бауер, где работал Янек, с которым мы вместе возили лес в город Бромберг — Быдгощь. Он всё о чем-то разговаривал с поляками, покинутой хозяевами фазенды. Утром, когда трогались стали так, что наши повозки были за ними. На шоссе мы включились в колонну, которой не было видно ни конца, ни начала.

В обед, когда по команде кого — то, все остановились на отдых и покормить лошадей, он подошёл ко мне и сказал, что вечером на следующей ночевке, хозяева договорились встретить Рождество, а мы удерем.

Побег

На пути стали чаще попадаться крупные селения и брошенные немцами фермы. На одну из таких ферм заехали и мы.

Все вошли в дом, взяли с собой продукты, нам оставили поесть и сказали, чтобы мы тоже зашли к прислуге в дом обогреться.

Мы наложили лошадям сена и дали овса. У Янека была одна повозка, и он мне помог, хозяин вышёл, проверил всё и ушёл захлопнув дверь.

Янек пошёл к полякам и что-то им сказал. Подошёл ко мне и сказал: «Бери кнут и пойдём искать лошадей». Я спросил у него: «Каких?». Он говорит, что это наш предлог, если кто спросит, то будем говорить, что лошадки затерялись, и мы их ищем.

Мы оба стали, на Луну перекрестились, а ночь выдалась морозная и лунная и с Богом тронулись назад, а повозки и машины двигались на Запад «железным потоком».

Мы шли сразу со страхом, а потом видим, что никто нас не спрашивает и никому мы не нужны. И на второе утро благополучно дошли до той фазенды, которую оставили утром, там уже отдыхали другие, такие же, как и мы горемыки.

Прислуга уже работала, кормила скотину и доила коров, на своей кухне накормила нас и напоила молоком, отвели нас в подвал-укрытие и закрыли тайный выход. Мы уснули и только в обед нас разбудили и позвали на праздник Рождества Христова. Сказали, что два полицейских приезжали на лошадях, допрашивали их, искали по всему дому и усадьбе, но нас не нашли и ускакали. Если бы нашли, расстреляли бы нас и их тоже, 5 человек за укрывательство, но Бог отвел от трагедии, по их молитве.

Сейчас сижу и вспоминаю тот жуткий, но не став трагическим днём 65 лет назад. Погибли бы мы двое, но за что могли погибнуть те бедные люди.

Я и сейчас горжусь той волевой женщиной, которая, не думая о последствиях, спрятала нас. Она знала, что за нами будет погоня и, несмотря на это, рискуя своей жизнью, она уберегла нас от фашистских «псов».

Найдя нас, они бы без суда и следствия расстреляли нас, так как я своему полицейскому дома надоел. Он бы сделал это с удовольствием, ещё раньше говорил во дворе у Клейста дома: «Юрек, кляйне ты большевик, ты меня дозлишь, что я тебя убью».

Я и сейчас молюсь Милостивому Господу Спасителю нашему

за спасение душ всех наших в тот далекий декабрь 25 числа 1944 года. В день Католического Рождества.

Мы с Янеком попали в благочестивую, благородную верующую семью, которой руководила волевая женщина пани Яня, бывшая учительница в Польше. Она сказала мужу Йозасу, чтобы меня раздели догола, и всю одежду и обувь «Перуны» облили бензином и на гумне сожгли вместе со вшами, а меня в подсобке, где была уже согрета вода, искупали и переодели в одежду старшего сына Стасика, которая лежала на стуле.

Янек тоже помылся, и мы сели за обед.

К вечеру, когда мы ухаживали за скотиной, во двор заехало несколько кибиток на ночлег, но мы уже к ним не касались, но помогли с фуражом и ушли в дом к прислуге. Мы с Янеком были, как рабочие и ни с кем не общались.

Жили и кушали одной семьёй. У них был ещё один сынок Янек, и мы его звали Янек младший. Ему было 12 лет. Он больше общался со мной, т.к. я ему рассказывал, как жили до войны на Украине и какое у нас большое и красивое село. И была ещё дочь Марыся, на два года младше меня. Красавица!!! С красивыми, золотистого оттенка волосами, с фигурой наших украинских девушек. Любимица всех и помощница маме.

За время пребывания там, было всего.

Ещё в начале января заезжали беженцы на ночь, а потом все меньше и меньше и совсем перестали или совсем их не стало, или просто замело к нам дорогу снегом.

Однажды на танкетке к нам въехали военные. Мы с Янеком большим, он был лет на 8 старше меня и уже отслужил в польской армии до 1940 года, сразу спрятались, но им было не до нас.

Они предъявив документ с гербом, о том, чтобы помогать солдатам Вермахта мясом. Выбрали двух бычков, вывели и за фермой застрелили, разделали мясо и забрали, а хозяевам оставили рога да копыта. Также одного кабанчика на 80—100 кг, тоже застрелили, опалили, разделали мясо и забрали, а кишки оставили. Оставили расписку и укатили. Было их 6 солдат, офицер и фельдфебель.

Офицер всё время посматривал на Марысю, но она убежала к соседям.

Когда они уехали, хозяин за ужином говорит, что мы живем, работаем и для хозяина бережём скотину, а он приедет или нет, а мяса мы не видим и порешили зарезать кабанчика, что и сделали на второй день, а позже забили и бычка. Так что картошка и супы стали вкуснее.

Время шло. Я уже попольски мог мовить, и вечером

рассказывал про Советский Союз, то что знал из школы, а что-то приукрашивал, но в целом получалось хорошо. Особенно про наше большое село, что знал про хутор, как пас там стадо коров и лошадей, как купались, как плавали на перегонки и т. д.

Договорились до того, что Марыся в меня втюрилась, т.е. влюбилась. И этого она не скрывала.

Предложение бауэра

Все дни мы жили в напряжении, но так как меньше стали беспокоить заезжие, мы немного расслабились. Как-то в середине января выдалась оттепель. В выходной день после обеда вышли мы все поиграть в снежки и меня, Янек младший

с Марысей, закидали снегом. Я, чтобы отыграться, поочерёдно, вначале изловил Янека, натёр его снегом, потом изловил сзади Марысю, как-то неудачно, что мои руки прошли по её упругой груди и по ней как — будто ток прошёл. Она резко ко мне повернулась и я подумал, что сейчас она врежет мне, но у неё руки опустились и снег выронила, а у меня у самого мурашки пробежали по телу, но потом мы рассмеялись.

Мы узнавали скупые новости с фронта. Узнали, что русские войска дошли до Вислы и будут скоро здесь.

Я радовался и говорил, что сразу пойду в Красную Армию и буду бить немцев.

Однажды после обеда меня попросили задержаться. Остались мы вчетвером, хозяин, хозяйка, Марыся и я. Хозяева поставили меня в тупик, предложив, чтобы после освобождения не идти в армию, а остаться у них, так как мы к тебе привыкли, а Марыся тебя полюбила. Мы тебе сделаем все документы, а потом вы с Марысей поженитесь.

Я поблагодарил за предложение и сказал, что я не достоин Марыси и посмотрел на неё. Она покраснела и стала еще красивее: «Достоин, достоин!» и подскочила ко мне поцеловала и выскочила из комнаты.

Меня этим вопросом, как кипятком обдали, но я овладел собой и ответил, что я могу вам сейчас пообещать, шанове панове, останемся ли мы живы, при прохождении фронта? А то немцы злые, они могут и нас пострелять и усадьбу сжечь, только чтобы никому не досталась. Посидели, помолчали и я вышел.

Но я вспомнил отца Бернаса, как он плакал и хотел хоть перед смертью посмотреть своё село на Гомельщине и подумал, что мне здесь не место, а любовь Марыси детская и скоро пройдёт, а меня ждут Сокиренци и бабушка Соловьиха.

Освобождение

В контрзазведке

КОРОТКО: Через несколько дней появились немецкие войска, пехота и артиллерия. Мы с Яном спрятались, но они никого из гражданских не трогали.

Появились Советские самолеты, они бомбили и обстреливали немцев, била артиллерия и мы боялись, чтобы не попали в нашу фазенду, не было пожара, но Бог отвёл.

Ночью 25 января вошли войска Красной Армии. Нас с Яном, командир от хозяев отделил, и оперативник сделал допрос на русском, а я на русском плохо понимал и он злился и говорил: «Но тупой хохол, по польски балакое лучше, чем на русском».

После допроса нас взяли под стражу, а потом, сказали, чтобы прощались с хозяевами.

Мы подошли к ним, очень благодарили, особенно хозяйку, за наше спасение от полицаев и обнимались, как с родными, а Марыся вцепилась мне на шею и со слезами кричит: «Не пущу».

Потом меня командир спросил: «Ты что, с этой красивой девушкою спал?» Говорю: «Нет. Разве розу срывают для того чтобы бросить».

Команда была, по машинам. Мы сели сзади в крытый «Студобекер» и я долго боялся, что потеряю с глаз красно — манящий платок.

Машины выехали на шоссе и влились в военную колонну машин с артиллерией, а танки шли по полю.

Вся эта военная лавина двигалась на Запад, на Берлин.

Наша колонна двигалась с небольшой скоростью, с кратковременными остановками на обочине шоссе.

На вторые сутки въехали в какой-то небольшой бывший немецкий городок. С автомашины были видны разбитые дома без гражданского населения.

На перекрёстке стояла девушка — регулировщик в военной форме и показала нам дальнейшее движение влево.

Через 400—500м. автомашины остановились, и последовала команда «разгружайсь!».

На улице было морозно, и мы изрядно промёрзли. Военных построили и повели в столовую, а мы пошли за ними.

В столовой было тепло, что нам и надо было, да ещё нас и накормили. Хозяйка, когда провожала нас, дала нам сумки с продуктами, но мы в дороге раздали всё солдатам. Как-никак, а домашняя пища, по которой они соскучились.

После обеда солдат повели в казарму, а нас под конвоем в штаб. После небольшого допроса нас отвели в какой-то барак,

где были только гражданские лица. Все разговаривали на русском языке, а мы с Яном на польском, чем и привлекли к себе внимание.

На второй день после завтрака нас повели в подвальное помещение, где находились следственные органы.

Дежурный офицер сразу спросил у Яна, где он хочет служить в Красной Армии или в Войске Польском? Ян ответил, что в Войске Польском. В этом городке оказались и части 1-й Польской Армии. Дежурный ему сказал, тогда прощайся со своим другом и подожди, за тобой придут.

Мы с Янеком тепло распрощались. Дежурный сказал часовому: «Задержанного Глушко отведите в 3-й кабинет». Часовой подвел меня к кабинету и постучал в дверь. Услышав: «войдите», открыл дверь и отрапортовал: «Задержанный Глушко на допрос доставлен!». «Введите!» последовал ответ.

Я вошёл. Меня остановили посредине кабинета. Свободен, сказал лейтенант часовому, тот ответил «Есть!», откозырял и ушёл.

Я огляделся. За столом сидел молодой лейтенант, упёр в меня свой взгляд и с интересом рассматривал меня. На столе стоял телефон и кипа папок. Я сказал: здравствуйте, но никто не ответил, в правом углу стоял стол и за ним сидел солдат-писарь.

Лейтенант кивком головы показал на табуретку и сказал — садись. Я сел. Начался допрос: фамилия, имя, отчество, год рождения и т. д. Я понимал немного русские слова, но отвечал на украинском: Глушко Юрко Василович, третьего травня, одна тысяча девятьсот двадцать шостого року, народывся. Офицер спрашивает: «Ты, что совсем не понимаешь по-русски или дурачком прикидываешься?».

Я це кажу: «Ни тов. лейтенант, трошки разумею, те що в школи учылы, но балакать не умею, т.к. у нас в сели по-русски не балакають». Писарь всё переводит. Я ещё говорю лейтенанту: «Тов. лейтенант! Вы меня тут довго не держити, а пытайте, що Вам треба, а то я на фронт хочу, я дуже на немців злый».

Лейтенант говорит: «Я тебе не товарищ, а вот посидишь дней 10 и по-русски научишься говорить».

Я отвечаю: «тов. лейтенант, так я ж хочу воевать. Мне есть за шо немцам мстить».

«Знаем мы таких продажных шкур, которые прикидываются, что их немцы били и обижали, а сами пособничали немцам.

Как это так, что ты живой остался? Куда едешь после освобождения? Где твой «резидент». Я говорю: «Я ж кажу Вам, шо я никуды ехать не собираюсь, отправляйте меня в Армию,

а „президента“ я никакого не знаю, даже фамилии такой не чув». Еще услышишь, сказал лейтенант.

А писарю сказал, дай ему бумагу по форме и пусть заполнит, а сам взял со стола папку и вышел.

Писарь посадил меня с краю своего стола, дал мне два листа бумаги с вопросами, чернила и ручку и, переводил мне вопросы, а я отвечал на них на украинском языке.

Писарь имел три лычки на погонах. Я его спросил, что это за звание? Он ответил: «Сержант», и сказал, что ему с нами разговаривать нельзя.

Я спрашиваю: «Ты тоже может украинец?». Он ответил: «Может», и заставил меня расписаться на обоих листах.

Вошёл лейтенант. Сержант подал ему листы допроса. Лейтенант взял покрутил их в руках, вернул сержанту и сказал, переведи на русский и их подколи, а я с ними потом познакомлюсь и разберусь, и начал мне задавать те же вопросы, что и раньше, а писарь всё фиксировал на бумаге.

Лейтенанта все мучил вопрос: «Почему же ты живой остался?».

Мне надоело повторять одни и те же ответы и говорю: «Меня Бог спас! Я ему молился усердно, и Он услышал меня и спас от смерти».

И «резидента» ты не знаешь? Лейтенант уже начал злиться и кричать на меня: «Сейчас узнаешь» и позвонил звонком. Вошли два «амбала». Лейтенант говорит им: «Объясните ему, кто такой «резидент».

Один меня в одно ухо, другой в другое ухо бах-бах, и я с табуреткой полетел, затем резко вскочил и табуреткой одного успел огреть по голове, но они меня сбили, ну и подкинули хороших, пока лейтенант не сказал: «хватит!».

Лейтенант подошёл ко мне и так со злостью говорит: «теперь ты понял кто такой „резидент“ богомол несчастный».

«Так точно! Тильки я його не бачив, як сийчас не бачу и Вас, тов. лейтенант». Глаза у меня заплыли.

«Ну твердолобый хохол, такой мне первый раз попадается». Завтра ты мне всё расскажешь. Отведите его в умывальник.

Два этих «амбала» вывели меня из кабинета, а по коридору в это время шёл мужчина в гражданской одежде. Увидел меня избитого и спрашивает: «За что вы его так?»

«Сопротивление оказывал!» тов. майор, ответил «битый».

В умывальнике умывались ещё несколько мужчин, после допроса с разукрашенными «физиономиями», только постарше меня.

Когда вернулись в кабинет, то л-т сказал, чтобы отвели меня

в казарму и, если я завтра не вспомню то, что меня спрашивают, то мне напомнят. Они привели меня в казарму и бросили на нары.

На ужин я не пошёл и всю ночь не мог уснуть. Всё тело болело, глаза заплыли, кости ныли. Я молился Богу и под утро уснул.

Утром меня разбудил мужчина на завтрак.

Я встал, ноги не двигаются, бока болят, левый глаз заплыл и ничего не видит. Мужчина помог мне дойти в столовую. Я ничего не ел, попил только чай. Пришли обратно в казарму.

Я лёг, мужчина сел около меня и начал сочувственно расспрашивать. Мне с ним не хотелось разговаривать, но самому интересно было узнать от него о «резиденте», за что меня так избили, которого я не знаю, и куда я должен ехать после дембеля.

Он меня спросил, что я действительно этого не знаешь и домой не поедешь? Я ответил ему, что нет, я хочу в Красную Армию, т.к. у меня с немцами свои счёты. А у меня и дома нет.

Он сказал, что после освобождения все гражданские лица должны пройти проверку в следственных органах «Смерш». Я спросил его, а что обозначает это слово. Он расшифровал так: «Смерть шпионам».

Я его спросил: «А Вы почему здесь сидите? Вы шо тоже шпион?». Он сказал, что он бывший военнопленный и на него подан запрос, что он тоже хочет служить в Красной Армии.

Потом его вызвал дежурный и он мне сказал, прощай и больше я его не видел. В последствии оказалось, что он «подсадной».

Я лежал и думал, за что же они меня били? За то, что я остался живой? Ну ладно, немцы били потому что мы их враги, здесь нет обиды. Но эти же наши, они за что бъют? Что они выбивают? Еще пару таких допросов и я буду не пригоден не только в Красную Армию, но и в гражданку.

На второй день меня не беспокоили, я отсыпался и отдыхал от побоев. Я лежал и думал, моя ли вина, что меня и миллионы таких, как я были угнаны под дулом автоматов на адский труд в эту проклятую Германию?

На третий день пришёл конвоир и увёл меня к лейтенанту. Он был в хорошем настроении, но на приветствие не ответил, а показал кивком на табуретку и сказал: «Садись».

Садясь, я покачал табуретку, она оказалась уже прибитой к полу. Лейтенант начал меня спрашивать, что и раньше, а я ему отвечаю, то что и раньше. Не знаю, до чего бы мы договорились, как вдруг без стука вошёл гражданский человек. Лейтенант вскочил на вытяжку и начал рапортовать: «Тов. майор, идёт

допрос».

Я узнал этого майора, он встречался два дня назад в коридоре.

Вольно — сказал майор. Тут в списке я встретил фамилию Глушко, дай мне его дело и приведи его ко мне.

Есть! — ответил лейтенант: «Вот он сидит».

Я встал, майор на меня посмотрел и говорит: «Пойдем со мной сынок», а ты занеси мне его личное дело.

Зашли в кабинет, который был большой и предназначен для совещаний.

Дежурный принёс два чая и к чаю пряности, и сказал мне: «пей и кушай». Лейтенант занёс личное дело, майор стал прихлёбывать чай и знакомиться с делами, одновременно вёл со мной беседу, где по-русски, а где и по-украински. Потом спрашивал об отце. Я отвечал ему то, что знал.

Сейчас пишу и вспоминаю, что майор, наверное, знал генерала Глушко Валентина Петровича, конструктора боевых ракет и он охранялся органами КГБ и подумал, что он может быть хоть далекий, но родственник.

После всего извинился за своего сотрудника и сказал, что сейчас освобождается много разных людей и среди них и Власовцы и дезертиры, и завербованные немецкой разведкой боевики и шпионы и всех их нам надо проверять и разбираться в них.

В заключение спросил: «Так куда же ты хочешь ехать, до бабы или в Красную Армию?».

Я вскочил и отрапортовал: «В Красную Армию тов. майор».

Майор позвал лейтенанта, отдал ему мою папку и сказал, извинись перед парнем и закрой это дело, и завтра направь его дело в штаб дивизии. Он вне подозрения.

А сам подошёл ко мне, пожал мне руку и пожелал успеха в службе и быть отважным и смелым в бою.

У меня встреча с ним осталась в памяти навсегда, а то не знаю, чем бы закончился мой допрос у лейтенанта.

Мы ушли с лейтенантом в его кабинет, он повернулся ко мне и говорит: «Ну извини, знаешь всякие люди бывают в это время». Пожал мне руку и говорит, ты иди, а завтра за тобой придёт сержант и отведёт в штаб дивизии.

На второй день, после завтрака пришёл сержант-писарь и отвёл меня в парикмахерскую, где меня подстригли, замазали синяки и привели в порядок, чтобы я прилично выглядел.

В советской армии

Зачисление в армию

В штабе полка, куда мы пришли, было много гражданских лиц разного возраста и человек 5—6 моего возраста. Сержант передал мое «досье» какому-то офицеру. Тот расписался в получении моего дела в каком-то журнале, и передача произошла. Мы с сержантом попрощались. Он пожелал мне, чтобы пули пролетали мимо меня, и ушел.

Пришёл старшина роты, построил нас в две шеренги и повёл в казарму. Погода была ветреная и холодная. Нас разместили в спортзале и провели инструктаж по внутреннему распорядку дня.

Программа занятий была сжата и после трёхдневных занятий нас переодели в солдатское обмундирование, не новое, но чистое. Дали ботинки и обмотки, которые нам создавали утром проблемы.

Проходили политзанятия и изучение боевого пути Красной Армии с момента её создания, с 23 февраля 1918 года.

Особое внимание было уделено началу войны с Германией, с 22 июня 1942 года, с её неудач и героических побед над немцами под Москвой, Сталинградом, Курско-Орловской дуге, о стойкости и патриотизме жителей Ленинграда выстоявших 90-дневную блокаду и отстоявших свой город, не впустивших фашистов в колыбель революции г. Ленинград, и о последних победах в освобождение Советской Страны от немецких полчищ, за пределы своих рубежей, форсирование реки Вислы и освобождение Варшавы и героический прорыв нашего 1-го Белорусского Фронта, под командованием маршала Советского Союза Жукова Г. К. и нашей 8-й Гвардейской Армии под командованием генерал-полковника Чуйкова В. И. от Вислы до Одера.

И сейчас нашей Армии поставлена задача овладеть городом Познань, важным стратегическим оборонительным узлом Вермахта перед Берлином. Части нашей армии, с другими армиями прорвали оборону немцев на Магнушевском плацдарме и приблизились к Берлину, сделав за несколько дней 500 км. марш-бросок от Вислы до Одера, форсировали реку Варта, южнее Познани, с задачей задержаться там до прихода главных сил.

Так информировал нас в своём докладе зам. командира полка подполковник Иванов.

После политзанятий и завтрака занимались изучением материальной части стрелкового оружия и боевыми стрельбами в тире. После обеда занимались и строевой подготовкой,

но большое внимание было уделено практическим учениям приравненных к боевой обстановке, как на фронте.

Ротный сам участвовал в учениях и говорил: «Учитесь чтобы не были мишенью для фрицев».

Хорошо помню 8 февраля 1945 г., погода была плохая, зима, пурга и метель на улице. Роту построили в спортзале на принятие присяги новичками, которых было 16 человек. Текст присяги читал замполит полка, а мы за ним повторяли: **Я, гражданин Советского Союза Глушко Юрий Васильевич, вступаю в ряды Красной Армии, торжественно клянусь!**

После росписи в журнале и получение временных удостоверений, нас распределили по взводам, в звании рядовой-стрелок.

Я попал в 1-й взвод и ещё три красноармейца. Нам выдали карабины и мешочки с патронами, каски, противогазы, сапёрные лопаты и аптечки. Вещмешки мы получили раньше, и всё, что можно туда сложили.

На фронте

На второй день с наступлением темноты, нас вместе с батальоном повели на фронт, который располагался в 8—10 км. от военного городка, но не обстреливался врагом.

Погода была скверная, ветряная и снег залеплял глаза и мы шли без всякого соблюдения рядов, т.е. брели по снегу в темноте под покровом ночи.

По мере приближения к фронту всё больше усиливались звуки орудий, стрелявших по нашим позициям и разрыв снарядов, наводивших ужас на нас новичков, а потом уже была слышна стрекотня пулемётов и автоматов.

Подходя к разбитому посёлку, нам сделали привал, пока командиры докладывали о нашем прибытии и определялись с местом нашего расположения.

Находясь в походном положение, мы видели вокруг нас белоснежные поля покрытые снегом, а здесь, впереди нас земля черная, изрытая минами и снарядами, даже ночью и то по телу пробегала дрожь какого-то невидимого страха, который пронизывал всё тело, больше чем мороз.

Я стоял опёршись рюкзаком в стену сарая и очень усердно молился, прося у Бога защиты от пуль и осколков.

Ко мне подошёл один боец и спрашивает: «Не страшно?».

Говорю: «Страшно, но що робыть?».

А тоби спрашиваю, страшно? Говорит: «тоже страшно, первый раз». Познакомились: Николай, Юрко.

Николай, спрашивает меня: «Ты украинец, откуда?». А я спросил его: «А ты?». Он ответил, что ростовский, черниговский.

Нас построили и провели ещё метров 200 — 300 и завели в траншеи. Прошли мимо нескольких блиндажей, в которых были раненые. Оттуда доносился и стон, и крики, и, конечно же, просьба к Богу о помощи и спасении от смерти.

Мне стало жалко тех воинов тяжело раненых и в будущем калек, солдат освободителей нашей Родины от фашистских захватчиков, а потом чужих земель и народов от того же фашистского ига, как например здесь в Польше, в т.ч. и меня, и многих уже положивших здесь свои головы, оставив одних своих матерей, жен и детей сиротами.

Я почувствовал, как у меня подступил прилив крови к голове и сердце моё ожесточилось на мщение за них, за тех бедных и раненых бойцов, и сразу почувствовал себя состоявшимся солдатом — бойцом Красной Армии, готовым сию минуту идти в бой.

В траншее находились солдаты и нас стали ставить рядом с ними через 1,5—2 метра, усиливая подразделения другого батальона нашего полка.

Ко мне подошёл пожилой боец, поздоровался и сказал, что если услышишь залп наших орудий, то зажми уши и присядь в окопе, а потом всё делай, как я. Тебя ко мне поставили, как к наставнику.

А як Вас звать? — спросил я.

Александр Васильевич, а тебя? — спросил он. Говорю: «Юрко!».

В темноте я не мог его рассмотреть, но по охрипшему голосу чувствовал, что ему лет за 40.

Не успел, он что-то сказать, как под ногами задвигалась земля. Александр резко дернул меня за шинель и крикнул: «Садись и зажми уши». Так резко прогремел залп, наверное из 1000 орудий, сильнее грома. Стреляла наша тяжёлая артиллерия сзади нас, с тыла по боевым позициям врага.

Я присел, зажал голову и уши между колен и молился Богу, чтобы защитил нашу Армию и меня в ней от немецких пуль и осколков, когда пойдём в атаку.

А орудия продолжали бить, земля дрожала от взрывов снарядов и небо полосой было красное от выстрелов пушек, как при красивом заходе солнца, но это зрелище было не для любви.

Александр Васильевич говорит, сейчас артподготовка кончится, и первый эшелон из окопов пойдёт в атаку, мы их должны прикрывать. Он был сержант, командиром нашего отделения.

Наша артиллерия резко перенесла удар по немцам в глубину обороны и вдруг небо озарилось зелёными ракетами и под громкое «УРА» пехота в тысячи солдат поднялась в атаку, на ходу стреляя по передовой линии обороны немцев.

Выскочили и мы из окопов и побежали вперёд, спотыкаясь о комки земли и, падая, и поднимаясь, как вдруг с переднего рубежа траншей обороны немцев застрочили автоматы, пулемёты оборонявших город.

Пехота залегла, а мы, и прикрывающие нас танки и артиллерия открыли по немцам огонь.

Нам была дана команда окопаться, но земля была мерзлая, а дядя Саша пополз в ближайшую воронку потянув меня за шинель. Я видел, как у него шевелились губы, но я ничего не слышал, т. к. у меня заложило уши от артподготовки. В воронке уже было трое солдат из нашего отделения. Дядя Саша кричит: «Где те сволочи фашисты прячутся, что после такого артналета там не должно остаться ни одного человека, а они, как

тараканы, повылазили из щелей, «Огонь! По ним». И мы начали стрелять по вспышкам и по брустверу траншей противника, а передние наши части отступали короткими перебежками в свои траншеи и окопы. После была дана команда и нам отступить на свои бывшие позиции, которые были сзади метров на 50—70. Атака сорвалась и это оказывается уже не первая. А с немецкой стороны на наши траншеи лился шквал огня, и немцы ещё выскакивали против нашей передовой, в контратаку.

Мы продолжали стрелять, целясь в их тёмные точки, пока не была команда: «Прекратить огонь». Артиллерия перестала бить по немцам, а танки отошли в укрытие. Они не наступали, т.к. могли подавить своих солдат в темноте.

По траншеям стали ходить командиры и разговаривать с нами. У меня ротный спросил: «Ну, как Глушко первый бой?».

Говорю: «Плохо, тов. командир роты, т.к. я не видел и не убил ни одного немца». Командир ответил: «Это всё ещё впереди, главное не падать духом». Подошёл к дяде Саше и что-то ему говорил, затем ушёл дальше по траншее.

В нашем отделение было 12 солдат и дядя Саша всех собрал и сказал, что готовится большое наступление. К нам подошла тяжёлая артиллерия, чтобы разбить их передовую линию ДОТЫ и ДЗОТЫ, т.к. наши 76 мм пушки не пробивали их укрепления.

Зимние ночи длинные и холодные, но к рассвету всё утихло, как у нас, так и у немцев. Потянуло на сон, но мороз забирался под шинель и каждый солдат разогревался, как мог.

С рассветом стали вырисовываться возвышенности на передовой линии фронта и мощные оборонительные укрепления в виде ДОТОВ и ДЗОТОВ с амбразурами, которые смотрели на нас, и из которых периодически вёлся пулемётный огонь по нашим позициям, как из трёхглавого змея на Ивана Царевича.

Яркое зимнее солнышко осветило остова жилых домов с пустыми разбитыми окнами до половины закрытых мешками с песком, служившими бойницами при защите города от Красной Армии.

Всё это подтверждало, что город уже ранее укреплялся к обороне, так как был большим стратегическим оборонительным пунктом на подходе к Берлину.

В нашей стороне тоже было затишье, только миномётная рота изредка посылала горячие «приветы» на линию обороны, чтобы фриц не скучал. Нам был выдан сухой паёк и мы сели перекусить, я подумал, что сейчас бы не помешала и чашка чая, как услышал голос: «приготовить котелки». По траншее 5 человек тащили термоса с чаем.

Ночной бой был ожесточённым, и двум передним линиям досталось жарко, но я не видел ни раненых, ни убитых. Их убрали в тёмное время суток.

Наш сержант пришёл с планёрки и сказал, что командующий наш, генерал-полковник Чуйков В. И. объявил на совещание, что маршал Жуков Г. К. решил выделить нам из резерва тяжёлую артиллерию калибром 152 и 203 мм, т. к. 76 мм орудия для взятия фортов не достаточны. Пока шла подготовка к генеральному наступлению, в блиндаже замполит батальона, капитан, на собрание рядового и сержантского состава, сделал политинформацию. Он изложил свежие события нашей 8-й гвардейской армии и преданной нам 1-й гвардейской танковой армии, генерала Катукова, которые в короткий срок сделали боевой марш-бросок, с боями прошли 500км путь от Вислы до Одера, форсировав реку Варту, обойдя Познань. Перед нами стояла задача взять город Познань ко дню Красной Армии 23 февраля.

Потом выступил наш командир роты ст. лейтенант Петров, и сказал: «Перед нами не простой город, а военная крепость, которая состоит из трёх обводов траншей с долговременными точками обороны и с фортами, соединенными между собой не только траншеями, но и подземными ходами до центра города, где находилась цитадель, в которой расположен целый гарнизон из 20 тысяч человек войска СС и несколько боевых дивизий, обороняющих город, и оказавшихся в окружение.

Танковые войска форсировали реку Варту с юга и севера, захватили аэропорты с самолетами и ведут бой с той стороны города, где немцы их не ждали, и немцы оказались отрезанными от тыла.

Нам, командующий фронтом маршал Жуков, выделил полк тяжёлой артиллерии для подавления вражьих ДОТОВ и ДЗОТОВ. Так что завтра ожидаются тяжёлые бои и мы должны выполнить с честью поставленную перед ротой задачу, поставленную командующим армией генералом Чуйкоым в отведённом нам участке боя. Но не лезьте до команды и не подставляйте себя под пули.

В землянке было тепло и не хотелось выходить на февральский мороз и ветер, но команда была: «по местам!».

На этом коротеньком собрание мы узнали о положение на фонте, и что представляет, стоящий перед нами город, и я почувствовал в себе поднятое настроение и крепкий моральный дух, устремлённый на победу над фашизмом. Днём нас покормили горячей пищей.

Штурм «Цидатели»

До конца дня и ночью в нашем тылу шла подготовка к наступлению. Подвозили и устанавливали тяжёлую артиллерию и слышны были лязгание гусениц танков.

Пехота отдыхала, дремали насколько позволял холод, то топтались на месте, то ходили шагов по пять, то в одну, то в другую сторону, пробираясь в траншее между солдат и ждали быстрейшего наступления.

На рассвете, как и раньше, сильнейший залп из 1000 орудий разрезал утренний воздух, и шквал огня посыпался на фашистов.

За эти дни боёв мы продвинулись вперед и были в черте города, который был уже почти весь взят, только наш район во главе с «цитаделью» сопротивлялся.

От передовой линии, которая считалась третьим оборонительным рубежом, было метров 250—300 и мы видели, как взлетают в воздух их укреплённые сооружения.

После получасовой артподготовки взвились зелёные ракеты и тысячи солдат поднялись в атаку и крик «Ура» заглушал залпы пушек, которые били в глубь обороны противника. Мы бежали в бой со стрельбой, и танки шли между пехотой, но немцы опять открыли огонь неведома откуда. Даже из окон уцелевших и разбитых домов, куда сразу были направлены солдаты нашей роты, в том числе и наш взвод. Завязался бой по выкуриванию немцев из нежилого дома. Немцы отстреливались и кроме автоматов у них были и фаустпатроны.

Мы захватили первый этаж, но они оставались в подвале и на верхних этажах. Подвалы мы закидали гранатами и немцы погибали, но появлялись новые.

Сапёры подтащили взрывчатку и взрывом сделали проходы в квартиры между подъездами, где мы захватили полностью первый этаж, и отрезали немцев на верхних этажах. А сапёры взорвали лестничные марши вторых этажей и на ночь зажгли в подъездах дымовые шашки. По верхним этажам била наша артиллерия и подошли к нам на помощь три танка.

Утром немцы сдались, их было не менее 60 человек, и нашему взводу было поручено их охранять.

Я стрелял много, но не видел своими глазами, что я лично убил кого-либо, но немцев было убито 11 человек, которых они сами спустили с верхних этажей, среди них были раненые, которых они сами перевязывали и оказывали помощь.

С нашей стороны убитых небыло, но раненых было человек 15, которых санитары сразу убрали в укрытие, в другой

освобожденный дом. Наше отделение Бог миловал. Все целы. При каждом выстреле из карабина я говорил: «Господи помилуй» и «Господи прости». Пуля моя конечно добра не несла для немцев, а несла смерть. У сержанта был автомат ППШа, он из него палил безприцельно, т.к. немцы на месте не стояли. Мы уже заняли второй этаж четырёхэтажного дома и кричали: «Фриц, хенде хох!», что означало — «руки вверх», а они стреляли в ответ.

Такой бой вели все десятки тысяч солдат, но после четырёхсуточного непрерывного боя и 22 февраля 1945 года «ЦИТАДЕЛЬ» — пала. Оказалось, что её зачищал гарнизон из 20 тысячного отборного войска СС, из которых осталось около 12 тысяч человек солдат и офицеров.

Сам город Познань обороняли две мотострелковые дивизии, гарнизон полиции, учебный офицерский корпус и другие сборные части, насчитывающие 65-ти тысячную армию.

«Цитадель» можно было с боем не брать, а окружить блокадой и взять войско измором, но по разведданным крепость была снабжена всем необходимым для длительной обороны и она могла продержаться более месяца, что нам очень мешало. Цитадель прикрывала ж.д. вокзал и весь железнодорожный узел, необходимый нам для доставки военного снаряжения, боеприпасов и техники для штурма Берлина.

После взятия г. Познани, было много военнопленных. Их охрану временно поручили нашей части, пленных немцев направляли в бывший лагерь для советских военнопленных.

В городе из местных жителей преобладало польское население. Большинство немецкого населения эвакуировалось до подхода Красной Армии.

В городе сразу была установлена военная комендатура, которая стала заниматься порядком и обустройством местных жителей. Так как я понимал на польском и немного на немецком языке, то меня временно определили в военную комендатуру в качестве переводчика.

Шло время, наша армия вышла на р. Одер ещё в январе и расширяла плацдарм для подхода основных сил.

Каждый день утром до завтрака зам. комбата проводил политинформацию и говорил, что немцы сильно обороняются, особенно Кюстренский гарнизон, который укреплён подобно Познаньскому. Командование нашей 8-й Гвардейской Армии, удалось без больших потерь форсировать Одер и закрепиться на левом берегу.

В комендатуре

Находясь в комендатуре, я старался больше изучать русский язык, общаясь между солдатами, а также читал газеты, какие попадались мне в руки, такие, как «Красная звезда» и другие.

Наше отделение охраняло комендатуру, я на посту не стоял, а днем когда приводили поляков, то меня вызывали для перевода разговора.

Город оживал. Сразу начали восстанавливать железную дорогу, станцию и вокзал.

У поляков была своя ж/дорожная военная комендатура, которая не подчинялась городской. Они пустили ж.д. составы в сторону Одера с военными грузами и продовольствием.

Поляки из членов «антифашистской» организации избрали временное руководство города, которое подчинялось нашему коменданту-майору (фамилию не помню), который поставил им первоочередную задачу: «организовать выпечку хлеба и раздачу его населению и обеспечить водоснабжение, расчистку улиц и центральных дорог города, организовать лечение раненых жителей, и другие жизненно важные задачи».

Однажды вечером ко мне пришел командир отделения, его уже назначили пом. командира взвода, и говорит, что наш батальон полностью доукомплектовали людьми и боеприпасами и завтра снимаемся и отправляемся на фронт в свою дивизию. Охрану военнопленных передаем Польской Армии.

Я спрашиваю: «А как же я?». Тебя пока оставляют, но ты пойди до комбата, может возьмут. Мы с ним вместе пошли в штаб, в штабе нам сказали, что охрана комендатуры не снимается, в том числе и я, пока остаюсь.

Мы с Александром Васильевичем распрощались. Он был очень рад, что сбылась его мечта и он будет штурмовать Берлин — логово фашизма, о чём мечтал и я.

Уже полностью установилась весна и уровень воды в реке Варте поднялся и затопились все низменные места, где пряталось гражданское население города при его взятии и народ повалил в город, чем создал дополнительные задачи нам и мне, как незатейливому переводчику появилось много работы, комендант их всех направлял в Управление Польской администрации.

Наладилось автодорожное сообщение и целые колонны автомашин ехали с солдатами в сторону фронта, а также и с обозом.

Однажды комендант был в хорошем настроение и решил со своими помощниками, в том числе и мною, посмотреть

цитадель, главное ядро крепости Познань.

Целый день мы ходили по крепости и её обзору не было конца. Вокруг крепости был ров глубоной 5—6 метров и шириной 10 м, стены выложены кирпичом, в которых устроены бойницы. Ров простреливался по диагонали и крепость была не доступна, как для танков, так и для пехоты. Сверху была насыпь земли в 3 метра, стены из железобетона толщиной 1,5 м, в которых были устроены окна-щели для пулемётов крупного калибра и к ним площадки и подходы для солдат по всем направлениям. Внутри были дороги для автомашин, склады для боеприпасов, вооружения и продуктов питания, жилые помещения-казармы в два этажа, где размещался штаб и солдаты, то есть гарнизон в 20 тысяч человек армии СС. Пищеблок и санчасть со всем оборудованием и перевязочным материалом, и лекарствами. Увиденному нет воображения.

После падения крепости в плен сдалось 12 тысяч человек, в т.ч. и один генерал, а второй генерал — командир гарнизона, застрелился.

После всего увиденного, остались жуткие воспоминания. Поэтому, так долго нашей армии пришлось «грызть» этот крепкий «орешек».

Снова фронт

С фронта в комендатуру приходили ежедневно новые сводки и утром, до завтрака проводилась политинформация.

Мы узнавали о тяжёлых боях на подступах к Кюстринскому плацдарму и к г. Кюстрину, который оборонялся сильным укреплённым гарнизоном.

С северо-востока Померанская группировка противника прорывалась через наши тылы к Кюстрину.

На разгром её были брошены части 1-й танковой армии и 5-й Ударной Армии, которые разгромили её. А также и другие новости про 1-й Украинский фронт, которым командовал маршал Конев, который тоже вышел к Одеру на южной части подступа к Берлину.

Однажды, в тёплый весенний вечер комендант города вышел с помощником во двор на свежий воздух и о чём — то говорили и смеялись. Они были в хорошем расположении духа, увидев меня, а я сидел на скамейке и читал газету. Он спросил меня: «что там пишут, Юра?».

Говорю: «Читаю про Украину-Черниговщину, мою Родину. Там уже идут посевные работы, людей не хватает, а я вот сижу вместо того чтобы воевать и бить фашистов, бездельничаю и добавляю: «Николай Васильевич, отпусти меня на фронт, сейчас уже поляков идёт мало к нам, я почти не загружен».

Хорошо, раз ты так просишь, то подумаем и тут же к заму: «Ну что, Сергей Иванович, отпустим Глушко на фронт?». Ну чтож, говорит Сергей Иванович: «раз он просится то отпустим, пусть воюет».

Я стал на вытяжку и громко ответил: «Есть воевать!».

На второй день после работы Николай Васильевич позвал меня и говорит: «Завтра здесь будут проходить части запасного полка нашей армии и я договорился чтобы тебя туда зачислили».

Я на радостях ответил: «Дуже дзякую!». Опомнившись, говорю: «Большое спасибо! Николай Васильевич, век не забуду».

Хорошо, иди собирайся и отдохни. «Есть» откозырял я и вышел.

В одной из квартир, уцелевшего дома, где располагались работники комендатуры и охрана, позавидовали мне, что я уезжаю на фронт, что буду участвовать в боях за взятие Берлина.

На второй день меня отвели в штаб, где формировался запасной полк и зачислили в пулеметно-ПТР-ный взвод помощником наводчика ПТР. Это такое большое и длинное ружьё, которое обслуживает расчёт из трех человек, наводчика, он же

и стрелок, помощника, он же заряжающий и подносчика патронов, которые, как маленькие бронебойные снарядики 13,6 мм. И стреляют ими поштучно.

Командир расчёта был сержант Василий, белорус из Витебска. Он познал жестокие дни войны, горечь отступления, т.к. был призван в первые дни её начала, и радость наступления и освобождения Белоруссии, был два раза ранен и имел награды.

Первые дни активно изучали устройство ПТР и правила стрельбы. Подносчик патронов молодой и крепкий красноармеец из освобожденных, здесь в Польше парней, Павел, был мой ровесник.

Через несколько дней, когда полк доукомплектовали, нас посадили на американские автомашины «Студебекеры» покрытые тентом и повезли в сторону Берлина.

Реку Одер, большую и полноводную, мы переезжали по понтонному мосту.

Нас высадили не далеко от линии фронта, до нас доносились звуки артиллерии. Кругом было полно войск, и мы расположились отдельно поротно.

Была уже вторая половина дня, но солнце ещё пригревало и настроение было хорошее, а стало ещё лучше, когда подвезли полевую кухню, повзводно нас покормили щами, перловой кашей, чаем и дали время для отдыха. Мы присмотрелись по сторонам, это была ровная низменность в одну сторону с палатками, где были раненые, а в другой стороне располагалась тяжёлая артиллерия, которая куда-то «палила» из пушек.

Впереди виднелась возвышенность. Это и был тот основной укрепрайон немецкой обороны, так называемые Зееловские высоты, о которых мы уже наслышались в Познани.

С Зееловских высот противник просматривал весь левобережный плацдарм и простреливалась вся долина, что усложняло наступление наших войск. Она была затоплена после разлива р. Одер и поля превратились в топкую грязь, по которой танки не могли двигаться. А пехота поражалась артиллирийско-миномётным и пулемётным огнём противника и не могла подняться в атаку.

Противник сосредоточил высокую плотность войск на главном направление удара Красной Армии. Противник занимал три рубежа обороны на Зееловских высотах, которые были глубоко эшелонированные и соединялись траншеями и подземными ходами между собой.

Под покровом ночи нас вывели на штурмовой рубеж, где были готовы огневые позиции под большой маскировкой для ПТР. В нашем взводе было три боевых расчёта, которые из укрытия

должны подавить пулемётные точки противника и помочь пехоте при штурме передней линии обороны, т. к. артиллерия при штурме могла поразить нашу пехоту.

После усиленной артподготовки из тысяч орудий, танков и самоходок, оборонительный рубеж противника частично замолк. Наши штурмовые части при взаимодействии и поддержке танков овладели первым рубежом вражеской обороны шириной до 10 км.

Немцы, предугадав наше наступление, отвели главные силы на вторую линию обороны и на самые Зееловские высоты. Там организовали усиленную оборону, бои не прекращались ни днём, ни ночью. А солдат хорошо воюет, когда желудок сыт, питание нам было организовано в основном в ночное время сухим пайком.

Немцы чувствовали свою гибель и усиленно сопротивлялись и даже выходили в контратаки.

Склоны высоты были такие крутые, что наши танки не везде могли по ним подниматься, а немецкие танки выползали из-за этой горы и «палили» по нашим позициям.

Наши расчёты ПТР располагались метров в 20 друг от друга, и мы стреляли по гусеницам танков и по пулемётным гнездам.

Однажды одной контратакой, из второй оборонительной линии, немцы пошли в атаку, их поддержать выползло несколько танков. Мы стреляли по их гусеницам и одного подбили. Он закрутился на месте и развернул башню. Сержант только успел крикнуть: «Падайте!», как взрыв снаряда прогремел над нашими головами, и нас закидало землёй и оглушило.

Когда я очнулся, то почувствовал, что живой, но земля меня сдавливала, пехотинцы нас откапывали.

Когда откопали, то я увидел, что сержант сидит в окопе и ему санитар перевязывает плечо, он что-то мне говорит, но я вижу, как он губами шевелит, а я его не слышу. Вижу, в бой вступили наши «Катюши», от них горит даже земля. Контратака немцев отбита.

От нашего ПТР валялись разорванные куски. Бой утих. Мне санитар показывает, чтобы я закрыл рот и зажал нос и выдыхал воздух, а он мне ладонями зажимал и отпускал уши. Я немного стал слышать, как наша артиллерия не переставала обстреливать немецкие позиции.

Меня вывели из окопа, по траншее впереди ещё шли раненые, убитых не видно было, значит обошлось без жертв.

В санчасти было много таких контуженых, как я, плохо слышавших и заикавшихся. Я разыскал дядю Васю. Его ранило осколком в левое плечо, он очень был расстроен не от ранения, а от того, что не пришлось брать Берлин, хотя: «я рад и тому, что

дошёл до Берлина», — сказал он и, застонав от боли, обнял меня правой рукой, поцеловал три раза по православному обычаю и мы распрощались.

Взятие Берлина

Мы не знали, что на него нашло, но он спокойно к этому отнёсся и дал распоряжение собрать выздоравливающих. Часть из нас «отсеялась», а «годных» набралось примерно около роты.

Нас посадили в три «студера» и привезли в часть, где вооружили и выдали нам боеприпасы и гранаты, и всё необходимое для ведения боя.

Всех построили и командир роты определил нам задачу: «Выбивать фашистов из разных укрытий и домов, т.к. они пропустив наши прорвавшиеся с боями передовые основные силы, успешно наступавшие на центр Берлина, угрожают с тыла. Мы, находясь во втором эшелоне наступления, должны уничтожить этих ярых гитлеровцев в их домах и гнездах!».

Офицеров было недостаточно и командиром нашего взвода назначили нашего усатого старшину лет 35—40, имевшего боевой опыт и много наград.

Здания в городе уже были разбиты ранней бомбардировкой американо-английской авиацией и нашей артподготовкой и бомбёжкой, так что дома стояли без окон, и каждое окно было амбразурой для пулемётчиков, автоматчиков и фаустпатронников, от снарядов которых танки загорались, как спички.

Воздух в городе был насыщен дымом, гарью, копотью, цементной и земляной смешавшейся пылью, через которую даже плохо пробивалось солнце, хотя и были тёплые весенние солнечные дни.

По фашистам в Берлине — ОГОНЬ!

Пехоту прикрывала артиллерия, стоявшая на перекрёстках улиц и площадях, и танки, за которыми мы продвигались от освобождённого нами дома. Танки стреляли по подъездам, а когда мы в них врывались, то переносили огонь выше. Пехоты нашей было не счесть.

Все взводы и роты перемешались, и мы близко не знали друг друга, но задача была у всех одна, выбить немцев из засады и уничтожить их, если они не сдаются, но они не сдавались.

Врываясь в дом, закидывали комнаты гранатами и поливали автоматным огнём. Бой вёлся за каждую комнату, этаж и подвалы, которые были соединены подземными ходами между собой с выходами в определенных местах наружу или в станцию метро.

И большинство немцев удирало, а остальные или сдавались, или погибали. Погибали и наши бойцы. Через сутки боя

от нашего взвода осталось больше половины бойцов и сам взводный, которого я придерживался в бою, так как больше никого не знал.

Я думаю, что меня Бог хранил, т.к. я ему непрерывно в уме молился, и пули летели мимо. Ночью наш взвод пополнился 10-ю красноармейцами и на рассвете опять штурм других домов, улиц и мы добрались до канала.

В последних домах вдоль канала, немцы очень жестоко дрались, т.к. им некуда было драпать, и это были части СС — фашисты.

Чтобы их выкурить нам выделили сапёров для подрыва стен между подъездами и подвалами, и огнемётчиков, которые огнём и дымом выкуривали гитлеровцев.

Штурмовые отряды приступили к форсированию канала, а мы с этой стороны домов прикрывали их, обстреливая противоположные дома, занятые немцами, со всех видов оружия и из танков и артиллерии, чтобы немцам не дать взорвать оставшиеся мосты.

Боеприпасами мы обеспечивались беспрерывно. Сухой паёк имелся у каждого бойца, но есть не хотелось и спать тоже, хотя шли уже третьи сутки беспрерывного боя. Была только усталость, но и стремление вперёд к победе над фашизмом и энтузиазм придавал нам силы.

29 апреля мы выбивали немцев из зоологического сада, они ожесточенно оборонялись, прикрываясь огнём из двух бункеров и дзотов, устроенных на вершине холмов.

Пехоте помогали танки и тяжёлая артиллерия, которые разбили гнёзда эсесовцев, стрелявших из пулемётов по военным и мирным своим жителям, перебегавшим дворы и улицы, а огнемётчики и сапёры довели своё дело до конца. Оставшихся немцев из частей Берлинского гарнизона взяли в плен. За зоологическим садом виднелся массив Тиргартен-парка, который находился за каналом, и его должна была взять 8-я армия, а чтобы туда перебросить войска, нужно сохранить мосты. Шёл ожесточённый бой за «**Горбатый мост» через канал Ланавер**. Тяжёлой артиллерией из 205 и 302 мм гаубиц были разрушены двухметровые стены бункеров, имевшие круговой обстрел. И крепость пала, которая закрывала основной подход к району Тиргартена. Он густо застроен огромными зданиями, где целую улицу, фосс-штрассе занимает здание **ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.** В её подземных казематах находилось и убежище **Гитлера, который покончил жизнь самоубийством 30 апреля в 15 часов 50 минут. Он отравился и его сожгли** сами немцы во главе **с Гебельсом.**

Большую агитационно-пропагандистскую работу вели политработники частей. Они не только успешно воевали, но и доносили до нас, солдат, ничего не знавших, что делается рядом с нами, кроме врага впереди, которого надо уничтожить. Наш комсорг, сержант Сережа, рассказал, что нашей 8-й Гвардейской армии с приданной нам 1-й Гвардейской танковой армией, поставлена задача овладеть укреплённым и сильно обороняющимся гарнизоном армии СС с приданными им общевойсковыми частями, район Тиргартен, где в центре острова находилась имперская фашистская канцелярия, откуда ещё шли приказы бессмысленной борьбы.

Еще от комсорга мы узнали, что 5-я ударная армия с командующим генералом Берзариным, совместно с 3-й ударной армией генерала Кузнецова, поддерживаемые 1 и 2 Гвардейскими танковыми армиями, воюют за взятие Рейстага.

И ещё, что 25 апреля войска 1-го Украинского фронта маршала Конева встретились на реке Эльба с американскими солдатами, а также в этот день 25 апреля 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты соединились в районе Кетцина, в западной части Берлина.

Мало у нас было минут отдыха в перерыве боёв, но агитаторы успевали донести до нас, рядового и сержантского состав, о героических поступках воинов, проявивших себя в боях за взятие Берлина, логово фашизма, оплативших Победу, рискуя собственной жизни и смертью павших в бою. Не одна сотня тысяч наших солдат и офицеров, которых не дождались их родители, осталась на Берлинской земле.

Ночью 29 на 30 апреля в Берлине произошло трагическое событие.

Гитлер перед самоубийством, приказал открыть шлюзы р. Шпрее и затопить метрополитен с его имеющимися 113 станциями, заполненными мирными жителями Берлина. Мне, в составе нашей роты, с боем довелось очищать от фашистов подходы к станциям метро и спасать женщин, детей и стариков, укрывавшихся в метро.

Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, в частности бойцов 150 и 171 стрелковых дивизий, выбивая фашистов из комнат и этажей Рейстага, добрались до чердака. И на его куполе **в 21 час 50 мин., в ночь на 1-е мая, сержант Егоров М. В. и младший сержант Кантария К. водрузили ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД РЕЙСТАГОМ!**

Но ярые фашисты попрятались в подвалах Рейстага и вели сопротивление до утра 2-го мая, до полного падения гарнизона Берлина.

Отдельные части, не подчинявшиеся гарнизону, еще вели бои в нашем районе захвата, в саду парка Тиргартен, обнесённого 2—3 метровым ж/бетонным забором. Им отступать было некуда, и они вели с нами бои до полного уничтожения командного состава, и только в 15 часов 2 мая враг капитулировал после мощного артобстрела имперской канцелярии.

Остаток Берлинского гарнизона в количестве 134 тысяч человек сдались в плен. Победа над немецким гарнизоном Берлина и полевыми армиями, защищавшим его, была ознаменована стрельбой и залпами со всего вида вооружения. Все радовались, обнимались и целовались: пехотинцы, танкисты, артиллеристы из разных частей и разной национальности.

Радости не было конца и никто в эту ночь не спал от солдата до генералов, и конечно же и маршал Жуков Г. К.

Я нашёл укромное местечко и молился Богу за спасение моей жизни и жизни другим воинам и благодарил Его за помощь взятия Берлина, и чтобы этот бой был последним в моей жизни.

После изнурительных и кровопролитных боёв Берлинский гарнизон капитулировал.

По распоряжению Командующего 1-м Белорусским фронтом маршала **Жукова Г. К.,** в переговорах о капитуляции принимали участие:

От Советской стороны:

СОКОЛОВСКИЙ В.Д.-генерал армии-1-й заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом.

ЧУЙКОВ В.И.-генерал-полковник-командующий 8-й Гвардейской армией в присутствие других генералов Красной Армии.

С НЕМЕЦКОЙ СТОРОНЫ

КРЕБС-генерал — начальник генштаба сухопутных войск Германии по поручению Деница, Гебельса и Бормана.

Кребс от имени нового Правительства Деница просил о перемирии, на что наши делегаты не согласились, и он возвратился назад и больше не вернулся, а застрелился вслед за Гебельсом в бункере Вермахта от позора.

Утром в 6 часов 2 мая, командир 56-го танкового корпуса генерал-Вейдлинг, в сопровождение двух своих генералов и других офицеров, перешёл линию Фронта и сдался в плен. Он же и командующий обороной Берлина.

Директор пропаганды доктор Фриче (замещал Гебельса) посылает свою гражданскую делегацию в штаб Чуйкова, договориться о прекращении обстрела Берлина.

После разговора Вейдлинга с Соколовским и Чуйковым, от которых он получил указания на прекращение сопротивления

его армии и гарнизона, пишет приказ о немедленном прекращение огня и безоговорочной капитуляции, войскам оборонявшим столицу.

Условие капитуляции:

1. Полное прекращение огня.

2. Всем войскам сдать оружие.

3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.

4. Раненым обеспечивается помощь.

Условия капитуляции и приказ генерала Вейдлинга были отпечатаны и зачитывались по радио и розданы по частям немецких армий и в наших частях.

К вечеру бой затих, и немецкие войска начали сдаваться в плен с 15 часов 2 мая. **Акт о капитуляции Берлина был подписан 2 мая 1945г.** Подписали: **от СССР СОКОЛОВСКИЙ В.Д.-генерал армии; ЧУЙКОВ В.И.-генерал полковник.**

От Германии: ВЕЙДЛИНГ-генерал артиллерии и командующий округом обороны Берлина, в присутствии **ФРИЧЕ-директора пропаганды** и последнего члена правительства Гитлера.

2 мая 1945 года пал Берлин, второй Вавилон нашего времени — логово фашизма и гнездо Третьего Рейха, развязавшего вторую агрессивную кровопролитную войну в Европе и внезапно напавшего на мирно спавших людей Советского Союза в июне 22 числа в 4 часа утра 1941 года, об которых фашизм поломал свои кровожадные клыки и положил ненасытную голову на плаху в центре фашистского логова, откуда начинал свой кровавый путь «Блитц криг».

Это была великая радость всех оставшихся в живых воинов, бравших Берлин — от солдата до генералов и маршала Жукова Г. К., а также всего Советского народа и его доблестных Вооруженных Сил.

3 мая 1945 года хоронили геройски павших в бою за Берлин Советских воинов, сложивших свои головы, за тысячи километров от родного дома. Они принесли Родине Славу, а родителям на всю жизнь неизгладимое горе.

Погибших солдат и офицеров свозили со всего Берлина и складывали в могильные холмы в Трептов-парке и у Бранденбургских ворот под траурные мелодии духового оркестра.

Это мероприятие было закончено поздно вечером и ознаменовано тремя артиллерийскими залпами из тридцати орудий, на каждом мемориальном кладбище. **Вечная им память.**

В этот день хоронили и немцы своих убитых воинов

и гражданских жителей, убитых карателями в подвалах и в станциях метро, как «предателей» фюреру. Они были неизвестно когда убиты и уже разлагались, и смрад разносился по городу.

Вот до чего довел свой народ Гитлер, и его преспешники, позорно закончивши свое существование.

Мне очень запомнился день 6-го мая. Война ещё не окончилась. Танкисты вывели свои танки за город и там вели бой с разрозненными частями немцев, рвавшимися в Берлин на помощь оборонявшемуся гарнизону, потому что не знали, что его уже нет, да и в городе ещё не все сложили оружие и ярые фашисты, особенно пацаны досаждали нам.

В этот день наша рота патрулировала улицы и прочёсывала дома, которые были разбиты, так что невозможно было в них жить. Мы поднялись до пятого этажа, проверяя все открытые комнаты поэтажно, одна квартира оказалась закрытой на замок. Я достал отмычку, которая подходила ко всем замкам, т.к. все замки были одинаковые, и только всунул в дверь, как в квартире гавкнула собака, а старшина дернул меня за шинель от двери, и сразу прозвучало три выстрела в квартире и пули пробили дверь на уровне груди.

Все затихло. Я отомкнул замок «берлинским ключом», так называлась отмычка, но в квартире никого не было. На столе остались пустые банки от консервов и другие недоеденные продукты.

Мы быстро осмотрели три комнаты, но никого не было, но старшина обнаружил в шкафу открытый проем и выход через него в другую квартиру. Мы туда осторожно прошли, и там было пусто. Вышли на площадку, проверили три квартиры рядом — никого, прошли в следующую квартиру, и в четвертой квартире тоже пусто.

Поднялись через лаз на крышу. Никого не видно, но собака опять подвела их. Я крикнул: «Хенде хох!». Из-за труб вышло четыре пацана лет по 15—16 в камуфляжной одежде гитлерюгента. К нам на помощь поднялись солдаты, проверявшие этот подъезд, скрутили пацанов, завязав им руки. Когда сдали их в штаб, то оказалось, что они с этого дома и они не стреляли, потому что у них кончились патроны. Когда проверили дом, то он оказался весь поэтажно проходным, и предназначался для длительной обороны. И таких домов было не один.

Старшина говорит, хорошо, что у них кончились патроны, а то бы они могли и пострелять нас, так как нам запрещалось стрелять на поражение, а предписывалось заставить противника сдаться.

После капитуляции Берлина за убийство, грабёж, мародёрство, изнасилование, виновник наказывался по закону военного времени.

Капитуляция Германии

Мы знали, что ведутся переговоры с новым правительством Германии, которое назначил Гитлер перед своей смертью во главе с Деницем — адмиралом флота, который вел дипломатическую линию под флагом военного перемирия, а капитуляцию предложенную нами не принимает.

Жуков доложил об этом Сталину и Верховный Главнокомандующий сказал: «Никакого перемирия, полная капитуляция!». О чём было сообщено Деницу.

От большого нажима Советских войск на оставшиеся разрозненные немецкие войска, и чтобы прекратить дальнейшее кровопролитие, Дениц соглашается на капитуляцию и посылает делегацию во главе с генерал-фельдмаршалом Кейтелем для подписания Акта о капитуляции.

8 мая в 22 часа 50 минут германского времени и 0 часов 50 минут московского времени 9 мая 1945 года, был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии в войне против Советских войск и войск антигитлеровской коалиции союзных войск:

От СССР —маршал Жуков Г. К.

От США — генерал Карл Спаас

От Англии — маршал Артур В. Теддер

От Франции — генерал Латр де Тассиньи

От Германии — генерал-фельдмаршал Кейтель

Крахом закончился «Блиц криг» Гитлера внезапным нападением на Советский Союз в 4 часа 22 июня 1941 года**, и полным провалом его 9 мая 1945 года в Берлине.**

Наша рота была в карауле, и мы только что сменились с постов в 24 часа и поставили оружие в пирамиду, как вдруг небо осветилось ракетами всех цветов, стрельба со всех видов оружия. Команда была в «ружье».

Мы схватив оружие и патроны выскочили на улицу, думая, что прорвались танки, но увидели, что все палят вверх и кричат: « Конец войне! Ура!». Нам стрелять было нельзя, находясь в карауле, начальник караула, он же и наш командир роты, поздравил нас, лично каждого с Победой над Германией.

На второй день был построен поротно полк и командир полка поздравил всех с Победой над Германией и её союзниками Мусолини — Италия и Франко-Испания.

Он отметил, что кровопролитная фашистская война закончилась победой Советского народа и его Красной Армии, которую мы представляем, здесь в логове фашистов. Митинг был

часа два, потом был торжественный обед со 100 боевыми граммами.

Из речи маршала Г.К.Жукова, на торжественном банкете в честь Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года: «Разгром Берлинской группировки немецких войск и взятие немецкой столицы — Берлина была осуществлена в рекордно короткий срок, всего за 16 суток. Это была сложная стратегическая операция Советских войск, осуществляемая миллионной армией и потерявшей в этом сражение 300 тысяч человек убитыми и ранеными.

Оборону в этом направление вела группировка отборных немецких войск СС, особенно при обороне Берлина. Около миллиона солдат войска Вермахта ожесточенно дрались с нашими частями, особенно на Зееловских высотах и в стенах самой столицы. Потери немцев не подсчитаны, но их больше наших. **ПОЗДРАВЛЯЮ ВСЕХ С ПОБЕДОЙ! УРА!»**

После победы

Война с Германией закончилась. Началась моя мирная армейская служба в Красной Армии на территории Германии с периода мая 1945 года по декабрь 1950 года.

Советский Союз выполнил свой Интернациональный долг, освободив Европу от фашистской чумы, и установил мирное сотрудничество со странами Европы.

В Германии остались оккупационные войска Советского Союза и наших союзников, не с целью порабощения немецкого народа, а для мирного сосуществования, в противоположность оккупации фашистами Европейских стран и части Советской территории — Белоруссии, Украины и других областей СССР.

Там немцы вели себя варварски, издевались над местным населением стариками, женщинами и детьми. Юношей и девушек в нечеловеческих условиях угоняли в рабство в Германию, в том числе и меня. Скажу на радость, спасибо Красной Армии, что высвободила меня из того «ада»! И я ещё имел возможность отомстить фашистам за себя и за своих земляков и друзей. За все это они поплатились своей жизнью и позором.

Наш запасной полк расформировался по дивизиям нашего корпуса. Я с другими сослуживцами попал в 100-й полк 35 Гвардейской стрелковой дивизии. Вместе со старшиной и ефрейтором Соколовым мы влились в один взвод — пулеметный.

Наша часть ещё находилась в Берлине и Маршал Жуков Г. К. возложил заботу о жителях Берлина на комендатуру города.

Город Берлин начинал мирную жизнь, но местного населения в городе было мало и был приказ по воинским частям оказывать помощь в расчистке завалов, образованных после бомбёжек и артобстрелов, налаживания водоснабжения и канализации, восстановления электроснабжения.

В полку отобрали солдат и сержантов не ниже 170 см. ростом (у меня рост оказался 176 см.) и мы занимались строевой подготовкой для парада Победы в Берлине, вместе с англо-американскими и французскими частями.

Согласно Крымской конференции, после Победы над Германией, гор. Берлин был разделён на 4 части. Взамен этому, США должны отдать советской стороне провинцию Тюрингия, т.е. вывести из неё свои войска, а английские войска должны выйти из района Виттербенга.

В середине мая 1945 г. в Берлине уже был организован гарнизон по охране города из частей бравших Берлин, в основном

из частей 5-й ударной армии. Первым комендантом города был назначен командующий 5-й ударной армии генерал-полковник Берзарин Н. Э., излишние войска выводились из Берлина.

На аэродроме Тампельдорфе была устроена трибуна, на которой размещались командующие всех армий бравших Берлин и армий наших союзников.

Под сводный армейский оркестр прошли парадным шагом сводные роты полков, в том числе и наша рота, потом нас выстроели перед трибуной на взлётной полосе аэропорта.

Торжественную речь произнёс генерал армии Соколовский В. Д., затем выступали командующие зарубежных армий союзных войск.

Парад закончился и под марш оркестра, потянулись колонны войск из Берлина на юг, пешком с полной боевой выкладкой.

Мне, как помощнику наводчика достался станок пулемета «Максим» весом 12 кг. Шли мы походным шагом с привалами на отдых и приём пищи.

Меня подменяли подносчики патронов и стрелок. Путь был не близок — около 500 км в провинцию Тюрингия г. Плауен. На этот марш у нас ушло более 10-ти суток. В пути натирали ноги, а я и плечи. Да ещё командование устраивало нам внезапные занятия, имитируя нападение на колонну противником. Ночью поступала команда: «Противник справа, полк к бою!». Принимали боевое положение. Особенно внимание уделялось пулемётчикам. Через 2—3 минуты командир расчёта докладывает: «Расчёт к бою готов!». После подводились итоги.

Душа радовалась весне. Вдоль дорог цвели фруктовые деревья. Но население на нас смотрело, не как на освободителей, а враждебно.

Города, через которые мы проходили, были полностью разбиты англо-американскими самолетами. Особенно город Дрезден, Гера, Хемниц, Цвикау и др., где не было ни одного целого дома и моста. Мы проходили по наплавному мосту через Эльбу, наведёного нашими сапёрами.

Через 10 суток похода мы пришли в Тюрингию, г. Плауэн, где разместили нас в казармы, разбитые англо-американской авиацией. После расквартирования полка по казармам был установлен общий распорядок дня: подъём — в 6 часов, завтрак в 8—9 часов, обед — в 13—14час., ужин — в 18—19 час, отбой — в 23 часа. Политинформация и послеобеденный отдых в полку был в одно время. Остальное время командир роты распределял и согласовывал с начальником штаба полка по своему усмотрению.

Первый месяц, кроме караульной службы, учения

не проводились, а занимались ремонтом казарм, восстанавливали стены, крыши, благо пожилые солдаты умели это делать, а молодые — на подхвате.

После окончания этих работ, примерно через месяц, начались регулярные занятия, в которые входили: политзанятия, строевая подготовка, физическая подготовка, тактические учения, и личное время перед отбоем.

Особенно много времени было уделено освещению подготовки к Потсдамской конференции 3-х ведущих государств, положившим конец фашизму в Европе.

И.В.Сталин и В. М. Молотов, и сопровождающие их лица прибыли 16 июля. В этот же день прибыли Уинстон Черчиль — премьер — министр Великобритании и Г. Трумен — новый президент США.

Потсдамская конференция открылась 17 июля 1945 года во второй половине дня и работала более двух недель, закончилась 2 августа.

На политинформации нам освещались все вопросы, решаемые на конференции:

1. Был избран Контрольный Совет для проверки исполнения решений Конференции.

2. Разделение Германии на 4-е зоны и определение их границ.

3. Образование военной администрации для руководства в своей зоне.

4. Полная капитуляция всех видов вооружённых сил Германии (осталось после капитуляции более 1 миллиона человек).

5. Прекратить немедленно работу правительства Деница и взять всех под арест.

6. Определить ущерб нанесённый Германией Советскому Союзу и другим государствам и решить с компенсацией и репатриацией заводов.

7. Восстановить границы Польши до предвоенного времени с Германией.

8. Раздел флота военного и гражданского.

9. Решение продовольственной программы Берлина и всей Германии.

10. Передача Советскому Союзу города Кенигсберга и прилегающих к нему районов.

11. Демонтаж военных заводов и ряд других административно-хозяйственных вопросов.

В эти дни по всей армии была усилена караульная служба в частях и повышена бдительность, т.к. не все войска сдались

в плен в зонах союзников.

Летели дни, шли месяцы. Летом 1945 года Советское правительство издало Указ о «Демобилизации военнослужащих из рядов Красной Армии 30-ти летнего возраста. У бедных старичков не было предела радости, да и мы молодые, радовались за них.

Демобилизовали также преподавателей разных учебных заведений, врачей и бывших студентов, как рядового, так и младшего офицерского состава.

Демобилизация проходила организованно. На сборные пункты отправлялись отдельными группами. Например: Москва и Московская область в один эшелон по разным вагонам, чтобы не было на месте неразберихи. Так отправлялись эшелоны в другие республики и в области.

В семьи и в народное хозяйство ехала мужская сила. Мы за них были рады. **Так и закончился ПОБЕДОНОСНЫЙ 1945 год.**

Служба в армии

Курсы сержантов

После демобилизации старшего возраста из Советской армии, армейские ряды очень поредели, но жизнь и служба продолжалась.

Командир роты, капитан Левченко перед строем сказал, что на наши плечи ложится двойная, но временная обязанность, т.к. из Союза прибудет новое поколение из молодежи (но ждать пришлось пять лет).

Я уже к этому времени был мл. сержантом-командиром пулемётного расчёта, комсомольцем. Воинская служба мне давалась легко, хотя и шли серые будничные дни, то есть каждый день одно и тоже. Но жизнь моя вскоре изменилась.

В штаб полка пришла директива, чтобы лиц рядового и сержантского состава, имевших образование 7 классов и выше направить на курсы младших командиров в г. Ютенборг под Берлином.

Из нашей роты попало только три человека: Семён Нечаев, Иван Соколов и я, но из полка набралось 12 человек. Приехали в штаб нашей 8-й Гвардейской армии в г. Веймар, где нас пересадили в автомашины «Студебекеры» и к вечеру прибыли в большой военный городок, где располагался учебный центр 1-го Белорусского фронта.

Казармы отремонтированы, покрашены, учебные классы оборудованы всем необходимым учебным инвентарём. Спортивный зал большой и вместительный, спортивные снаряды расставлены по местам так, чтобы к ним был свободный подход. В конце зала место для прыжков в длину и в высоту, а за ними волейбольная площадка.

Плац был очищен от снега и курсантов построили колоннами и выступавший с речью начальник курсов, подполковник, что-то говорил в репродуктор, но его не было слышно из-за порывистого ветра и пролетавшего снега. Учебный городок состоял из 4-х корпусов:

— первый административно-хозяйственный и столовая;

— второй учебно-спортивный для занятий;

— третий и четвертый — казармы для курсантов.

Распорядок дня отличался от армейского только тем, что мы не несли караульную службу. Увеличены часы на политподготовку, теорию и физическую подготовку. Подъём по распорядку дня был в 6 часов, а отбой в 23 часа.

Преподавателями были офицерский состав: командиры взводов — лейтенанты после училища и командиры рот капитаны

фронтовики. На политзанятиях лекции читали старшие офицеры — политработники.

Курсанты — все молодые ребята 1925—26 и 27 года рождения, рядовые, ефрейторы и мл. сержанты, все фронтовики имевшие награждения и практические навыки ведения боя. Занятия для нас были легкие, кроме физподготовки и строевой подготовки. И если у нас что-то не получалось, то лейтенанты кричали: «Эй фронтовики, делайте, как я!». Нам показывали и мы старались, но всё равно сразу не получалось.

Однажды были занятия на перекладине (турнике), я кое-как один раз подтянулся, а больше никак, и слышу голос взводного: «Глушко! Ты что болтаешся, как мешок с …опилками!». Спрыгивай и смотри. Мы всем взводом смотрели, как он 10 раз подтянулся. А чтобы мы это запомнили, то вместо тихого часа, мы «отдыхали» на перекладине. Так же было и на брусьях, на лестнице и на коне.

Редко были тактические занятия, я был командиром отделения и выполнял обязанности Устава воинской службы, как подобает.

Пулемет «Максим» изучил наизусть, разбирал и собирал его с закрытыми глазами, особенно сложным был его замок, который состоял из 32 частей.

Зиму мы провели в основном в стенах казармы и спортивного зала. Зато на перекладине я подтягивался 20 раз свободно и делал уже «солнце» на турнике, и на всех остальных снарядах сдал экзамены на 4 и 5.

Летом, в мае месяце делали «марафон» с полной боевой выкладкой и боевыми стрельбами и мое отделение выполнило задание на «хорошо». При подведение итогов начальник курсов объявил нам благодарность с занесением в личную карточку.

Курсы закончились в июне 1946 года. Я вернулся в часть в звание сержанта, И. Соколов тоже сержантом, а С. Нечаев мл. сержантом.

За период пребывания в учебной части произошёл ещё один поток демобилизации 8-ми летнего призыва и ряды в частях уменьшились, так, что командование армией решило сделать воссоединение частей из 2—3-х полков в один и полки были переименованы в воинские части N/N — такой то.

В те послевоенные годы в Германии погранвойск ещё не было и для охраны границы с Чехословакией, а также с американо — английской зоной были выставлены регулярные воинские части дислоцированные в городах: Хемницы, Цвикау, Гера и других, из которых выезжали на заставу нести пограничную службу на постах и патрулирование между постами. Там нам

приходилось общаться с местным населением. Особенно в сельской местности со старостой села и с общиной, которые проклинали Гитлера и его фашистских помошников, что они войны не хотели, а Гитлер начал и забрал мужей и сыновей и они не вернулись с фронта, а семьи остались без кормильцев. И из врагов они превратились в друзей. Староста организовал нам помощь в питании, конечно с разрешения вышестоящего руководства, молоком и овощами, а фрукты росли везде вдоль дорог. Службу несли в горах Альпах, где было очень красиво, но и опасно.

Встречи были с чехословацкими пограничниками, которые проходили в дружественной обстановке. И мы понимали друг друга без переводчиков.

Встречи были и с американскими патрульными разъездами, т.к. у них постов не было, а воинская часть стояла в городишке Зуль в 10—12 км от нас, и они контролировали границу патрулированием на автомашине «Додж». Встречи с ними были не очень приятными, т.к. они приезжали всегда выпившими и привозили с собой «шнапс» «виски», приходили на мост через речушку, которая делила село пополам, и звали к себе на середину моста часового. Часовой сразу звонил на заставу и дежурный по заставе выезжал, чтобы уладить провокацию.

И всё-таки инцидент произошёл на соседней заставе. Там нарушитель границы, не далеко от моста, перебрёл вброд речушку, шириной 6—8 м, его заметили постовые. Через мост побежал на ту сторону сержант и задержал его. А в это время подъехал американский патруль. Они хотели высвободить задержанного, но сержант его не отдавал и вёл через мост. Американцы застрелили сопровождающего, но скрыться не смогли, т.к. часовой прострелил колёса на автомашине и ранил в ногу нарушителя, который не смог скрыться.

Сразу понаехало много вышестоящего начальства для разборки. Нарушителя забрали на нашу сторону, он оказался американским шпионом, уже не раз переходившим границу под прикрытием тумана.

Сержанта я знал по учебе, он был хороший и смелый парень, его отправили на родину в цинкованном гробу.

После этого **было** принято решение, границу делить не по речушкам, протекающим по селам, а по количеству домов. На которой стороне больше домов, той стороне отходит полностью село. И это было лучше для населения, т.к. по всему селу проживали родственники и им надо общаться между собой, а для нас удобней охранять границу. Нарушителей было много, как с одной, так и с другой стороны. Задерженных мы отправляли

в штаб полка.

Новые профессии

После очередной демобилизации осенью 1947 года (последним был 1924 год рождения), наш полк «влили» в танковый механизированный полк. Наш взвод полностью попал в разведроту, состоявщую из бронемашин нашего производства и бронетранспортёров американского производства.

Требовались новые военные профессии механиков-водителей, курсы которых немедленно были открыты на базе подготовки шоферов в г. Галле. Курсы были 3-х месячные, которые окончил и я, и получив права шофёра 3-го класса.

Наш полк располагался в пригороде г. Галле, в районе посёлка Аммендорф, один из промышленных центров Восточной Германии, заселённый немецким пролетариатом.

Немцы здесь были доброжелательны к нам, так как они были в большинстве антифашистами и коммунистами, преследуемые фашистами наравне с евреями. А после окончания войны они активно участвовали в демократическом преобразовании Германии в Советской зоне. На заводе выпускали ж/дорожные пассажирские вагоны для поезда «Голубой экспресс».

Будучи командиром бронетранспортёра, я с головой ушёл в его изучение. Это была боевая бронированная самоходная автомашина БТР-120х2 весом 5 т (без экипажа и снаряжения), на 4-х резиновых вездеходных колесах высокой проходимости, с бензиновым двигателем 120 л/с, 2-мя ведущими мостами. Вооружение — 2 пулемёта, один калибра 7,62 мм. и крупнокалиберный 12,6 мм. для уничтожения огневых точек.

Впереди круглый крутящийся буфер для преодоления траншей. Команда 9 человек с командиром и водителем. Скаты заполнены сырой резиной и пробоин не боятся. Максимальная скорость 100 км/час с хорошей манёвренностью. Зимой в транспортном положении, кузов отапливается от двигателя.

Команда БТР-120х2

1. Командир БТР-сержант Глушко Юрий.
2. Водитель-стрелок-мл. сержант Фомин Георгий.

Два боевых расчёта:

Первый расчёт крупнокалиберного пулемёта 12,6мм.

Командир расчёта — мл. сержант Кочнев Степан.

Наводчик первый номер — мл. сержант Локтионов Григорий.

Пом. наводчика — ефрейтор Гунько Михаил.

Подносчик патронов-стрелок Воробьев Александр.

Второй расчёт пулемёта 7,62мм.

Командир расчёта-мл. сержант Бородинов Михаил.

Наводчик-ефрейтор Куштюк Михаил.

Пом. наводчика — стрелок Козинец Василий.

Все члены экипажа должны быть взаимозаменяемыми.

Во время учений, посредниками были даны команды, что кто-то из членов расчёта убит или ранен. Я сразу давал команду на замену другим членом расчёта. Самому пришлось заменять наводчика-пулеметчика крупнокалиберного пулемёта. После учений наградили знаком «Отличный пулемётчик» меня, командиров расчётов и наводчиков. Ефрейторам присвоили звания мл. сержантов, а рядовым ефрейторов.

На тактических учениях полка с боевой стрельбой, наш расчёт занял первое место, и при подведении итогов учений посредниками и командованием части нам было присвоено звание: 1-й комсомольско-молодежный боевой расчёт полка, с вручением вымпела и объявлением благодарности командиром полка лично каждому члену экипажа, с занесением в личную карточку.

В мае 1948 года на отчётно-выборном комсомольском собрание комсомольцы избрали меня не освобожденным секретарём комсомольской организации, но я был против, за что я на заседание бюро полка, получил «втык». Не помогла ссылка на занятость и на неопытность.

Один из членов бюро к своему выступлению добавил: «Вот, что Глушко — не знаешь — научим, не хочешь — заставим!». И сказал, у меня есть предложение: «Кандидатуру Глушко Юрия Васильевича — утвердить!». И утвердили единогласно. В роте более 100 человек, из них всего 36 членов ВЛКСМ.

Кроме своих прямых служебных обязанностей, надо было изучить комсомольский устав и учить других, заниматься ростом комсомола в роте. Изучать историю комсомола с нуля. Личного времени у меня уже не было, но меня освободили от физкультуры и изучения материальной части вооружения, т.к. я это уже знал, а по физкультуре имел второй разряд в пятиборье, но футбол я не бросал.

Как-то в штабе нашей дивизии в г. Галле после семинара мы прогуливались по аллее Славы и вдруг я услышал голос: «Сержант Глушко, подойдите ко мне!». Все мы остановились. Я оглянулся. В стороне стоял капитан. Думаю, где же я его видел, но когда подходил ближе, то вспомнил. Я подошёл строевым шагом и отрапортовал по форме. Он сказал: «Вольно!». Подошёл ко мне и подал руку, долго держал и смотрел мне в глаза. А я в свою очередь думаю, ну что-то «накопал» на меня капитан, а он говорит: «Ну молодец Глушко, мы в тебе не ошиблись, гвардеец. Давай сядем». Я говорю: «Как прикажете, тов. капитан. «Ладно,

не формальничай» — сказал капитан. Мы сели. Он меня больше спрашивал чем говорил, но подчеркнул, что ты прошёл такую мясорубку и живой остался. Опять Бог тебя спасал? Говорю: «Так точно, Бог, тов. капитан». Он говорит: «Ну как ты можешь открыто об этом говорить, ты комсомолец и ещё комсомольский секретарь-вожак и веришь в Бога, которого нет и его никто не видел».

Я извинился перед ним и сказал: «Тов. Капитан, Бога не надо видеть. Его надо чувствовать не в зависимости от партийности, а по-человечности. Я не пропагандирую религию в своём коллективе, а говорю только Вам потому, что Вы спрашиваете. Вот тов. Сталин, он первый руководитель в нашей стране и первый большевик. Он поверил в Бога, разрешил открыть церкви и молиться разрешил людям Богу, чтобы Красная Армия разбила немцев, так как почти в каждой семье или у родственников кто-то воевал. Да Вы и сами, наверное, верите в Бога, только боитесь признаться в этом».

Он говорит: «Ладно, ладно, закроем эту тему, а то с тобой поговоришь и верующим станешь». Мы оба рассмеялись. Он встал, и я вскочил по команде смирно, а он говорит: «Я рад, что ты живой остался, доложу о нашей встрече подполковнику». Я добавил, и привет от меня передавайте. Он сказал: «Обязательно». Пожал мне руку, и я откозырял ему.

Я ещё какое — то время стоял и у меня пробежал мороз по телу, когда вспомнил нашу первую встречу с ним под Познанью, в подвале.

Подошли ребята и мы пошли к машинам и поехали по полкам.

На второй день я провёл политинформацию о Потсдамской конференции, о том, что союзники не выполняют её решений. Если мы в своей зоне взорвали все военные заводы и фабрики, то они сделали наоборот, сохранили всю индустрию военной промышленности, и их позиция стала противоречивой Советскому Союзу.

Обстановка между союзниками ухудшалась тем, что они начали политику о воссоединении трех зон в одну с названием ФРГ — Федеративная Республика Германии, с восстановлением в ней капитализма, тогда как Советский Союз хотел сделать на руинах Рейха единую демократическую Германию.

В будние дни я проводил время в подразделение, среди боевых расчётов роты. Особое внимание уделял команде своего БТР и отстающим командам.

Во время тактических учений вместе с парторганизацией роты (секретарь старшина Гудз Федор), выпускали боевые листки,

где отражали ход событий во время учений. Особое внимание уделяли росту численности комсомольской организации, в чём заинтересовано было и командование роты, и парторг.

Тактические учения нашей 8-й Гв. армии проходили в Ордруфе, на бывшем полигоне немецкой армии, с укрепленными оборонительными линиями ДОТАМИ и ДЗОТАМИ, полосами препятствий, где мы в 1948 году заняли первое место в полку. Далее год проходил в серых буднях.

Теоретические, практические занятия и несение караульной службы, политучеба, а тактические учения с боевой стрельбой нам вносили разнообразие, и мы с радостью, по боевой тревоге, на них выезжали.

В 1948 году, летом, мы готовились к будущим учениям в масштабе фронта.

Конец 1948 года и встреча Нового 1949 года проходила в клубе полка с торжественным собранием и отчётным докладом начальника штаба полка по итогам года.

После концерта художественной самодеятельности был праздничный ужин в столовой.

Помню, зима была холодная и на постах, на открытом воздухе, часовым выдавались валенки, тулупы и шерстяные двухпальцевые рукавицы. Наш расчёт, в том числе и я, нёс караульную службу на посту №1. Охраняя знамя полка. Стояли по команде смирно по одному часу, но он казался годом.

Я решил, чтобы время проходило быстрее, вернуться к воспоминаниям о прошедшем прожитом времени, что было хорошего и что плохого.

Говоря о хорошем, хорошо и вспоминать, а о плохом — то надо вести себя так, чтобы оно больше не повторялось. И был один случай, я его вспомнил, что мог бы погибнуть не на фронте, а глубоко в тылу, работая в комендатуре в г. Познань. В один из вечеров группа гражданских лиц подошла к комендатуре и просились войти в комендатуру лично к коменданту с какими-то важными новостями, но часовой их не впустил. Выстрелом из пистолета часовой был убит и они ворвались в здание, где размещалась охрана. Тревога! Начался бой, в котором мы всю группу перестреляли из автоматов, но четыре человека из 12 были ранены и допрошены.

С нашей стороны из 9 человек один был убит и 5 ранено, в том числе и я легко ранен был, осколком гранаты, в ногу ниже колена, но я в суматохе не почувствовал боли, а почувствовал кровь в сапоге уже потом.

Санитары прибыли, раненых нас перевязали, а двоих отправили в санчасть.

На построение комендант объявил всем благодарность, а раненых, наградил ручными часами.

При допросе немцев узнали, что они сбежали из крепости «цитадель» во время боя и скрывались у местных немцев, а старшие офицеры послали их, чтобы заполучить ключи от «цитадели», которые хранились в сейфе у коменданта. Вот так смерть обошла меня. Ночной час на посту пролетел незаметно.

Зима 1948—1949 годов, как и положено, была холодная, чтобы сберечь здоровье солдатам, занятия проводили в казармах и в спортзале, а вечером кино и кружки художественной самодеятельности. А у меня заседание бюро, комсомольские собрания и приём в члены ВЛКСМ, и подготовка к отчетно-выборному собранию, которое прошло в мае месяце с хорошей критикой в мой адрес. Я мысленно радовался, что свалю с плеч эту, не нужную мне нагрузку, т.к. я не собирался в гражданке быть политработником, но к моей неудаче меня переизбрали на второй срок, с указанием некоторых недостатков, но в целом работу комсомольского бюро признали удовлетворительной.

Наступило лето. Выезд полка в летние лагеря, это было всегда торжественно. Сама погода и природа благоприятствуют приподнятому настроению и солдат радуется этому времени, хотя и ждут его там нелегкие испытания.

Боевые учения

На этот раз выезд у нас был не в Ордруф, а в Эйзенах. Это большой полигон с долговременными укрепленными сооружениями и линиями обороны с пересеченной местностью и близ стоящими населёнными пунктами, расположенными в зоне учений, но без расположения в них воинских частей.

В начале июня 1949 года ночью внезапно взревела сирена, ракеты осветили небо красным заревом, над воинской частью пролетели истребители и обстреляли нас холостыми патронами.

Прозвучала команда: Тревога! В ружье! Полная эвакуация. По машинам! Взревели моторы, и мы в считанные минуты покинули расположение части.

В походной колонне нас не раз «обстреливали» ястребки и мы принимали оборонительные позиции.

К вечеру, прибыв на место, занялись строительством палаточного городка и ночь спали уже в палатках. БТР-ы стояли на стоянках рядом с палатками. Рядом с нами расположились зенитчики, а дальше танковые батальоны. Соседство с танкистами было не особенно приятным, так как при начале учений дым застилал весь городок. С левой стороны были хорошие соседи, хозяйственная часть дивизии со своими подразделениями, в том числе и пекарней, где занимались выпечкой хлеба, особенно ночью.

Мы наслаждались ароматным воздухом свежевыпеченного хлеба и на завтрак получали теплый вкусный хлеб, которого было всегда солдату мало, но голод заполняли перловой кашей из полевой кухни.

На политинформации нас ознакомили с ходом предстоящих «сражений», о расположение полков нашего корпуса и полков «врага» соседнего корпуса, который располагался в 30 км от нас.

На этом полигоне, между нами будут проходить сражения, приравненные к боевым действия военного времени.

И опять ночью взвыли сирены, и красные ракеты торопили нас. Но так как в июне самые короткие ночи, то было светло, и мы быстро выехали на боевые позиции.

Ко мне в БТР посадили трёх майоров-посредников из штаба армии и одного радиста с рациями. Конец июня выдался дождливым, но грязи не было, так как мы находились на холмах в подножье Альп. Местность была скалистая и БТР проходил без пробуксовки и танки тоже не тонули на полях, но мы промокшие, уже вторую неделю сначала июня вели учения с боевыми стрельбами на поражение мишеней не только впереди,

но и по бокам.

Мне, как командиру БТР, приходилось заменять не только командиров расчётов и наводчиков-пулемётчиков на обоих пулеметах, но и механика водителя.

Посредники всё фиксировали в журнале и кому-то докладывали по рации.

Однажды находясь за рулем БТР, перед нами оказалась траншея для пехоты. Все стали, объезжать некуда. Как быть? И я сам принял решение, переехать через неё. Для этого предназначен «буфер», который сделан из толстостенной трубы с пружинами-амортизаторами. Я перекрестился и сказал: «Ну, Господи, помоги!». Все замерли. Я крикнул, застопорите пулеметы и держитесь, а сам начал спускать машину в траншею и боялся, чтобы она не «клюнула носом», а упёрлась буфером в противоположную сторону траншеи. Так и получилось. Я стал увеличивать газ. Передние колеса повисли и крутятся в холостую.

Буфер со скрипом стал вращаться и БТР начал передом подниматься и только передние колеса коснулись земли, я дал полный газ и БТР перелетел через траншею. Есть! Вперёд!

Так сделали и остальные расчеты БТР. Перед нами сразу выросло поле мишеней и из амбразур дотов, заработали пулемёты. Я крикнул: «Пулеметы к бою, огонь по „врагу“ и по пулемётным точкам!». Застрочили пулемёты. Мишени начали падать. Мы прорвали оборону противника. Ворвались в тыл, за нами мчались другие БТР нашего взвода и вели бой в тылу условного врага. Мы сделали разведку боем. Посеяли панику в тылу противника.

Посредники, что-то по рации куда-то кричали и писали в своих журналах. Дали нам отбой и мы остановились, а наша пехота заняла их рубежи обороны, при поддержке танков, которые тоже ворвались в тыл противнику вслед за нами и тоже остановились около нас, т.к. противник оказался побеждён. Сдался.

Мы ещё больше месяца оставались в лагерях, но это были простые учения.

Малый отпук

При подведении итогов учений в дивизии, нашему полку присвоено первое место, а по подразделениям разведроте, где наш взвод занял первое место и нас наградили знаками «отличный разведчик». Я получил краткосрочный отпуск на 10 дней, а всем членам БТР повысили звание. Я стал старшим сержантом.

Когда вернулись на зимние квартиры, я воспользовался своим поощрением от командира дивизии и в октябре поехал в отпуск на Родину, где не был более семи лет. Но так, как у меня не было своего ни кола ни двора, то я предварительно списался с Николаем, братом по отцу, и поехал к ним в Калюженцы.

Приняли меня очень хорошо, как родного, но на второй день я сразу пошёл в Сокырынци. На месте дома бабы Сорловьихи стояла глиняная печь и труба. Пошёл до тёти Ульяны, соседки, которая меня провожала с бабой Евдохой. Её радости не было предела. Угостила, поговорили и отвела меня к бабе Соловьихи, которая жила у невестки в Лабзыной хате.

У бабушки три сына не вернулись с войны, она уже постарела и плохо видела и слышала, но меня узнала и заплакала. Обняла меня и долго не отпускала и выплакивала на мне слезы своей горькой судьбы и говорит, что дошли до Бога мои молитвы о тебе, и я знала, что ты вернёшься, когда мы с Ульяной тебя провожали.

Я привёз и подарил ей красивый чёрный платок. Она взяла его объщупала и прижала к груди. И говорит, что в таком платке только в церковь ходить, да церкви все три, варвары разрушили и Лабза принимал участие.

Я вспомнил и говорю, как так получилось, что Вы меня из этой хаты забрали, когда после смерти мамы я здесь жил, а дядька Лобза меня бил и под печь в дыру загонял, когда приходил пьяный и бил жену, а я за неё заступался.

При переходе фронта, погорело много домов. И моя — Соловьихи — тоже, и теперь здесь доживаю жизнь. О многом вспоминали, помянули мою маму, и мы распрощались. Я ушёл до Алексея Фесенко и бабушку больше не видел. Вечная ей память.

Пока шёл по дороге много встречалось знакомых, которые удивлялись, что я живой остался.

У Фесенковых меня встретили, как своего сына, а мы с Алексеем расцеловались побратски. Молва, что приехал Юрко разлетелась по Сокырынцях и утром уже пришли Алёша Колисниченко, Павло Мыхаилюкив, Иван Обеив, Федор Сологуб,

а Мыкола Лукич Лисовый приехал на жеребце, а других уже не помню и каждый с бутылкой.

Встреча была горячей, многоголосной и с песнями. Я к выпивке не был приучен и принял минимальную дозу, так как хотел пойти на могилку к маме. По пути зашли в сельмаг, где хотел купить конфет угостить детей, но подошли знакомые, стоим разговариваем, смеёмся, слышу женщины шушукаются в стороне, а одна подошла спрашивает, тех что стояли: «Чей це такый гарный солдат?».

Ей отвечают: «Да це ж Юрко, Ганны Климовычы-модистки».

Она говорит громко: «Да це таке, настоящи хлопци погибли, а цей байструк вернулся, да кому вин тут нужен». На неё женщины зацыкали. Я только услыхал это, то сразу выскочил из магазина и побежал на кладбище.

Нашёл мамину, заросшую травой могилку, упал на неё и зарыдал «коровьими» слезами. Сколько плакал и рыдал не знаю, но ребята подошли, подняли меня, успокоили. Говорят, что бабу ту чуть женщины не избили, да мужики вмешались и выгнали её из магазина.

Мы вернулись к Алексею и продолжили воспоминания, кто где служил и воевал, но брать Берлин повезло только мне и каждый щупал мою медаль и любовался ею. Настроение у меня уже приподнялось, я быстро опьянел и пошёл спать.

Утром проснулся рано, голова болит Алексей ещё спал, но отец и мать уже были на ногах. Отец предложил мне опохмелиться, но я не стал, т.к. не знал, что это такое, похмелье, да и первый раз у меня это случилось. Оказывается то похмелье, та же пьянка, только, с утра начинаеться, взял косу и пошёл на кладбище. Обкосил траву вокруг могилки, обкопал и поднял холмик и выложил могилку терном и она стала зеленой, красивой.

Когда работал, то вспоминал нашу с мамой мученическую жизнь и думал за вчерашний прошедший день, как внезапно один человек, может высказать мнение всего общества.

Действительно кому я здесь нужен? Никому. Сказал я об этом за обедом у Алексея. Все со мной были не согласны, так как в селе требовалась мужская сила, много работы было для их рук. Мать Алексея говорит, приезжай и живи у нас. Невесту тебе подберём с домом. Вон их сколько вокруг нас. Хоть сейчас женись, сыграем свадьбу и будет кому тебя ждать и куда тебе ехать. А и правда, Юрко, говорит отец Алексея, и начали пересчитывать невест, которых я хорошо знал ещё с детства и они меня. Пошутили, посмеялись. Я распрощался. Алексей проводил меня через панский парк мимо Галаганского дома, где постояли,

повспоминали, он вывел меня из леса, мы обнялись. Он говорит: «Юра ты подумай, старики мои дело говорят. Справку через военкомат достанем ещё на 10 дней, а весной будет дембель и будет куда тебе ехать». Говорю, предложение дельное, но в примаки я не хочу идти, да и о женитьбе не думал ещё.

Распрощались, я ушёл и дошёл до Бабаковой горы, оглянулся, он ещё махал мне рукой, я помахал ему тоже и пошёл вниз.

Пожил в Калюженцах 4—5 дней. Посетил родственников Савченковых, Лысьцив. Брата Сергея не было уже. Его перевели в Одесскую область, в Белгород-Днестровский р-н, Павлик ещё служил в Красной армии. Катя вышла замуж за Ковтуна Васыля в Сокырынци и уехали на Донбас, а Галя с мамой, тётей Марусей были дома. Встретили меня хорошо. За обедом было о чём вспоминать.

Посетил и Бабакив-Маснухив, Губских — тетка по отцу, сын Василий, мой годок, был в Красной армии и сестра Мария — красавица, дома. Тетю Сашу Кухтынковых, сын Василий на год старше меня, тоже служил на Северном флоте, а Петро — студент. Потом уехал в Прилуки и три дня пожил у сестры Дуси и Михаила. Там я познакомился с красавицей — студенткой Таней (два фото и сейчас у меня хранятся, как память), так как она была очень похожа на Марысю, только темнорусая. У них свой дом рядом с Дусей и я понравился родителям.

Дальнейшая служба

В часть свою, в г. Галле (3), я прибыл вовремя, где за моё отсутствие ничего не изменилось, а я как-будто никуда и не уезжал. Уехал и вернулся на поезде «Голубой экспресс».

В личное время все собрались в Красном уголке и посыпались вопросы: что?, где?, да как? идет гражданская жизнь и как отпуск прошёл? Не всех удовлетворил мой ответ. Главное, что я привёз гостинец 5 кг украинского сала и колбасы, две круглые буханки домашнего хлеба и 2—3 кг чеснока. Угощались все от рядового до старого капитана-командира роты Левченко. Вся казарма пропахла салом и чесноком.

Наступали праздники Великой Окбябрьской революции, зима и подготовка к Новому 1950 году. Пошли серые будничные дни, но у меня добавилась нагрузка по подготовке солдат в комсомол, особенно упирались молдоване, а их было 16 человек в роте.

На общем итоговом собрании роты, командир роты отметил хорошее достижение всего коллектива роты в боевой и политической подготовке за год, особенно отличились на тактических учениях в Эйзенахе.

Отгремели торжественные прощания с 1949 годом и радостные веселые встречи 1950 года, как во дворе расположения части с ракетами, так и в стенах клуба с песнями и танцами ансамбля художественной самодеятельности сборных полков дивизии.

Так, как войска в Германии находились на военном положении, то в частях была повышенная и строгая дисциплина, но солдаты и сержанты умудрялись вырваться в самоволку, в личное от занятий время, и попадались патрулям, и кроме дисциплинарного взыскания, с комсомольцами приходилось разбираться мне.

В свободное время вечером, особенно зимой, желающие ходили в клуб, где демонстрировали фильмы: Чапаев; Щорс; Небесный тихоход; Шахтёры; В 6 часов вечера после войны; Жди меня; Кубанские казаки; Свинарка и пастух; Журавли; Весёлые ребята; Цирк; Светлый путь; Волга-Волга; Три танкиста; Молодая гвардия; Председатель; Трактористы и многие другие с знаменитыми нашими артистами Крючковым, Бернесом, Алейниковым, Утесовым, Приваловым, Абрикосовым, Ульяновым, Тихоновым, Ивановым и другими.

В фильмах снимались наши известные артистки: Орлова, Смирнова, Серова, Латынина, Быстрицкая, Мордюкова — моя первая жена была на нее похожа.

Уже под конец года разнообразие внесли трофейные фильмы. Помню фильм Тарзан в 4-х сериях и другие. В выходные дни фильмы демонстрировались по несколько раз, так как клуб не вмещал всех желающих.

21 января 1950 года, находясь в караульной службе, я был разводящим. Вечером, при смене постов вдруг подул сильный ветер и нашли чёрные тучи, грянул, несколько раз, сильный гром, но молний не было видно, так как повалил сильный лапчатый снег. Это буйство погоды длилось 15—20 мин.

Радость солдату

В марте вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации с 1 апреля 1950 года из рядов Вооружённых сил военнослужащих 1925—26 и 27 года рождения, начиная с призыва 1943—1945 годов рядового и сержантского состава всех видов ВС. Это была самая большая радость для всех военнослужащих этого призыва.

Подходил май месяц, и во всех частях велась подготовка к празднованию 1-го мая и пятой годовщины Победы над фашистской Германией.

В подразделениях и частях была усилена караульная и внутренняя служба. Праздники прошли успешно, с парадом на плацу. С согласия командира полка, в течение 15 — 25 мая были проведены в подразделениях отчётно-выборные комсомольские собрания. В это же время было проведено отчётно-выборное комсомольское собрание и в нашей разведроте, где я сделал отчёт, в котором основное внимание уделил росту комсомольской организации, который почти удвоился. Работа комсомольского бюро была признана удовлетворительной. Секретарём комсомольской организации роты, был избран лейтенант Ганин В. И.

После освобождения от общественной нагрузки, приказом по роте, я был назначен помощником командира взвода. Моей обязанностью было правильное содержание, эксплуатация и технический уход за бронетранспортёрами взвода, а также строевая и физическая подготовка личного состава взвода.

Находясь на общественной работе, у меня не было времени часто посещать спортивный зал. Это сказалось на моём физическом состояние здоровья. Мне пришлось усиленно заниматься в спортивном зале, чтобы восстановиться.

У меня появилась возможность чаще посещать библиотеку. С библиотекарем мы были хорошо знакомы, так как он был мой земляк из Себнянского района, Оробиевского С/С, из колхоза «Новая жизнь» Терещенко Алексей Михайлович, который подбирал мне хорошие книги.

Вербовка в Калининград

В библиотеке я познакомился с подполковником из штаба дивизии, который вёл беседу с воинами, подлежащими демобилизации, о вербовке их на жительство в Калининградскую область. Кто соглашался, тех сразу забирали и увозили на сборный пункт дивизии. А желающие были, так как к Указу о демобилизации пришло дополнение, «Воинов, находящихся на службе в Германии, задержать ещё на 6 месяцев».

У подполковника со мной была особая беседа. Он сказал мне, что по рекомендации майора госбезопасности, их фамилии не говорят, но я понял, что мой «крёстный» уже майор, который просил поговорить со мной по поводу переезда в Калининград и рассказал все положения, условия и просил дать согласие на переезд. Я ему сказал, что подумаю и к последующему его приезду отвечу. Он согласился.

Дней через 10—12 подполковник приехал к нам в полк и сразу стал вызывать сомневающихся, которых набралось всего 8 человек. Из них все, кроме меня, согласились ехать. «Напрасно ты, старший сержант, отказался от хорошего предложения, ехать тебе некуда, дома твоего нет и родственников нет, а там для нас уже построили дом и знакомый твой подполковник уже там. Я наберу команду и тоже поеду, так как я там буду работать замести-телем военкома. Я откозырял, вышел и больше мы с ним не встречались.

Набор в офицеры

В то время в армии, проводилось ещё одно важное мероприятие. В связи с нехваткой офицерского состава, сержантам и солдатам, подлежащим демобилизации, которые имели начальное образование не менее 7 классов, с обоюдного согласия с командованием, по соответствующему рапорту командира части, который утверждался на заседании Военного совета дивизии, присваивалось звание младшего лейтенанта, с последующей годичной учёбой на офицерских курсах. В нашей роте было сделано предложение нескольким сержантам, в том числе и мне. Я подумал, а почему бы мне не посвятить свою жизнь служению защите Родины, ещё посоветовался с ребятами, которые согласились на это и с Алексеем. Но он сказал, что смотри Юра, могут за отца придраться. Я сказал, что в автобиографии указываю, что отец был осужден в 1938 году, а за что, я не знал, да я с ним не жил и воспитывала меня мама. Да по конституции СССР отец за сына, а сын за отца не отвечают. «Да это только на бумаге» — говорит он.

На собеседование в штабе полка, из 7 человек нашей роты «отсеялся» только один. Но меня хорошо знали, как отличника боевой и политической подготовки и фотография моя не сходила с доски почёта полка, меня только похвалили за такое решение.

Из полка в дивизию ехал полный «Студебекер» желающих до конца жизни служить Родине на боевом посту. В дивизии зал заседания был полный. Совет заседал в отдельной комнате, и оттуда выходили не все с радостными лицами. Вызывали по фамилии. Дошла очередь и до меня.

Я зашёл, отрапортовал по форме. Стою, оглядел всех. В центре начальник политотдела дивизии, генерал — председатель. Из членов комиссии знал только командира полка, вербовщика в Калининград и особиста майора.

Зачитали моё личное дело. По характеристике, можно сказать, уже готовый офицер. Все молчали. И вдруг вопрос генерала: «А за что ваш отец был осужден?». Я отвечаю: «Не знаю, тов. генерал!». «Здесь в справке сказано: Глушко Василий Демьянович, осуждён в июне месяце 1938 года по статье 58 часть вторая п.10, на 10 лет. Ты знаешь, что это за статья?» — спрашивает он меня. Говорю: «Никак нет, тов. генерал!». Но наш командир полка сказал: «Он отличник боевой и политической подготовки, фронтовик и сын за отца не в ответе».

— Никаких но! Он ещё и в Германии был, и я не допущу, чтобы офицеры Красной армии были сыновьями врагов народа

и пособниками немцам.

Я посмотрел на особиста и вербовщика, те с довольной физиономией смотрели на меня. Я вышел из кабинета, хлопнул дверью так, что окна зазвинели и выскочил из зала, где все стояли, не поняв, в чём дело. Но команда была поймать меня. Я их всех раскидал и сам вернулся в зал заседания, и по команде смирно сказал: «Тов. генерал и все члены комиссии, простите меня, нервы сдали».

Все молчали. Генерал подумал и говорит: «Пойдёшь нервы лечить, сержант! Трое суток ему, строгого! Уведите сейчас в гарнизонную!». Я ответил: «Есть трое суток строгого, спасибо тов. генерал». Меня сразу под конвоем увели.

Здание, уже на подходе, страшит человека — Шевченковский каземат. Внутри сделано всё добротно, крепко и надёжно, стены бетонные, двери железные с дверцей — окошком. Внутри кровать откидная, примкнута к стене на замке, стол и табуретка прикриплены к полу, окно высоко за решеткой внутри и снаружи, пол цементный, в углу умывальник. Подошёл я к окну, снизу на половину закрашенному, а сверху немного просматривается голубое — голубое небо. Сразу припомнился Тарас Григорьевич Шевченко: «Дывлюсь я на небо, та й думку гадаю, чого я не сокол, чому не летаю? Булы б у мене крылья, Я б землю покинув и в небо взлетал…».

Много мыслей навернулось, но главная — события сегодняшнего дня. Неправильно я поступил. Не приняли, ну и ладно. Но за батю обидно стало. Тут, он мне сразу стал родным, раз в моей биографии сыграна его первая роль. Да и судила его «тройка» по лживому доносу «доброжелателей». Без следствия и народного суда, а раз в районе осудили, то далее уже никто не смотрит. Таких были тысячи.

Обидно стало за то, что Германией меня упрекнули. А в целом то — позор! Смогу ли я его перенести? Отсидел ночь. Утром пришёл «надзиратель» и спрашивает меня: «А за что тебя так? Это же карцер, сюда попасть большая „честь“. А кто тебя сюда определил?». Я сказал. Он говорит, что этот генерал строгий, но как человек очень добрый, особенно к солдатам и сержантам. Я с ним почти всю войну прошёл. Я возил его на автомашине. Я спрашиваю его: «А почему ты в гражданском?».

— Да я остался вольнонаёмным, а так по званию я старшина, но раненый в левое плечо и рука плохо работает, и кто я в гражданке — калека?

Принесли завтрак. Он ушёл, сказав: «Пока!».

Я кушать не хотел, а чай выпил. Только второй день, а какое это серьезное наказание. А как же осужденные годы так проводят?

Думал я. Но они преступники перед Родиной и народом и их справедливо осудил «самый справедливый суд в мире». Да, я тоже хорош, показал свои нервы. И генерал дал мне успокоительное средство — карцер. Так что сиди тов. Глушко и успокойся.

После ужина пришёл другой «надзиратель» и тоже в гражданской одежде, но этот только, откинув топчан, сказал: «Спокойной ночи». И ушёл. Спать не хотелось. Я в сотый раз, если не больше, опять подошёл к окну. Лето. Дни длинные, но наступали уже сумерки. Высоко на небе плыли серые облака, и мне вспомнилось из детства другое стихотворение, уже М. Лермонтова: «Сижу за решёткой в темнице сырой,

ко мне прилетает орёл молодой,
мой верный товарищ махает крылом,
кровавую пищу клюёт за окном.
Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
как будто со мною задумал одно».

Мог ли тогда подумать, что пройдёт 65 лет, и я буду вспоминать те далекие годы и в такое же летнее время, и в такие же сумерки сидеть на кухне и на подоконнике писать забытые слова, которые больше я нигде не читал и не встречал, но сейчас вспомнил.

Я лёг на навечно прибитый и жёсткий топчан — нары, на котором не одна сотня немцев, да и наших солдат обливались кровью после пыток, которая смывалась, не оставляя следов. Очередь дошла и до меня, но меня ещё не трогали до такой степени, но что принесёт мне завтрашний день? Но меня и самого мучил вопрос — почему я остался живой? Сама по себе возникает такая мысль и у других. Я воевал как умел, как и другие не щадя своей жизни. За спины других не прятался и дрался смело, и не раз смотрел смерти в глаза, но она отступала. В атаках я спотыкался, падал, а пули в это время свистели над моей головой. А может меня Ангел Божий ронял специально в нужное время. Я кричал Ура!, как и другие. Но я ещё говорил про себя: «Господи прости меня за убитого немца, но он фашист и убийца, и сохрани меня от пуль их».

Бабушка мне говорила, что Боженька всё слышит и поможет. И сейчас это видно, что я по сей день живой. И теперь я понимаю, что это та молитва, где сказано: «Молись Богу тайно, а Он выдаст тебе явно». Бабушка знала эту молитву и меня этому учила.

Я потом уснул в слезах и молитве. Меня разбудили звуки замка и засова, и скрежет дверей. Вошёл вчерашний «надзиратель», закрыл спасательные нары, не проронив ни слова, вышел. Я сделал усиленную физзарядку 16-ти комплексную, я её и сейчас, изредка, делаю. Через некоторое время принесли

завтрак, овсяную кашу и чай. В овсянке поковырялся, чай выпил. Ко мне никто не приходит, и никуда не вызывают. Прогулка, обед, опять прогулка, ужин. Отбой. Пришёл новый «надзиратель» поздоровался и спрашивает: «Что сержант скучаешь?». Говорю: «Да, но почему меня никуда не вызывают, и никто ко мне не приходит?». «Радуйся этому» — ответил он.

Говорит: «Здесь „отдыхающие“ вопросов не задают. Но я этого не знаю». Откинул нары и ушёл.

Наступила ночь, а это наказание выше среднего. Одиночество в четырех стенах 2х5 м. изматывает душу больше физических наказаний. Там тело переболело, а моральный дух только крепчал, а здесь давление на психику и если применить пытки, то человек скажет не только, что знал, но и не ведал. На третий день пришёл старшина, после завтрака. Поговорили о разном и он сказал, что кто не прошёл в офицеры направят в Калининград, в том числе и тебя. Попрощались. После обеда за мной пришли. Из части приехал замполит полка по служебным делам, а из роты командир взвода и старшина Матвеев за мной.

Моральное воспитание

Я сидел в камере и думал, как мне теперь быть самому. Мне стыдно будет смотреть в глаза своим сослуживцам, за свой гнусный и низкий поступок. Что я им скажу, если спросят, зачем я так сделал?

Но встретили меня мои командиры и друзья не осуждающе, а одобрительно. Я спросил, а как в роте отреагировали на мой, из рук вон выходящий поступок? Сказали, да каждый по-разному, но на бюро комсомола тебе придется покраснеть.

Первым провёл беседу со мной командир роты капитан Левченко. Прозвище мы ему дали «дарданеллы», потому что, когда он был злой, за что-нибудь, особенно на учениях, то в это слово у него уходило всё зло. И когда он со мной беседовал, т.е. читал мне мораль, то сказал: «Ну „дарданеллы“, ты Юра, здорово меня подвёл». Я понял, что ему за меня досталось и он это выразил одним словом.

На заседании комсомольского бюро и на комсомольском собрании меня «чихвостили» хорошо, но всегда говорили: «Он у нас отличник боевой и политической подготовки, но своим поступком очернил своё высокое звание комсомольца, но учитывая строгое административное взыскание, вынести ему выговор по комсомольской линии, без занесения в личную карточку» — предложил секретарь комсомола батальона. Потом выступил секретарь партбюро роты старшина Буров Михаил, который осудил мой поступок, но сказал, что мы с Глушко Юрием работали рука об руку, при подготовке к тактическим учениям роты и в других сложных вопросах, и поддержал комсорга батальона, на чём и порешили. Объявили мне выговор без занесения в учетную карточку. Перед моей демобилизацией, выговор был снят.

Но всё это, я перенёс с большим стрессом. Болела голова, пропал аппетит. На строевые занятия я не ходил, т.к. был помощником заместителя ком. роты по технической части и больше находился в автопарке, в гараже и в механических мастерских. Всё это отразилось на моём здоровье.

Болезнь и госпиталь

Дал о себе знать хронический гастрит. Меня положили в медсанбат на обследование и лечение. Среди посещающих сослуживцев, пришёл и Алексей библиотекарь, земляк. Принёс интересную книгу, как сейчас помню «Дети капитана Гранта». Обговорили события, произошедшие со мной.

Он говорит: «Я же тебе говорил, что куда тебе в офицеры с таким „тёмным багажом“ за спиной, а конституция — это закон не для криминалистов, а особисты, всегда вовремя, вставят шпильку, где им надо». Подбодрил меня и ушёл, а я с головой окунулся в чтение.

Шли дни, состояние не улучшалось. Ни диета, ни микстура, ни таблетки не помогали и на врачебном совете меня, и ещё несколько человек решили отправить в госпиталь в г. Гера в пределах 130—150 км. от г. Галле (3). Со мной, из нашей роты, попал Николай Герасимов. Нас везли в автомашине без тента. Помню день выдался солнечный, тёплый, начало осени. Вдоль дороги растут фруктовые деревья. Какая яблоня или груша понравятся, там и останавливались и прямо с автомашины рвали фрукты.

Город Гера раскинулся у подножья Альп, где в 1945—1946 гг. нам приходилось нести погранслужбу с Чехами. Бывший немецкий военный госпиталь расположен на окраине города. На посту у ворот нас остановили, проверили документы и количество больных, автоматически открылись ворота и мы подъехали к приёмному корпусу. Здесь нас распределили по разным корпусам. Больше всех было с болезнями ЖКТ и 7 человек положили в терапевтический корпус.

Я с Николаем попал в одну 4-х коечную палату. После разных обследований на рентгене обнаружили язву желудка. Опять режим, диета, микстура, таблетки. Завтрак, обед, тихий час, полдник, ужин. Свободное время. Лекции, кино. Кино — те же фильмы, что и в части, но там ходили солдаты поспать, а здесь этого не требовалось.

На вторую неделю, нас язвенников начали лечить сном. В обед начали нам давать, два раза в день, в мензурках по 30мг. — люминал. Я его никогда не забуду. Не успеешь дойти до койки, уже спишь, вечером добавят. Спишь и ночью и днём. И так 5 суток спим, не кушавши. В туалет водили санитары, потому что идёшь, как пьяный об стенку держишься, а если упадёшь, то там и спишь, особенно ночью, пока санитары не уведут в палату. Люминал — хорошее средство для

импотенции. После него долго на девушках красоты не замечаешь.

В госпитале работали прежние немецкие профессора, как советники и консультанты. После одного такого осмотра, ко мне в палату зашёл переводчик пожилого профессора и говорит, что есть хорошее народное средство. Спрашиваю: «Какое?». Говорит, если бы я попил натощак по 30 гр. спирта и заел сливочным маслом, лучше не солёным, до еды за 30—40 мин., то язва быстро бы зажила. Я вспомнил, что у нас в хозвзводе есть спирт. Связался со старшиной роты, а он уже два раза с ребятами приезжал меня проведывать, знал где я лежу и не замедлил приехать, и привез литров 10 спирта.

Воскресенье, врачей нет, один дежурный персонал. Мы вчетвером, старшина Матвеев Николай, сержант Кочнев Степан, приехавшие меня проведать на санитарной машине. Из палаты я и Николай Герасимов вышли на территорию госпиталя в парк. Отметили встречу, а за это время и медработники справились со своими делами и уехали. Мы с Николаем побродили по парку до ужина и, вне подозрения, пришли в палату. Спирт спрятал за тумбочку, канистра небольшая, пластмассовая. Соседи по палате, после приёма люминала, спали. Они из нашего полка танкисты.

Один литр спирта дал профессору, 0,5л. переводчику, 1л. лечащему врачу, но они меня предупредили, чтобы никто не знал, дал повару за масло, и лечение пошло преуспеваючи. Но случилось неожиданное, проснулись от спячки танкисты. Узнав, что у нас есть спирт, попросили налить. Я отказал им, не из-за жадности, а потому что после такого лекарства нельзя пить спиртное. Но они не послушались, начали отнимать у нас канистрочку. Но кто отдаст. Началась драка. Прибежали врачи, санитары. Нас успокоили уколами. Канистрочку нашу забрали. Там оставалось 3—4 литра спирта.

На второй день, на «ковёр» к начальнику госпиталя. Допрос, где и откуда взяли? Своих не выдаём. Сказал, что купили у немца. Госпиталь обнесён забором из арматуры и там, действительно, немцы подпольно приносят спирт-шнапс и больные ходячие покупают и пьют, за что их выписывают из госпиталя. После соответствующей морали и нас всех четверых выписали из госпиталя, не закончив лечение. Потом мы с ними сдружились и сейчас они есть у меня на фото. И Николай Герасимов тоже. Смотрю на них и вспоминаю то время, сентябрь 1950 г. Где они сейчас и живы ли?

Последние дни в разведроте

В части, служба уже на ум не шла, не только у меня, но и у всех подлежащих дембелю. С лета начали пополняться воинские части солдатами 1928—29 и 30 года призыва, так что, в основном, занятия проводились с ними. Я занимался с ними в автопарке, изучая БТР: устройство и назначение его в боевой обстановке и, как можно на нём переезжать препятствия, например: канавы и траншеи. Приводил им свой пример.

После трёхнедельного лечения в госпитале, я почувствовал себя лучше. Мог всё кушать, и болей в желудке не было. Значит применение спирта в небольших количествах, в лечебных целях, помогает, только не надо этим злоупотреблять. Советую попробовать, кто этим страдает.

Вербовщик из Калининграда приезжал ещё несколько раз и вызывал меня на собеседование, но я не пошёл и он обиду свою высказал Алексею, сказав, что: «Он ещё пожалеет об этом».

Мы уже отправили несколько человек призыва 1925 года рождения. Распрощался и я со своим покровителем старшиной Матвеевым Николаем Степановичем из Смоленской области, пос. Всходы, старшиной Буровым Михаилом Андреевичем, Московская обл. г. Егорьевск, с моими подчинёнными, друзьями: сержантом Кочневым Степаном из Ачинска, Красноярского Края, сержантом Локтионовым Гришей из Курска и другими. Стал и сам собираться и готовиться к дембелю. Со сослуживцами ездили в город по увольнительной. Посещали магазины и покупали гражданскую одежду для себя и выбирали подарки, и гостинцы для родственников. Деньги у нас были, т.к. платили нам хорошо, за должность и звание, и за срок службы.

Однажды, когда мы были в магазине, и мне надо было расчитываться за покупку, я открыл планшетку, как продавщица всплеснула руками и говорит: «Русишь солдат капиталист?». А у меня, действительно, через слюду, внутри виднелись крупные купюры дойч марок.

Пошла очередная волна демобилизации. Мы горячо прощались с оставшимися. Первым подошёл к нашей группе командир роты капитан Левченко. Он, сквозь слёзы, много не говорил обнял меня поцеловал, пожал всем руки и сказал: «Ну, прощайте мои друзья и соратники „дарданелла“!». Отдал нам честь, поблагодарил за службу и ушёл. После него все были немного в замешательстве. Потом стали подходить командиры взводов, прощались, давали напутствие, подошли потом все служивые. Много друзей ещё осталось на будущий поток. Все

обещали не забывать, писать. У меня на сердце, как камень лёг, от этого расстования, потому что чувствовал, что последний раз вижу тех, с кем делил радость и неудачи, и горе разлук со своими боевыми товарищами. Из нашей роты набралось полный «Студер», и из них самый близкий мне человек Ваня Соколов — харьковчанин.

Демобилизация

В пути из г. Галле-Зале в г. Веймар на сборный пункт, ехали все радостными и довольными, и каждый обсуждал, как его будут встречать родители. Я, наверное, один не особенно радовался дембелю, главное, что кончилась эта, никому ненужная, пятилетняя муштра. Ребята это заметили и говорили наперебой, не горюй командир и каждый завёт к себе. А один говорит: «Юра, поедем ко мне, у меня двоюродная сестра на выданье, ей 20 лет. Отец погиб на войне, а она одна с матерью, вот где и дом, и радость». Другой говорит, что у него родная сестра на выданье в Нежине. Третий из Лебедин, Сумской области, но районы наши граничат, тоже говорит, что у меня в Ромнах племянница красавица, тоже только с матерью живёт. Пока шутили и меня подбадривали, незаметно въехали в Веймар.

На сборном пункте, нас распределили в казармы, в которых стояли голые, в два этажа, кровати, занимай любую. Столовая всех не вмещала, и мы ужинали у полевой кухни из своих котелков на улице. Ночью никто не дежурил. Спали на шинелях и на чемоданах. У меня было два чемодана и полевая сумка, где были блокноты, в которых я описывал некоторые интересные события во время службы, фотографии и адреса сослуживцев, и часы для Николая и Вари. Фотоаппарат «Кодак» и бинокль.

Ночью поработали «чистильщики». Поворовали у многих чемоданы и вещмешки. У меня украли чемодан, который стоял около кровати, и сняли сумку, которая висела на кровати около головы. Утром, все пострадавшие возмутились и подняли шум, но воров не нашли, да никто их и не искал. Хорошо, что у меня в другом чемодане, ещё был альбом с фотографиями сослуживцев, командирами взводов и членов бюро ВЛКСМ, всего фото около сотни. Сегодня фотографии и альбом уже истрепались, и я завёл в новый альбом, который лежит сейчас передо мною и напоминает о тех далеких, суровых делах войны, и нелегкого мирного служения Родине за её пределами. Я даже разволновался. Уже третий час ночи, а уснуть не могу и сам себя обвиняю, что гражданская жизнь меня так потрепала, что ни с кем из этих ребят не довелось мне встретиться, хотя я, по работе, и объездил почти половину Советского Союза. Один только радует меня своей жизнью, Чижик Борис Михайлович, бывший артиллерист, с которым мы познакомились на сборном пункте в Веймере.

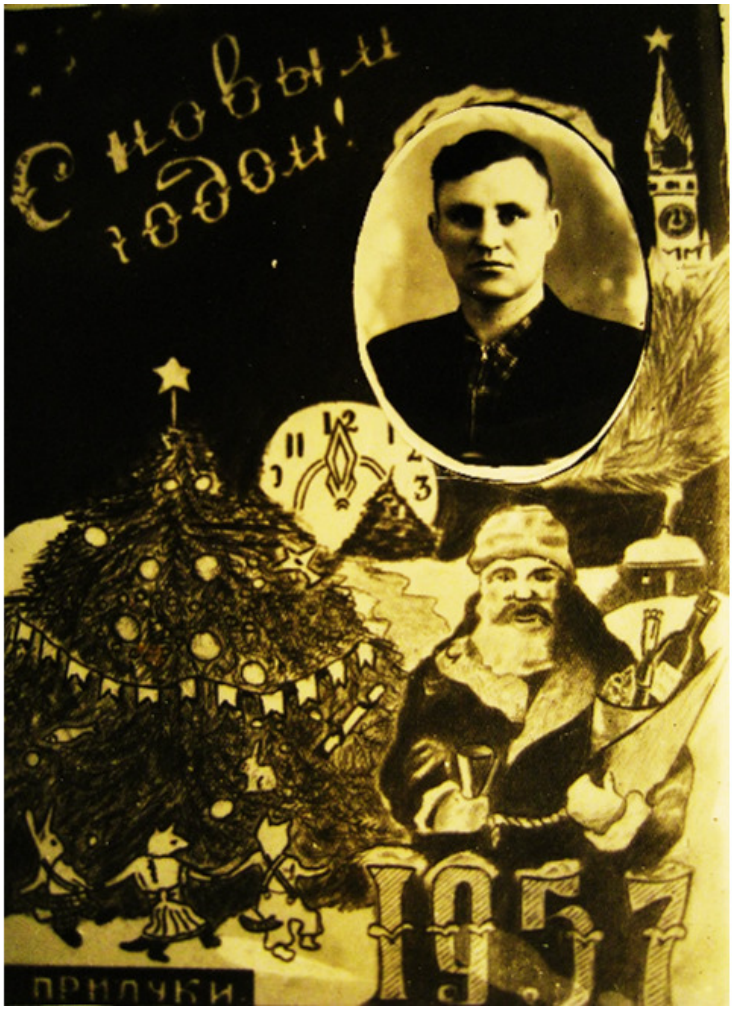
Боря оказался из г. Прилуки и мы с ним уже не расставались. Путь был длинный, ехали в товарном вагоне до самого Киева,

откуда и увозил меня товарняк 8 лет назад. Но сейчас ехали с комфортом, т.к. вагон был оборудован под людей, и их было на половину меньше, чем тогда. С Борисом мы расстались в Прилуках, но неоднократно встречались, даже и жил я у них как брат, когда учился в школе механизации в 1951 году. Сейчас общаемся по телефонной связи. (**См. фото №2)**

В декабре 1950 года, приехал я в село Калюженцы. Встретили меня очень хорошо, как родного. Мачеха, Настя Нычыпоровна, разрешила называть её мамой, а брат Коля и сестричка Варя, это уже родная кровинка. Зиму жил и отдыхал у них, и благодарил Бога, что Он сохранил мне жизнь и возвратил меня, через 8 лет скитаний, в родные места. Очень жаль, что не застал свою молитвенницу, бабушку Евдокию. Невестка её вывезла куда-то из Сокырынец, зато друзья встречали меня с радостью.

Где же вы теперь, друзья однополчане, боевые спутники мои?

1. Я вовремя службы в Германии после войны с 1945 по 1950 г.г.

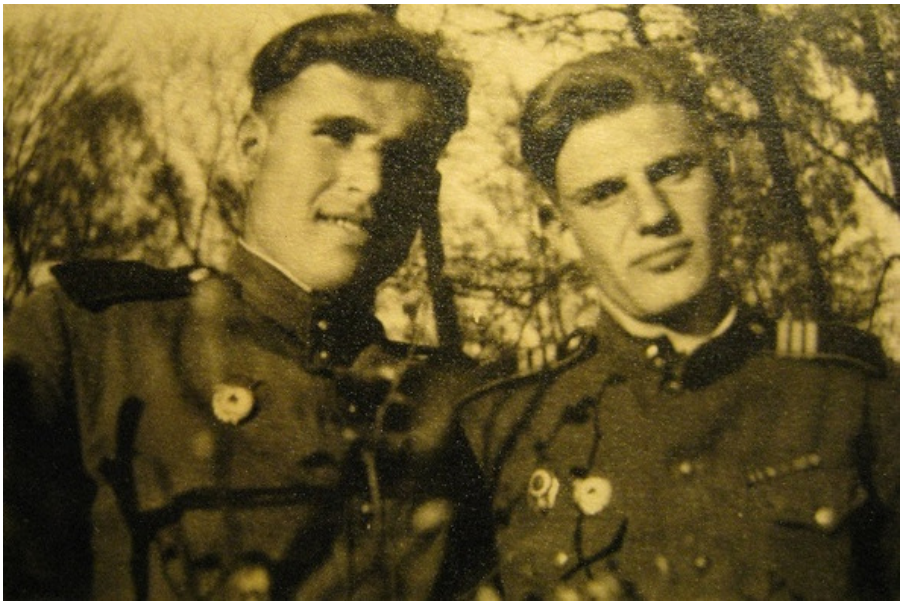


2. Мой земляк из Прилук Чижик Борис, служили вместе в Германии/.

3. Сослуживцы: слева Фомин Георгий и Куштюк Михаил оба из Молдавии.

4. Я и водитель Шевченко из Полтавы, сослуживец.

5. Сидят: л-нт Ушков и Тарасенко Павел, стоят: Соколов Иван, Глушко Юрий (я) и
Смирнов Александр сослуживцы.



6. Карпенко Степан, Глушко Георгий.

Моя трудовая деятельность в тресте «Гидромеханизация»

Российская Федерация

1951—1952 г. г. Строительство Цимлянской ГЭС на р. Дон и Волго — Донского канала на 14 и 15 шлюзах.

ДОЛЖНОСТЬ — шофер

1952—1959 г. г. Переведён на строительство

Волгоградской ГЭС на р. Волга, г. Волжский, Волгоградской области.

ДОЛЖНОСТЬ — шофер, механик, диспетчер управления.

1955—1959 г. г. Совмещая работу с учебой закончил вечерний Волжский энергостроительный техникум.

Во время работы шофером приобрел смежные профессии: автокрановщика, крановщика гусеничных кранов и бульдозериста.

В дальнейшем повышал свои технические знания, самообразованием по институтской программе.

Временно командирован на строительство Куйбышевской ГЭС на р. Волга.

ДОЛЖНОСТЬ — механик земснаряда.

1959—1964 г. г. Переведён на строительство Братской

ГЭС на р. Ангара Иркутской области.

Должность — старший механик, прораб.

1964—1966 г. г. ПЕРЕВЕДЕН — ЗЫРЯНОВСКОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

а) Защитинской карьер нерудных материалов р. Иртыш г. Усть —Каменогорск В. К.О

ДОЛЖНОСТЬ — старший прораб

б) Зыряновский Медно-Обогатительный комплекс,

г. Зыряновск, Восточно-Казахстанская обл.

ДОЛЖНОСТЬ — начальник хозрасчетного участка.

Грузия — Абхазия

ПЕРЕВЕДЕН в Закавказское стройуправление. Посёлок Приморский

1966—1973г.г. а) Строительство Ингурской ГЭС. Каскад из 3-х перепадных ГЭС на реке Ингури, Абхазия.

ДОЛЖНОСТЬ — начальника базы механизации.

С 1968г. НАЗНАЧЕН зам. начальника стройуправления**. Курировал:**

б) ЦХУРГИЛЬСКИЙ карьер нерудных материалов на р. Кодори на берегу Черного моря. (Сухуми).

в) ЧОРОХСКИЙ карьер Н. М. р. Чорох г. Батуми Аджария.

Армения

г) РАЗДАНСКАЯ ГРЭС г. Раздан.

Разданский участок Закавказского Строительное Управление Всесоюзного Треста Гидромеханизации.

Азербайджан

д) Шамхорская ГЭС на р. Кура.

е) Сарсанская ГЭС на р. Тертер, Нагорный — Карабах. Степанакерт.

Россия

МОСКОВСКОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ Треста Гидромеханизации г. Москва

1973—1975 г. г. Северо-Онежский бокситовый рудник. Плесецкий район, Архангельская область.

ДОЛЖНОСТЬ — начальник участка

1975—1977г. г. Загорская ГАЭС, Сергиев-Пасадский район Московской области.

ДОЛЖНОСТЬ — начальник участка.

Абхазия

ПЕРЕВЕДЕН — Закавказское строительное управление. Треста Гидромеханизации.

1977—1978 г. г. Учебный комбинат, пос. Приморский, Гальского района.

ДОЛЖНОСТЬ — И.О. директора учебного комбината.

Республика Коми

1978—1985г. г. ПЕРЕВЕДЕН. Строительство Печорской ГРЭС г. Печора.

ДОЛЖНОСТЬ — Начальник участка.

Литва

1988—1993 г. г. ПЕРЕВЕДЕН — Литовская ГАЭС, п. Кронис.
ДОЛЖНОСТЬ — Начальник участка.
Свободная Литва
1993—1997 г. г. КАУНАС ЗАО «СТАТИБА»
ДОЛЖНОСТЬ-рабочий по снабжению, ШОФЕР.
УЧАСТНИК ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
УДАРНИК 9-Й;10-Й И 11-Й ПЯТИЛЕТОК.
ВЕТЕРАН ТРУДА ТРЕСТА ГИДРОМЕХАНИЗАЦИЯ.
ВЕТЕРАН ТРУДА «МИНЭНЕРГО» СССР.
ПОЧЕТНЫЙ ЭНЕРГЕТИК СССР.

С 1997 г. НА ЗАСЛУЖЕННОЙ ПЕНСИИ
Литва, Каунас, ул. Риту 26/44